ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

MCU JOURNAL OF LEGAL SCIENCES

№ 4 (48)

Научный журнал / Scientific Journal

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Published since 2008
Quarterly

Москва
2022

Редакционный совет:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Илариа Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

Васильев П. В. Аппаратно-программный автоматизм правового регулирования: концепт понимания 7

Дорская А. А., Дорский А. Ю. Проблема разрывов и преемственности в развитии российского права (на примере ссылки на поселение в Сибирь) 22

Завгородняя А. А. Правообразующая воля и легитимность в соотношении источников и форм права 32

Львов А. В. Формирование чиновничьего аппарата Российской империи в XVIII веке (статская служба) 42

Минникес И. В. Проблемы становления советского права: особенности источников 58

Публичное право

Бондарчук И. В., Руденко А. В., Стрельникова И. Ю. Цифровизация нормотворческой деятельности в условиях информационного общества 72

Гущина Т. С., Батюкова В. Е. Детерминанты преступления по незаконному получению кредита 86

Матчанова З. Ш. Теоретические основы ответственности за международные правонарушения 98

Образовательное право

Федорова Е. М., Гаврилова Ю. В. Формирование профессиональной идентичности обучающихся по специальности «Юриспруденция» в образовательных организациях высшего образования 108

Трибуна молодых ученых

Подолянский М. С. Понятие и признаки взаимосвязанных сделок в Российской Федерации 119

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2022, № 4 (48) 129

Требования к оформлению статей 133

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

Vasiliev P. V. Hardware and Software Automatism of Legal Regulation: the Concept of Understanding 7

Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu. The Problem of Gaps and Continuity in the Development of Russian Law (on the Example of Deportation to Siberia) 22

Zavgorodnyaya A. A. Law Forming Will and Legitimacy in the Ratio of Sources and Forms of Law 32

Lvov A. V. Formation of the Bureaucracy of the Russian Empire in the XVIII Century. (Civil Service) 42

Minnikes I. V. Problems of the Formation of Soviet Law: Features of Sources 58

Public Law

Bondarchuk I. V., Rudenko A. V., Strelnikova I. Yu. Digitalization of Rule-Making Activities in the Information Society 72

Gushchina T. S., Batyukova V. E. Determinants of the Crime of Obtaining a Loan Illegally 86

Matchanova Z. Sh. Theoretical Foundations of Responsibility for International Offenses 98

Educational Law

Fyodorova E. M., Gavrilova Yu. V. Formation of Professional Identity of Students in the Specialty "Jurisprudence" in Educational Institutions of Higher Education 108

Tribune of Young Scientists

Podolyansky M. S. The Concept and Features
of Interconnected Transactions in the Russian Federation 119

**Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,
2022, № 4 (48)** 129

Requirements for Style Articles 133

Государство и право: теоретические и исторические аспекты
State and Law: Theoretical and Historical Aspects

УДК 34.023
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.01

П. В. Васильев

Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Ульяновск, Российская Федерация
E-mail: vapv22031979@yandex.ru

АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫЙ АВТОМАТИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: КОНЦЕПТ ПОНИМАНИЯ[1]

Аннотация. Цель исследования состоит в решении проблемы отсутствия теоретико-правового концепта аппаратно-программного автоматизма правового регулирования. Результатом работы стало получение эмпирического подтверждения гипотезы о том, что аппаратно-программный автоматизм правового регулирования представляет собой способность функционирующего на аппаратно-программной основе механизма правового регулирования обеспечивать наступление для лица итоговых, минуя промежуточные, юридических последствий или квазипоследствий посредством автоматизированных действий по фиксации юридически значимых обстоятельств и принятию программным алгоритмом соответствующих правовым предписаниям решений. Аппаратный автоматизм есть свойство функционирования автомата — технического устройства, которое может выполнять действия по заложенной в нем

[1] При написании статьи использованы материалы СПС «КонсультантПлюс» и интернет-сайтов, расположенных по адресам: https://jobyandex.taxi/pravila-yandeks-taksi-princip-raboty/ (дата обращения: 15.05.2022); https://yandex.ru/legal/rules/ (дата обращения: 15.05.2022); https://taxi.yandex.ru/ (дата обращения: 14.05.2022); https://go.yandex/ru_ru/doc/ref (дата обращения: 14.05.2022).

© Васильев П. В., 2022

программе без непосредственного участия человека. Юридический автоматизм есть свойство механизма правового регулирования в целом или свойство конкретного правового средства, обеспечивающее возникновение для участника правоотношений итоговых компонентов его правового статуса без предварительного промежуточного, то есть поэтапного, изменения последнего. Юридический автоматизм предполагает одномоментный, скачкообразный переход правового статуса лица сразу в окончательную, то есть в корреляционную, стадию правового регулирования. Если механизм правового регулирования функционирует без автоматизма, то в правовом статусе адресата можно наблюдать систему предварительных изменений на трансформационной стадии соответствующего правового регулирования. Форма соединения юридического и аппаратного автоматизма есть предусмотренный правом способ возникновения и существования юридической связи между функционированием аппаратно-программных комплексов и компонентным составом правовых статусов участников правоотношений.

Ключевые слова: аппаратно-программный автоматизм; правовое регулирование; юридические последствия; субъективное юридическое право; субъективная юридическая обязанность; юридические квазипоследствия; законный интерес.

UDC 34.023
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.01

P. V. Vasiliev

Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Ulyanovsk, Russian Federation
E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Hardware and Software Automatism of Legal Regulation: the Concept of Understanding

Abstract. The purpose of the study is to solve the problem of the lack of a theoretical and legal concept of hardware and software automatism of legal regulation. The study resulted in obtaining empirical confirmation of the hypothesis that the hardware and software automatism of legal regulation is the ability of a mechanism of legal regulation functioning on a hardware-software basis to ensure the onset of final legal consequences for a person, avoiding intermediate ones or quasi-consequences through automated actions to fix legally significant circumstances and make decisions in accordance with legal regulations by a software algorithm. Hardware automatism is a property of automatic machine functioning or a technical device that can perform the actions of a program embedded in it without the direct participation of a person. Legal automatism is a property of legal regulation mechanism as a whole or a property of a specific legal means that ensures the emergence of legal relations of the final legal status components for a participant without prior intermediate, that is, a phased change in the latter. Legal automatism implies a one-time, spasmodic transition of the legal status of a person immediately to the final, that is, to the correlation stage of legal regulation. If the mechanism of legal regulation functions without automatism, in the legal status of the addressee one can observe a system of preliminary changes at the transformational stage of the corresponding legal regulation. The form of connection

of legal and hardware automatism is the way of the emergence and existence of a legal connection between hardware and software systems components and the component composition of the legal statuses of participants in legal relations provided by law.

Keywords: hardware-software automatism; legal regulation; legal status; legal implications; subjective legal right; subjective legal obligation; legal quasi-consequences; legitimate interest; legal quasi-encumbrance.

Введение

Актуальность изучения аппаратно-программного автоматизма правового регулирования (далее — АПАПР) обусловлена эмпирическим и теоретическим аспектами юридической реальности. Эмпирический аспект представлен достаточно заметным количеством фактов технически автоматизированного и юридически автоматического изменений в составах правовых статусов участников правоотношений. Мы имеем в виду функционирование аппаратно-программных комплексов, таких как система «Платон», осуществляющая взимание платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн, сервисы «Яндекс Go» и др. Теоретический аспект проблематики состоит в наличии теоретико-прикладных проблем, нерешенность которых существенно осложняет формирование целостного теоретического отражения процессов внедрения информационных технологий в правовую систему российского общества.

Большинство указанных проблем нашли свое отражение в научных работах. Так, например, правовые факторы перехода к постиндустриальному технологическому циклу нашли свое отражение в монографии «Смена технологических укладов и правовое развитие России» [6], пониманию цифрового государства и цифровой правовой среды посвящена монография авторского коллектива, в который вошли Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др. [4], а достаточно целостная юридическая концепция роботизации представлена в монографической работе Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова и др., вышедшей под редакцией Ю. А. Тихомирова и С. Б. Нанба [9]. Однако ряд проблемных аспектов, на наш взгляд, еще не имеют удовлетворительных, обоснованных решений. В их числе назовем отсутствие концептуального понимания самого АПАПР.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в решении проблемы отсутствия теоретико-правового концепта АПАПР, то есть в ответе на вопрос о том, что представляет собой АПАПР.

Теоретико-методологическая основа и отдельные методы исследования

В связи с наличием методологического плюрализма в современной юридической науке кратко обозначим теоретико-методологическую основу исследования (парадигма, в понимании Т. Куна). Решение указанной проблемы полагаем

возможным получить в рамках классической рациональности, с опорой на ее принципы, включая принцип достаточного фактического основания (в формальной логике это закон достаточного основания [3, с. 20–21]) и разумность аргументации. Слово «концепт» употребляем в смысле, вкладываемом в него С. С. Неретиной [5, с. 387].

В связи с наличием проблемы полисемии термина «правовое регулирование» кратко обозначим вкладываемый в него смысл. Применительно к употреблению термина «правовое регулирование» ранее нами выявлено [2] как минимум четыре самостоятельных подхода: понимание правового регулирования как формы реализации регулятивной и охранительной функций права (функциональный подход), как разновидности движения управленческой правовой информации от ее генераторов к рецепторам-адресатам (узкокибернетический подход), как деятельности правосубъектного лица по упорядочению общественных отношений юридическими средствами (деятельностный подход), как содержания источников (формы) права или индивидуальных правовых предписаний (содержательный правовой подход). При этом за каждым из данных подходов практикой словоупотребления закреплены свои области применения. В данной работе термином «правовое регулирование» обозначаем формы реализации регулятивной и охранительной функций права, то есть используем функциональный подход к его пониманию. Механизм правового регулирования, вслед за С. С. Алексеевым, понимаем как «совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [1, с. 30].

Основные методы, используемые для получения нового знания: гипотетико-дедуктивный, которым обеспечено выдвижение и фактическая проверка гипотезы, объясняющей все случаи автоматического и автоматизированного возникновения юридических последствий и квазипоследствий; системно-функциональный анализ изменений в правовых статусах участников правоотношений, позволивший выявить как юридические последствия (субъективные юридические права, обязанности), так и юридические квазипоследствия (законный интерес, юридическое квазиобременение); специально-юридический (догматический), посредством которого осуществлено толкование нормативных правовых предписаний; системный, обеспечивший индуктивно-дедуктивное построение содержания работы.

Основное исследование

В качестве гипотезы исследования предлагаем тезис о том, что АПАПР представляет собой способность функционирующего на аппаратно-программной основе механизма правового регулирования обеспечивать наступление для лица итоговых, минуя промежуточные, юридических последствий или квазипоследствий посредством автоматизированных действий по фиксации

юридически значимых обстоятельств и принятию программным алгоритмом соответствующих правовым предписаниям решений.

Аппаратный автоматизм полагаем возможным понимать традиционно, то есть как свойство функционирования автомата — технического устройства, «которое может выполнять действия заложенной в нем программы без непосредственного участия человека» [8, с. 23].

Юридический автоматизм полагаем возможным рассматривать как свойство механизма правового регулирования в целом или свойство конкретного правового средства, обеспечивающее возникновение для участника правоотношений итоговых компонентов его правового статуса без предварительного промежуточного, то есть поэтапного, изменения последнего. Юридический автоматизм предполагает одномоментный, скачкообразный переход правового статуса лица сразу в окончательную, то есть в корреляционную, стадию правового регулирования [7, с. 85]. Если механизм правового регулирования функционирует без автоматизма, то в правовом статусе адресата можно наблюдать систему предварительных изменений на трансформационной стадии соответствующего правового регулирования. Наиболее характерным примером неавтоматического наступления правовых последствий считаем привлечение лица к уголовной ответственности, при котором происходит последовательная смена следующих статусов: подозреваемый; обвиняемый, в том числе подсудимый; осужденный, в том числе лицо, в отношении которого применяется мера назначенного судом наказания, применяются обусловленные судимостью ограничительные меры. В случае автоматического наступления юридических последствий или квазипоследствий подобной поэтапной смены правовых статусов не происходит.

Для достижения цели настоящего исследования полагаем возможным определить форму соединения юридического и аппаратного автоматизма как предусмотренный правом способ возникновения и существования юридической связи между функционированием аппаратно-программных комплексов и компонентным составом правовых статусов участников правоотношений.

Для иллюстрации представленных тезисов, а также в целях более обстоятельного исследования АПАПР, осуществляемого с использованием автоматизированно исполняемых договоров (последние часто неудачно именуют умными договорами, смарт-контрактами и другими словоформами, существенно затрудняющими понимание сущности данных правовых средств), полагаем целесообразным проанализировать случай оплаты услуг по договору об оказании услуг пассажирской перевозки с сервисом «Яндекс.Такси» посредством банковской карты, привязанной к сервису (информационная интернет-инфраструктура) «Яндекс» (далее — «Яндекс»). Данный пример выбран нами как позволяющий наиболее комплексно и наглядно аргументировать предлагаемый концепт АПАПР.

Принцип работы «Яндекс.Такси» («Яндекс Go») лаконично представлен на неофициальном сайте, посвященном работе «Яндекс.Такси» («Яндекс Go»):

«Онлайн-агрегатор собирает информацию о ситуации на дороге, уровне спроса на услуги такси в отдельных районах города. Алгоритм сервиса ведет автоматическую обработку поступающих вызовов, распределяя их между экипажами такси, находящимися в радиусе 0–3 км от запроса, отслеживает их местоположение по GPS и корректирует команды навигатора (карты)»[2].

Механизм правового регулирования договорных отношений в целом (а не только по оплате услуг со счета привязанной к «Яндексу» банковской карты) по использованию конкретным заказчиком услуг такси представляет собой относительно обособленную составную часть механизма правового регулирования четырехсторонних отношений, предмет которых можно обобщенно охарактеризовать как организацию (в смысле деятельности) перевозок такси пассажиров или грузов.

Для того чтобы конкретному человеку воспользоваться услугами такси, оформив заказ посредством сервиса «Яндекс.Такси» («Яндекс Go») с автоматизированной оплатой, необходимо наличие следующих правоотношений:

1) владельца аппаратно-программного комплекса — пользователя сервисом «Яндекс.Такси» («Яндекс Go») (далее — Пользователь, заказчик услуг такси) и кредитной организации, связанной с обслуживанием счета, с которого автоматически (без промежуточного изменения статуса пользователя с момента начала функционирования данного обособленного механизма правового регулирования и до наступления итоговых правовых последствий в виде прекращения обязанности) и автоматизированно (без личного совершения действий по передаче денежных средств) будет списана плата;

2) непосредственно регулируемых пунктом 10.4 «Пользовательского соглашения сервисов “Яндекс”» отношений Пользователя, желающего стать заказчиком услуг такси, и ООО «Яндекс» по использованию поисковой машины «Яндекс» для поиска интересующей его информации, размещенной в сети Интернет (п. 1.1 «Лицензии на использование поисковой системы “Яндекс”»), включая использование банковской карты, привязанной к учетной записи в информационной инфраструктуре «Яндекс»;

3) ООО «Яндекс» и ООО «Яндекс.Такси» (правообладатель исключительных прав на программу «Яндекс Go») по организации использования «Яндекса»;

4) ООО «Яндекс.Такси» и службы такси (партнер «Яндекс.Такси» — водитель легкового такси и (или) предприниматель, осуществляющий деятельность в качестве перевозчика) по использованию сервиса «Яндекс.Такси» на основе договора на оказание услуг по предоставлению доступа к указанному сервису.

Также возможно существование факультативных для изучаемого механизма правового регулирования трудовых правоотношений между службой такси и конкретным водителем (физическое лицо, работник).

---

[2] См.: https://jobyandex.taxi/pravila-yandeks-taksi-princip-raboty/ (дата обращения: 15.05.2022).

Только при наличии этих четырех указанных правоотношений возникает юридическая возможность заключения договора на оказание услуг такси между заказчиком и службой такси. В интересующие нас правоотношения, в рамках которых происходит автоматическая и автоматизированная оплата данных услуг, вступают заказчик услуг такси (он же пользователь сервисом «Яндекс. Такси» («Яндекс Go»)) и ООО «Яндекс.Такси».

Проанализируем материалы документов: «Условия использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)», «Лицензионное соглашение на использование программы “Яндекс Go” для мобильных устройств», а также некоторых других документов, положения которых осуществляют изучаемое правовое регулирование.

Предметная сфера услуг, организация которых обеспечена указанным сервисом, достаточно обширна. Пункт 2.2 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)» упоминает среди них: услуги по перевозке пассажиров и багажа легковым такси; услуги по управлению транспортным средством; иные транспортные услуги; услуги курьерской доставки; сопутствующие (термин наш. — *П. В.*) услуги, а именно предоставление доступа к Wi-Fi в салоне, осуществление фото-, видеофиксации в салоне.

Таким образом, «Условия использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)» — это комплексное правовое средство, функционирование которого представляет собой правовое регулирование отношений в указанной предметной сфере. Анализ каждого из таких отношений считаем излишним, так как само свойство АПАПР у них одинаковое, а различия состоят лишь в предметной сфере. Также считаем необходимым сделать оговорку о том, что подробное изучение «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)» и других указанных документов будет осуществлено только в тех пределах, в которых может быть обнаружен АПАПР. Случаи правового регулирования, осуществляемого неавтоматически с юридико-технической точки зрения и без аппаратно-программной основы (то есть неавтоматизированно), могут представлять интерес для изучения правового регулирования договорных правоотношений изучаемого типа, но не входят в предметную область настоящего исследования. По этой причине представляющие интерес аспекты получат лишь минимально необходимое отражение.

Механизм изучаемого правового регулирования включает в себя как предписания гражданского законодательства о договорах, о защите прав потребителей, иных нормативных правовых актов, так и семи, это как минимум, регулирующих документов (по терминологии «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)»): «Правила акции. Условия использования Промокодов “Яндекс.Плюс”»; «Правила проведения реферальной программы для пользователей сервиса “Яндекс.Такси”»; «Пользовательское соглашение сервисов “Яндекса”»; «Лицензия на использование поисковой системы “Яндекс”»; «Правила программы лояльности “Яндекс Плюс Кешбэк”»; «Условия подписки на “Яндекс Плюс”»; «Политика конфиденциальности».

Изучение правового регулирования, осуществляемого всеми указанными актами, показывает, что началом организационной стадии служит юридический факт установки на аппаратно-программный комплекс приложения «Яндекс Go» и привязки к нему банковского счета карты (в терминологии сервисов «Яндекса» — привязка банковской карты). Это непосредственно следует из текста пункта 1.2 «Лицензионного соглашения на использование программы “Яндекс Go” для мобильных устройств»: «Копируя Программу, устанавливая ее на свое мобильное устройство или используя Программу любым образом, Пользователь выражает свое полное и безоговорочное согласие со всеми условиями Лицензии». Без такой привязки автоматизм АПАПР исполнения обязательств заказчиком невозможен.

Отметим, что Пользователь, принимая условия «Лицензионного соглашения на использование программы “Яндекс Go”» при установке ее на свой аппаратно-программный комплекс, автоматически (то есть без соответствующего отдельного волеизъявления) принимает и «Условия использования сервиса “Яндекс.Такси”» (https://yandex.ru/legal/taxi_termsofuse); «Пользовательское соглашение сервиса “Яндекс.Еда”» (https://yandex.ru/legal/termsofuse_eda); «Условия использования сервиса “Яндекс.Драйв”» (https://yandex.ru/legal/drive_termsofuse); «Условия использования сервиса “Яндекс.Карты”» (https://yandex.ru/legal/maps_termsofuse), а также положения следующих документов ООО «Яндекс» (ОГРН: 1027700229193), которые в полной мере распространяются на использование программы «Яндекс Go»: «Пользовательское соглашение сервисов “Яндекса”», размещенное в сети Интернет (https://yandex.ru/legal/rules), «Лицензия на использование поисковой системы “Яндекса”», размещенная в сети Интернет (https://yandex.ru/legal/termsofuse), «Политика конфиденциальности» (https://yandex.ru/legal/confidential).

Вывод о том, что организационная стадия правового регулирования, осуществляемого изучаемым механизмом, имеет место с момента установки программного обеспечения, основан как на тексте пункта 1.3 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)»: «Начиная использовать Сервис/его отдельные функции, Пользователь считается принявшим настоящие Условия, а также условия Регулирующих документов, в полном объеме, без всяких оговорок и исключений. В случае несогласия Пользователя с какими-либо из положений Условий и/или Регулирующих документов, Пользователь не вправе использовать Сервис», так и на функциональном анализе других компонентов данного механизма. Таким образом, даже еще не планируя заключать конкретный договор, лицо уже на стадии установки приложения приобретает статус Пользователя. Значимым для настоящего исследования считаем то обстоятельство, что при этом какая-либо динамика в правах и обязанностях данного лица отсутствует. На этом основании мы делаем вывод о том, что сам юридический факт установки программного обеспечения, а также привязка счета банковской карты к аккаунту пользователя в «Яндексе» не влечет юридических последствий, а возникают

лишь квазипоследствия в виде простой дозволенности осуществить юридически значимое действие — заказать услуги такси, то есть законный интерес на пользование сервисом «Яндекс Go». Этот вывод основан на том, что сам факт установки программного обеспечения «Яндекс Go» не обусловливает ни возникновения, ни изменения, ни прекращения каких-либо субъективных юридических прав как для пользователя, так и для ООО «Яндекс.Такси». Все права и обязанности возникают до такой установки в силу действия конституционных и гражданско-правовых положений о статусе граждан и границах их правомерного юридически значимого поведения.

Однако в связи с этим представляет интерес тот факт, что пункт 1.4 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)» гласит: «Яндекс. Такси вправе в любое время без уведомления Пользователя изменить положения настоящих Условий, а ООО “Яндекс” вправе в любое время без уведомления Пользователя изменить условия Регулирующих документов. Действующая редакция настоящих Условий размещается по адресу: https://yandex.ru/legal/taxi_termsofuse. Риск неознакомления с новой редакцией Условий и Регулирующих документов несет Пользователь, продолжение пользования Сервисом после изменения Условий или Регулирующих документов считается согласием с их новой редакцией». Представленное положение предусматривает возможность автоматического для Пользователя перехода правового регулирования в трансформационную стадию, даже без его уведомления. При этом механизм правового регулирования, осуществляющий автоматический перевод статуса пользователя в состояние принятия измененных условий, встроен в основной механизм правового регулирования использования сервиса «Яндекс Go». Трансформационная стадия представлена для адресата одним единственным юридически значимым действием регулирующего субъекта — опубликованием измененных условий на интернет-ресурсе: https://yandex.ru/legal/taxi_termsofuse. Кроме того, в данный механизм встроена негативная для адресата автоматическая организационная санкция: «Риск неознакомления с новой редакцией Условий и Регулирующих документов несет Пользователь, продолжение пользования Сервисом после изменения Условий или Регулирующих документов считается согласием с их новой редакцией». Заметим, что с юридико-технической точки зрения для пользователя это бланкетная санкция. Качество и размер негативного воздействия на его правовой статус адресата могут быть любыми, но в пределах, определенных общими положениями законодательства. Данная санкция обеспечивает реализацию интересов ООО «Яндекс» на изменение правового регулирования выгодным ему образом. Для Пользователя это имплицитная диспозиция предписания о действиях по ознакомлению с регулирующими документами. В данном случае мы даже не можем назвать ее юридической обязанностью, так как никаких обязывающих предписаний для пользователя в данном случае не предусмотрено, а субъективное юридическое право на пользование ресурсами Интернета возникает вообще вне механизма изучаемого правового регулирования, то есть на основе общих

конституционных и гражданско-правовых норм о правосубъектности. По этой причине пользователь, принимая пункт 1.4, не приобретает, не утрачивает ни новой юридической обязанности, ни нового права. Изменения содержания последних также не происходит. Таким образом, принятие данного пункта, хотя и представляет собой юридически значимое поведение (создает юридическую и фактическую основы для заключения договора на оказание услуг такси), но правовых последствий для пользователя или вообще кого бы то ни было не влечет. На этом основании мы делаем вывод о возникновении негативных для пользователя юридических квазипоследствий в виде риска организационного характера. В целом мы придерживаемся позиции о том, что сам факт установки программного обеспечения сервиса «Яндекс Go» не влечет правовых последствий ни для пользователя, ни для оператора. Возникают лишь позитивные и негативные юридические квазипоследствия в виде законного интереса на использование копии установленного приложения (позитивные) и риска наступления определенных изменений его правового статуса. Для обозначения негативных юридических квазипоследствий предлагаем термин — «юридические квазиобременения».

Мы настаиваем на данном тезисе, несмотря на то обстоятельство, что некоторыми положениями регулирующих документов формально предусмотрены юридические последствия. Так, например, в пункте 1.5 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)» сказано: «В случае если Яндексом были внесены какие-либо изменения в настоящие Условия, в порядке, предусмотренном п. 1.4 настоящих Условий, с которыми Пользователь не согласен, он *обязан* (курсив наш. — *П. В.*) прекратить использование Сервиса». Фраза «обязан прекратить использование Сервиса» сформулирована как юридическая обязанность. Однако системно-функциональный анализ правового регулирования показывает, что исполнить ее можно только пассивным способом. При этом деинсталлировать программное обеспечение пользователь не обязан. Ему, в случае несогласия (гипотеза нормы), предписано лишь воздержаться от конклюдентного принятия новой редакции условий (диспозиция нормы), иначе его статус претерпит изменения в форме автоматического согласия с новой редакцией условий. Таким образом, с точки зрения динамики прав и обязанностей ему вообще ничего не предписано. Весь пункт 1.5 опять-таки предусматривает только юридические квазипоследствия. Глядя с юридико-технической точки зрения на конструкцию данного пункта, можно отметить неуместность использования слова «обязан», которое лучше заменить на слова «надлежит» или «рекомендуется». Вся конструкция в более корректном виде может иметь следующую формулировку: «Если “Яндексом” были внесены какие-либо изменения в настоящие Условия, в порядке, предусмотренном п. 1.4 настоящих Условий, с которыми Пользователь не согласен, то ему рекомендуется воздержаться от использования Сервиса, иначе он будет автоматически считаться принявшим действующую редакцию Условий».

Отметим, что изучаемая норма не лишена актуальности. На 27 мая 2022 года на ресурсе Интернета: https://yandex.com/legal/yandexgo_termsofuse/#index__russia_ru — имеются сведения о 27 предыдущих редакциях Условий использования сервиса «Яндекс.Такси» («Яндекс Go»).

Уверенность в возникновении только юридических квазипоследствий на организационной стадии изучаемого правового регулирования также может поколебать фраза пункта 1.7 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)»: «Применение любых технических и программных методов обхода данных ограничений запрещено». Однако формально обозначенный запрет (диспозиция запрещающей нормы) по своему существу представляет собой нормативное излишество, так как данный запрет уже установлен нормами, осуществляющими правовое регулирование общих охранительных правоотношений. Мы имеем в виду нормы-предписания статей гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» УК РФ: ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», статья 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» и некоторые другие. Кроме того, гражданским законодательством предусмотрены негативные для адресата (недобросовестный пользователь) гражданско-правовые последствия совершения действий, указанных в пункте 1.7 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)»: это ст. 1252 ГК РФ «Защита исключительных прав» и другие. С юридико-технической точки зрения достаточно и даже более корректно было бы ограничиться бланкетным предписанием о возникновении для адресата юридической ответственности в соответствии с действующим законодательством, например, следующим образом: «Применение любых технических и программных методов обхода данных ограничений влечет ответственность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации».

Все сомнения в том, что принятие пользователем условий всех указанных документов в части изучаемого предмета (АПАПР услуг такси) влечет только юридические квазипоследствия, снимает пункт 2.3 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)»: «Яндекс.Такси не несет ответственности за содержание и/или актуальность информации, предоставляемой Службами Такси, включая информацию о стоимости услуг Служб Такси, а также об их наличии в данный момент. Взаимодействие Пользователя со Службами Такси по вопросам приобретения услуг осуществляется Пользователем самостоятельно (без участия Яндекс.Такси) в соответствии с принятыми у Служб Такси правилами оказания услуг. Яндекс.Такси не несет ответственности за финансовые и любые другие операции, совершаемые Пользователем и Службами Такси, а также за любые последствия приобретения Пользователем услуг Служб Такси». Таким образом, никаких новых субъективных юридических прав или обязанностей ни у пользователя, ни у ООО «Яндекс.Такси» не возникает. Никаких новых обязанностей, обусловленных фактами установки и пользования программой «Яндекс Go», никто исполнять не должен. Однако после установки мобильного приложения у пользователя возникает юридически оформленная

возможность (до этого момента ее технически не существовало) пользоваться сервисом «Яндекс.Такси» («Яндекс Go»). В связи с тем что для обозначения такой возможности термин «субъективное юридическое право» неуместен (нет правосубъектных лиц, юридически обязанных обеспечить реализацию такого права), предлагаем для этого использовать термин «позитивные юридические квазипоследствия в форме законного интереса», или «законный интерес».

Пункт 2.5 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)» утверждает: «Яндекс.Такси оставляет за собой право на свое усмотрение ограничить доступ Пользователя к Сервису (или к определенным функциям Сервиса, если это возможно технологически) с использованием его учетной записи или полностью заблокировать учетную запись Пользователя при неоднократном нарушении настоящих Условий, либо применить к Пользователю иные меры с целью соблюдения требований законодательства или прав и законных интересов третьих лиц», — но это ничего нового по существу в правовое регулирование, осуществляемое законодательством, не добавляет, никак не влияя на правовые статусы участников отношений по пользованию услугами сервиса «Яндекс.Такси» («Яндекс Go»).

АПАПР наступления автоматических негативных санкционных правовых последствий (автоматические санкции) предусмотрен пунктом 2.8 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)»: «Служба Такси может *взимать плату* (*применять штрафную санкцию* — курсив и примечание наши. — *П. В.*) за отказ Пользователя от совершения поездки/услуги, если такой отказ произошел после принятия Службой Такси заказа. Размер такой платы рассчитывается аналогично стоимости поездки/услуги по тарифу за период времени с момента фактической подачи автомобиля в место подачи или с момента подачи, указанного в предоставленной Пользователю информации от Службы Такси в отношении заказанной Пользователем услуги по перевозке или услуги курьерской доставки (в зависимости от того, что наступило позднее), до момента отказа Пользователя от совершения поездки/услуги или аналогично минимальной стоимости поездки в рамках соответствующего тарифа. Пользователь совершает отказ от поездки/услуги путем направления соответствующего уведомления Службе Такси посредством Сервиса. Пользователь, не совершивший посадку в поданный Службой Такси автомобиль в течение 10 (десяти) минут и/или не предоставивший к перевозке груз и/или не предоставивший к курьерской доставке посылку, в случае, если это предусмотрено в рамках оказания Службой Такси транспортных и иных услуг, с учетом времени бесплатного ожидания, указанного в соответствующем тарифе, считается отказавшимся от поездки/услуги, если иное не предусмотрено правилами соответствующей Службы Такси, либо договоренностями между Пользователем и представителем (водителем) Службы Такси»[3]. Заметим,

[3] Цитата приведена в соответствии с редакцией документа от 30.10.2020 из сайта: https://yandex.com/legal/yandexgo_termsofuse/#index_russia_ru

что механизм правового регулирования, осуществляемого данным пунктом, именно санкционный. Он текстуально обособлен в форме самостоятельного пункта (как это обычно и бывает при оформлении уголовных, административных, гражданских и иных санкций), функционально встроен в механизм основного правового регулирования отношений по пользованию сервисом «Яндекс.Такси» («Яндекс Go»). Данный санкционный механизм для правового регулирования на основе договора заказчика услуг такси со службой такси факультативен, так как начинает функционировать только в тех случаях, когда поведение пользователя может быть квалифицировано как нарушение положений конкретного заключенного договора.

Механизм правового регулирования автоматического исполнения обязательств пользователя посредством автоматизированного списания со счета его банковской карты денежных средств (корреляционная стадия правового регулирования пользования услугами сервиса «Яндекс.Такси» («Яндекс Go»)) регламентирован разделом 3 «Условий использования сервиса “Яндекс.Такси” (“Яндекс Go”)», посвященным оплате услуг. Пункт 3.1.2 устанавливает, что «Пользователю может быть доступна функция безналичной оплаты с Привязанной банковской карты (п. 3.2 настоящих Условий); в этом случае Яндекс.Такси действует по поручению соответствующей Службы Такси с привлечением уполномоченного оператора по приему платежей, или оператора электронных денежных средств, или иных участников расчетов, информационно-технологического взаимодействия, и является получателем платежа в качестве агента Службы Такси (далее — безналичная оплата). Яндекс.Такси не гарантирует отсутствия ошибок и сбоев в работе Сервиса в отношении предоставления возможности безналичной оплаты». Анализ текста данного пункта показывает, что завершение трансформационной стадии правового регулирования и перевод его в корреляционную стадию происходит для пользователя одномоментно. Однако ООО «Яндекс.Такси», являясь агентом (то есть оно состоит в агентских правовых отношениях с соответствующей службой такси), действует по поручению этой службы. Это действие состоит в автоматизированном приеме платежей от пользователя, формально осуществляемом путем автоматического для пользователя и автоматизированного для всех участников правоотношений списания также автоматизированно рассчитанной платы по тарифу, с последующим зачислением суммы на счета службы такси и ООО «Яндекс.Такси» в пропорции, соответствующей договоренности между ними. Достаточно необычно выглядит оговорка о том, что «Яндекс.Такси не гарантирует отсутствия ошибок и сбоев в работе Сервиса в отношении предоставления возможности безналичной оплаты». Это есть отражение существенной особенности АПАПР на современном уровне технико-технологического развития, не позволяющего давать такие гарантии.

Заключение

В данной работе представлено концептуальное понимание АПАПР, данное на примере сервиса «Яндекс.Такси» («Яндекс Go»), показана специфика изменений правовых статусов участников правоотношений, регулирование которых обеспечено функционированием аппаратно-программных комплексов. Данная специфика состоит в автоматизации, то есть замене юридически значимого поведения (действий и бездействий правосубъектных лиц) функционированием программных алгоритмов, а также в юридическом автоматизме наступления правовых последствий (субъективные юридические права и обязанности) или квазипоследствий (законный интерес и юридическое квазиобременение).

Литература

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.

2. Васильев П. В. Подходы к пониманию правового регулирования в юридической науке // Взгляд ученого: к 60-летию профессора Толстика Владимира Алексеевича; под общ. ред. Н. А. Трусова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД, 2020. С. 160–168.

3. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юридических вузов / под ред. В. И. Кириллова; 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. 240 с.

4. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило [и др.]; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с.

5. Неретина С. С. Концепт // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. 1248 с.

6. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.

7. Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права. Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. 106 с.

8. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35 000 значений: Более 70 000 иллюстрат. примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ, 2003. 1582 с.

9. Юридическая концепция роботизации: монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.

Literatura

1. Alekseev S. S. Mexanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. 187 s.

2. Vasil`ev P. V. Podxody` k ponimaniyu pravovogo regulirovaniya v yuridicheskoj nauke // Vzglyad uchenogo: k 60-letiyu professora Tolstika Vladimira Alekseevicha; pod obshh. red. N. A. Trusova. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD, 2020. S. 160–168.

3. Kirillov V. I., Starchenko A. A. Logika: uchebnik dlya yuridicheskix vuzov / pod red. V. I. Kirillova; 6-e izd., pererab. i dop. M.: TK Velbi, Prospekt, 2008. 240 s.

4. Koncepciya cifrovogo gosudarstva i cifrovoj pravovoj sredy`: monografiya / N. N. Chernogor, D. A. Pashencev, M. V. Zaloilo [i dr.]; pod obshh. red. N. N. Chernogora, D. A. Pashenceva. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2021. 244 s.

5. Neretina S. S. Koncept // E`nciklopediya e`pistemologii i filosofii nauki. M.: Kanon+; Reabilitaciya, 2009. 1248 s.

6. Pashencev D. A., Zaloilo M. V., Dorskaya A. A. Smena texnologicheskix ukladov i pravovoe razvitie Rossii: monografiya. M.: IZiSP: Norma: INFRA-M, 2021. 184 s.

7. Rad`ko T. N., Tolstik V. A. Funkcii prava. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya vy`sshaya shkola MVD RF, 1995. 106 s.

8. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: Ok. 7000 slovar. st.: Svy`she 35 000 znachenij: Bolee 70 000 illyustrat. primerov / pod red. D. V. Dmitrieva. M.: AST, 2003. 1582 s.

9. Yuridicheskaya koncepciya robotizacii: monografiya / N. V. Antonova, S. B. Bal`xaeva, Zh. A. Gaunova [i dr.]; otv. red. Yu. A. Tixomirov, S. B. Nanba. M.: Prospekt, 2019. 240 s.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2022;
одобрена после рецензирования: 20.06.2022;
принята к публикации: 21.06.2022.

The article was submitted: 05.06.2022;
approved after reviewing: 20.06.2022;
accepted for publication: 21.06.2022.

УДК 34.047
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.02

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: adorskaya@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8723-8673

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: dorski@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0991-2941

ПРОБЛЕМА РАЗРЫВОВ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ССЫЛКИ НА ПОСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ)

Аннотация. В статье проводится анализ развития такого вида наказаний, как ссылка на поселение в Сибирь, показывающий, что, несмотря на видимые разрывы в истории российского права, вызванные радикальными изменениями формы государства, преемственность может сохраняться даже в отношении тех институтов права, которые, на первый взгляд, должны быть уничтожены. Данная тема стала предметом изучения еще в XIX веке, однако на современном этапе произошла ее актуализация в силу нового этапа переживания истории, когда самоидентификация государств и народов, которые были в составе Российской империи или Советского Союза, опирается на имеющийся опыт или строится на его отрицании.

Целью исследования является комплексная характеристика ссылки на поселение в Сибирь как наказания, возникшего в XVIII веке и прошедшего путь существенной трансформации, включающей в себя как разрывы сложившейся традиции, так и преемственность, возникающую самым неожиданным образом. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: охарактеризовать основные этапы эволюции ссылки на поселение в Сибирь как вида уголовного наказания; выявить цели уголовной политики в отношении развития данного наказания; показать место ссылки на поселение в Сибирь в системе уголовных наказаний Российской империи; выявить преемственность дореволюционного, советского и современного подходов в отношении ссылки на поселение в различных ее формах.

В результате работы на примере ссылки на поселение в Сибирь как уголовного наказания Российской империи показана необходимость использования опыта разных эпох при оценке современных проектов реформирования.

Ключевые слова: преемственность в праве; ссылка на поселение в Сибирь; система уголовных наказаний; ссыльные; колонии-поселения; общеуголовная ссылка; разрыв в правовом развитии.

Благодарности: часть исследования, выполненная А. А. Дорской, подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».

© Дорская А. А., Дорский А. Ю., 2022

UDC 34.047
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.02

A. A. Dorskaya
North-West Branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: adorskaya@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8723-8673

A. Yu. Dorsky
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: dorski@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0991-2941

The Problem of Gaps and Continuity in the Development of Russian Law (on the Example of Deportation to Siberia)

Abstract. The article analyzes the development of such type of punishment as deportation to Siberia, showing that despite the visible gaps in the history of Russian law caused by radical changes in the form of the state, continuity can be maintained even in relation to those institutions of law that, at first glance, should be destroyed. This topic became the subject of study back in the 19th century, but at the present stage it has been updated due to a new stage of "experiencing history", when the self-identification of states and peoples that were part of the Russian Empire or the Soviet Union is based on existing experience or is built on its denial.

The purpose of the study is to comprehensively characterize the exile to a settlement in Siberia as a punishment that arose in the 18th century and went through a significant transformation, including both breaks in the established tradition and continuity that arises in the most unexpected way. In accordance with the goal, the following tasks are set in the article such as to characterize the main stages in the evolution of exile to a settlement in Siberia as a type of criminal punishment, to identify the goals of criminal policy in relation to the development of this punishment, to show the place of exile to a settlement in Siberia in the system of criminal penalties of the Russian Empire, to identify the continuity of pre-revolutionary, Soviet and modern approaches in relation to the deportation to a settlement in its various forms.

As a result of the work, using the example of deportation to a settlement in Siberia as a criminal punishment of the Russian Empire, the need to use the experience of different eras in assessing modern reform projects is shown.

Keywords: continuity in law; exile to a settlement in Siberia; system of criminal penalties; exiles; settlement colonies; common criminal exile; gap in legal development.

Acknowledgments: part of the research carried out by A. A. Dorskaya, was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project 22-28-01346 "Experiencing history as a factor in the self-identification of states and peoples in the 21st century: a legal dimension".

Введение

Для различных этапов развития общества характерно переживание истории, которое может принимать разнообразные формы. К одной из них можно отнести попытки отказа от тех институтов и норм права, которые ассоциируются с предыдущим этапом, причем имеют явно негативную окраску. В этом случае возникает желание либо отказаться от них полностью, либо заменить на другие, более гуманные и справедливые. Однако дальнейший ход событий очень часто показывает, что вызывавшие всеобщий протест нормы права имели определенное обоснование, а иногда даже необходимость, а поэтому нередко происходит возврат к ним.

Проблема разрывов и преемственности применительно к истории российского права имеет особую значимость и актуальность в силу целого ряда причин. Только за XX век в России дважды (в 1917 и 1991 годах) кардинально поменялась форма правления, произошли серьезные изменения государственных границ, трансформировались установки общественного развития. При этом зачастую возникало и возникает ощущение некоторой цикличности, создающей круговорот отказов от определенных ценностей и возвращений к ним.

Рассмотреть данный процесс можно на примере системы наказаний, эволюция которой может рассматриваться как индикатор того, насколько существенны разрывы в государственно-правовом и общественном развитии или, наоборот, сильны тенденции преемственности. Интересным примером обращения в разные эпохи к одной и той же идее и ее модернизации с учетом конкретных условий была ссылка на поселение в Сибирь, а это одно из наиболее тяжких наказаний в арсенале карающей руки закона.

Степень научной разработанности темы

Ссылке на поселение в Сибирь стало уделяться большое внимание еще в дореволюционной России. В 60-е годы XIX века на волне либеральных буржуазных реформ появились художественные произведения о ссыльных [3]. Затем царское правительство стало разрабатывать меры по смягчению данного наказания. Например, в 1900 году для Комиссии о мероприятиях по отмене ссылки А. П. Саломон написал небольшой историко-правовой очерк [13].

В советский период ссылка, как правило, рассматривалась вместе с каторгой [14], изучалось значение ссылки для развития отдаленных регионов России, в частности влияние декабристов, участников польского восстания 1863 года на модернизационные процессы в Сибири, выявлялись особенности политической ссылки [7].

На современном этапе изучению этого вида наказаний посвящено значительное количество работ. Исследования касаются вопросов реформирования правовых норм о ссылке [1; 12], помещичьего права ссылки крепостных

до времени отмены крепостного права [5; 11], замены ссылки на отдачу в военную службу рядовыми [4], взаимодействия государства и российского общества в уголовно-правовой сфере [6], особенностей ссылки в советский период [18], соотношения ссылки на поселение и ссылки на каторжные работы [20] и т. д. Научный интерес к данной проблеме не ослабевает в силу того, что, во-первых, расширяется круг источников, в частности архивных; во-вторых, этот вид наказания воспроизводился даже после радикальной смены власти или политического режима, несмотря на то что вначале от него пытались отказаться; в-третьих, ссылка применялась к различным народам России и имела здесь некоторые особенности, поэтому изучение идет не только с уголовно-правовых позиций, но и с точки зрения правового положения отдельных групп населения — по национальному, вероисповедному, сословному и классовому признакам.

Методы

В статье при помощи хронологического метода установлена последовательность принятия нормативных правовых актов, регулировавших ссылку на поселение в Сибирь как вид наказания. Системный метод позволил показать место ссылки в системе наказаний. Дескриптивный метод использовался при описании содержания данного вида наказаний. Формально-юридический метод был применен при анализе содержания нормативно-правовых актов разных эпох. В рамках использования сравнительно-правового метода был применен диахронный срез, позволивший проследить эволюцию данного вида наказаний в различные эпохи.

Основная часть

Появлению ссылки на поселение в Сибирь как виду наказания предшествовало развитие других форм ссылки. В частности, о ссылке упоминалось в Соборном уложении 1649 года[1], политический смысл ссылке придал Петр I, когда стал отправлять представителей знатных родов на северные территории. Понятие же «ссылка на поселение в Сибирь» впервые было использовано в Сенатском указе от 13 декабря 1760 года[2], целью которого было обеспечение

[1] Соборное уложение 1649 г. // Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. С. 67–431.

[2] Сенатский указ от 13 декабря 1760 года «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрутов, и о платеже из казны за жен и детей обоего пола тех отправляемых крестьян, по назначенной в сем указе цене» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XV. № 11166.

роста населения Сибирской губернии для развития хлебопашества. Именно поэтому данное наказание могло распространяться на крестьян до 45 лет возрастом за воровство, пьянство, непристойные проступки, причем разрешалось ехать в Сибирь отбывать наказание вместе с женами и детьми. Для помещиков это была выгодная мера, поскольку такие крестьяне засчитывались им за рекрутов, а за членов семей осужденных государство еще и платило.

Последующее развитие этого вида наказаний в течение 60 лет было противоречивым. С одной стороны, трудности возникали как с точки зрения правового регулирования (бессистемно принималось огромное количество указов, в результате чего возникала коллизия содержавшихся в них норм), так и реализации правовых норм (например, с 1773 до 1775 года власти пришлось отменить ссылку на поселение в Сибирь, потому что в Казани уже находилось около 5 тыс. ссыльных, которые не могли продолжить путь в Сибирь и Оренбург из-за отсутствия нормальной организации процесса со стороны местных властей, часть из них вернули в прежние места, а других определили на крепостные работы [16, с. 9]). Не были реализованы многие проекты, связанные с использованием ссыльных для решения государственных задач. В частности, из-за огромной смертности на пути к месту ссылки, вызванной отсутствием элементарных условий выживания, потерпела неудачу идея заселения 10 тыс. ссыльными территории на границе с Китаем, несмотря на всю стратегическую важность освоения данного региона [Там же, с.10]. С другой стороны, для крепостных крестьян ссылка на поселение в Сибирь могла, наоборот, через 10 лет привести к переходу в разряд государственных крестьян с последующим получением по 30 десятин земли на душу и освобождением на десятилетие от податей.

Важное значение имело Положение для поселения в Сибири 1806 года, в котором признавалось, что ссыльные крестьяне вместе с семьями отправляются к месту ссылки без теплой одежды, кормовых денег и выживают в пути только за счет подаяний и, даже прибыв на место, часто погибают, потому что им не предоставляют никаких условий для жизни. В положении предписывалось организовывать для ссыльных особые поселения[3].

Серьезные изменения произошли с принятием Устава о ссыльных 1822 года, согласно которому ссылка в Сибирь делилась на каторжные работы и на поселение. По оценке К. К. Кораблина, многие положения данного устава появились благодаря личным впечатлениям М. М. Сперанского, который на протяжении нескольких лет воочию наблюдал процесс этапирования ссыльных [9, с. 284]. На его основании были созданы Тобольский приказ о ссыльных, Центральный сборный пункт ссыльных в Сибирь, а также Экспедиция о ссыльных в Иркутске. До этого орган учета ссыльных находился в Тюмени. Ссыльные были разделены на шесть разрядов. Теперь они лишались всех прав

[3] Именной указ от 29 июня 1806 года, данный Сенату, с приложением доклада Министра внутренних дел, положения для поселения в Сибири и штата чиновников, для сего определенных // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXIX. № 22189.

состояния, права приобретать собственность, не могли находиться на государственной службе, заниматься общественной, педагогической, юридической, медицинской деятельностью[4]. Современные исследователи подчеркивают, что этот документ, хотя и должен был способствовать улучшению положения ссыльных, главным образом имел колонизационные цели [2, с. 17]. Правда, статистика конца XIX века показала, что предпринимаемые правительством меры были не слишком успешными: с 1807 по 1898 год в Сибирь было сослано вместе с членами семьи около 900 тыс. человек, однако, по данным всеобщей переписи населения 1897 года, ссыльных среди населения Сибири оказалось 5,2 % [8, с. 20], т. е. в силу разных причин ссыльные не оседали в Сибири.

Идея сочетания ссылки на поселение в Сибирь с лишением всех прав состояния была реализована и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Ссылка на поселение в Сибирь была поставлена на третье место из четырех в классификации уголовных наказаний по степени тяжести (после смертной казни и ссылки на каторжные работы)[5]. Среди осужденных к ссылке на поселение в Сибирь могли оказаться лица, совершившие убийство близкого родственника, поджог, нарушившие карантинные меры, сектанты.

В 1900 году общеуголовная ссылка была отменена. Данный вид наказания вплоть до 1917 года сохранили только за совершение государственных и религиозных преступлений. В этот период на правительственном уровне уже было четкое осознание того, что ссылка на поселение в Сибирь как вид наказания себя исчерпала.

После революционных событий 1917 года, казалось, было очевидным, что ссылки на поселение в Сибирь не будет в системе формирующегося уголовного права молодой Советской республики, что в традиции уголовных наказаний России должен произойти разрыв. Тем более что многие большевики сами в свое время были ссыльными. Однако очень быстро к этому вопросу вернулись.

Сначала в 1924 году за введение ссылки как меры наказания высказались V Всероссийский съезд деятелей юстиции и Комиссия по пересмотру дел осужденных. Затем в этом же году в п. «ж» ст. 13 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» среди мер социальной защиты появилось удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового[6]. Несмотря на то что понятие «ссылка на поселение» не использовалось,

---

[4] Высочайше утвержденный Устав о ссыльных от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29128.

[5] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX. Отделение 1. № 19283.

[6] Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 31.10.1924 г. // Музей истории российских реформ им. П. А. Столыпина. URL: http://музейреформ.рф/node/13946 (дата обращения: 02.09.2022).

фактически произошло восстановление наказания, которое существовало на протяжении 150 лет в дореволюционную эпоху.

Широко использовалась ссылка в период коллективизации, при депортации народов в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Так, 23 мая 1929 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло Постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных», которым, по оценке А. П. Шекшеева, вводилась новая практика их изоляции, а вместе с нею еще неизвестные способы колонизации неосвоенных территорий [18, с.137]. 11 июля 1929 года СНК СССР принял постановление о создании сети ИТЛ ОГПУ, которую осенью того же года возглавило Сибирское управление лагерей особого назначения ОГПУ. С 1939 года началась депортация народов, недавно вошедших в состав СССР, а с 1941 года — депортация карачаевцев, крымских татар, калмыков, чеченцев, ингушей. Как отмечает Т. К. Щеглова, депортационные выселения 1940-х годов существенно отличались от предыдущих, которые были в 1920–30-е годы, когда всех ссыльно-репрессированных размещали в пунктах созданной сети закрытых лагерей. В 1940-е же годы депортируемые, как правило, жили в домах местного населения [19, с. 245].

На современном этапе существует такой вид наказания как высылка в колонии-поселения, которые главным образом находятся в лесистой местности Сибири и Дальнего Востока. Их существование предусмотрено ст. 56, 58 и 72 Уголовного кодекса Российской Федерации[7] и ст. 128 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации[8]. Колонии-поселения не являются новым явлением для нашей страны, поскольку они появились согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1963 г. «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо ставших на путь исправления»[9]. Уже в 1990-е годы специалисты провели параллели с дореволюционным периодом, отмечая, что колонии-поселения внешне во многом напоминают ссылку [15]. Этот указ был отменен в 1970 году, когда вступил в силу Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Как отмечает А. Г. Чатаджян, в этих документах подчеркивалась лояльность колоний-поселений по сравнению с обычными исправительно-трудовыми колониями, выражавшаяся в том, что осужденные не чувствовали себя в них изолированными от общества [17].

---

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.07.2022).

[8] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.06.2022).

[9] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1963 г. «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо вставших на путь исправления» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 26. Ст. 248.

Заключение

Проблема разрывов и преемственности в развитии права имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку позволяет увидеть перспективу функционирования тех или иных государственно-правовых институтов, оценить риски их реформирования.

На примере такого наказания, как ссылка на поселение, возникшего в XVIII веке и имевшего корни в еще более раннем времени, можно увидеть, что при имевшихся абсолютно различных мотивациях и в дореволюционный, и в советский период власть пыталась с его помощью решить не только вопросы реализации уголовной и уголовно-исправительной политики, но и проблему существенной диспропорции в распределении населения в западной и восточной частях страны. Несмотря на видимый разрыв в подходах до и после 1917 года, в них наблюдается преемственность. Не является исключением и современный период. Например, при оценке необходимости введения уголовного наказания в виде принудительных работ на базе исправительных центров как альтернативе наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества, специалисты обращаются к советскому опыту и пытаются доказать отсутствие больших перспектив от такого реформирования [10, с. 109].

Литература

1. Архипов С. В. Генезис института ссылки в механизме штрафной колонизации восточных окраин России в XIX веке // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2020. С. 28–35.

2. Архипов С. В. Устав о ссыльных 1822 г. как источник пенитенциарного права и его роль в реализации колонизационной политики России в XIX в. // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 2 (6). С.14–17.

3. Бешенцов А. Н. Ссыльная: роман в 2 ч. М.: Типография Бахметева, 1866. 182 с.

4. Горелов В. Н. Вместо ссылки в Сибирь на поселение… к отдаче в военную службу рядовыми // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 51–55.

5. Долгих А. Н. Ссылка крестьян на поселение в Сибирь по воле помещиков в законодательстве Российской империи // Российская история. 2013. № 3. С. 74–84.

6. Захаров В. П. Власть и общество: проблемы ссылки и переселения // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. Т. 12. № 2. С. 56–60.

7. Кодан С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. Иркутск: Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова, 1980. 95 с.

8. Кораблин К. К. Русская ссылка в Сибирь в период с XVI до начала XX столетия // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2016. № 1. С. 18–31.

9. Кораблин К. К. Трансформация наказания в виде каторги и ссылки в русском праве (XIX – начало XX вв.) // Образование и право. 2020. № 10. С. 284–289.

10. Кузнецов В. И. Достижение цели наказания в исправительных центрах как альтернатива колониям поселениям // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 106–110.

11. Моряков Е. Ю. Ссылка на поселение в мемуарах бывших крепостных // Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России: сборник научных статей. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021. С. 233–239.

12. Нефедовская Е. В. Реформы российской ссылки в эпоху Александра I: содержание и последствия // Современная научная мысль. 2014. № 1. С. 50–61.

13. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб.: Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1900. 53 с.

14. Ссылка и каторга в Сибири. XVIII – начало XX вв.: сборник статей / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1975. 304 с.

15. Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. И. В. Шмарова. М.: Бек, 1996. 417 с.

16. Упоров И. В. Ссылка на поселение в Российской империи: законодательное регулирование и особенности исполнения (XVIII – начало XIX века) // Дискурс. 2019. № 3 (29). С. 6–13.

17. Чатаджян А. Г. Колония-поселение как вид исправительного учреждения в истории российского законодательства // Информационные материалы для студентов: сайт. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=759 (дата обращения: 01.09.2022).

18. Шекшеев А. П. «Кулацкая» ссылка на территории Енисейской Сибири (1929–1934 гг.) // Сибирский архив. 2020. № 2 (4). С. 134–167.

19. Щеглова Т. К. Этнические депортации в Алтайский край: этапы, состав, численность, особенности размещения (1939–1956 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. № 10. С. 243–253.

20. Volchetskaia T. S., Smirnov L. B., Shestakov D. A. Exile to settlement in Siberia in the criminal punishment system of the Russian empire in the 19th and early 20th centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. T. 12. № 6. C. 946–952.

Literatura

1. Arxipov S. V. Genezis instituta ssy`lki v mexanizme shtrafnoj kolonizacii vostochny`x okrain Rossii v XIX veke // Ugolovno-ispolnitel`naya sistema: realii i perspektivy` razvitiya: materialy` II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pskov: Pskovskij filial Akademii FSIN Rossii, 2020. S. 28–35.

2. Arxipov S. V. Ustav o ssy`l`ny`x 1822 g. kak istochnik penitenciarnogo prava i ego rol` v realizacii kolonizacionnoj politiki Rossii v XIX v. // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2015. № 2 (6). S. 14–17.

3. Beshenczov A. N. Ssy`l`naya: roman v 2 ch. M.: Tipografiya Baxmeteva, 1866. 182 s.

4. Gorelov V. N. Vmesto ssy`lki v Sibir` na poselenie… k otdache v voennuyu sluzhbu ryadovy`mi // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2012. № 11. S. 51–55.

5. Dolgix A. N. Ssy`lka krest`yan na poselenie v Sibir` po vole pomeshhikov v zakonodatel`stve Rossijskoj imperii // Rossijskaya istoriya. 2013. № 3. S. 74–84.

6. Zaxarov V. P. Vlast` i obshhestvo: problemy` ssy`lki i pereseleniya // Vestnik Severo-Vostochnogo federal`nogo universiteta im. M. K. Ammosova. 2015. T. 12. № 2. S. 56–60.

7. Kodan S. V. Politicheskaya ssy`lka v sisteme karatel`ny`x mer samoderzhaviya pervoj poloviny` XIX v. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvenny`j universitet im. A. A. Zhdanova, 1980. 95 s.

8. Korablin K. K. Russkaya ssy`lka v Sibir` v period s XVI do nachala XX stoletiya // Osnovny`e tendencii gosudarstvennogo i obshhestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost`. 2016. № 1. S. 18–31.

9. Korablin K. K. Transformaciya nakazaniya v vide katorgi i ssy`lki v russkom prave (XIX – nachalo XX vv.) // Obrazovanie i pravo. 2020. № 10. S. 284–289.

10. Kuzneczov V. I. Dostizhenie celi nakazaniya v ispravitel`ny`x centrax kak al`ternativa koloniyam poseleniyam // Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatel`stvo: sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2020. S. 106–110.

11. Moryakov E. Yu. Ssy`lka na poselenie v memuarax by`vshix krepostny`x // Lyudi imperii — imperiya lyudej: personal`naya i institucional`naya istoriya Aziatskix okrain Rossii. Sbornik nauchny`x statej. Omsk: Omskij gosudarstvenny`j universitet im. F. M. Dostoevskogo, 2021. S. 233–239.

12. Nefedovskaya E. V. Reformy` rossijskoj ssy`lki v e`poxu Aleksandra I: soderzhanie i posledstviya // Sovremennaya nauchnaya my`sl`. 2014. № 1. S. 50–61.

13. Salomon A. P. Ssy`lka v Sibir`. Ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya. SPb.: Tipografiya Sankt-Peterburgskoj tyur`my`, 1900. 53 s.

14. Ssy`lka i katorga v Sibiri. XVIII – nachalo XX vv. Sbornik statej / otv. red. L. M. Goryushkin. Novosibirsk: Nauka, 1975. 304 s.

15. Ugolovno-ispolnitel`noe pravo: uchebnik / pod red. I. V. Shmarova. M.: Bek, 1996. 417 s.

16. Uporov I. V. Ssy`lka na poselenie v Rossijskoj imperii: zakonodatel`noe regulirovanie i osobennosti ispolneniya (XVIII – nachalo XIX vekov) // Diskurs. 2019. № 3 (29). S. 6–13.

17. Chatadzhyan A. G. Koloniya-poselenie kak vid ispravitel`nogo uchrezhdeniya v istorii rossijskogo zakonodatel`stva // Informacionny`e materialy` dlya studentov: sajt. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=759 (data obrashheniya: 01.09.2022).

18. Sheksheev A. P. «Kulaczkaya» ssy`lka na territorii Enisejskoj Sibiri (1929–1934 gg.) // Sibirskij arxiv. 2020. № 2 (4). S. 134–167.

19. Shheglova T. K. E`tnicheskie deportacii v Altajskij kraj: e`tapy`, sostav, chislennost`, osobennosti razmeshheniya (1939–1956 gg.) // E`tnografiya Altaya i sopredel`ny`x territorij. 2020. № 10. S. 243–253.

20. Volchetskaia T. S., Smirnov L. B., Shestakov D. A. Exile to settlement in Siberia in the criminal punishment system of the Russian empire in the 19th and early 20th centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. T. 12. № 6. S. 946–952.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2022;
одобрена после рецензирования: 20.06.2022;
принята к публикации: 21.06.2022.

The article was submitted: 05.06.2022;
approved after reviewing: 20.06.2022;
accepted for publication: 21.06.2022.

УДК 340.1
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.03

А. А. Завгородняя
Донбасская юридическая академия,
Донецк, Донецкая Народная Республика
E-mail: nastacija@mail.ru

ПРАВООБРАЗУЮЩАЯ ВОЛЯ И ЛЕГИТИМНОСТЬ В СООТНОШЕНИИ ИСТОЧНИКОВ И ФОРМ ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается мнение о том, что в юридической науке на сегодня не существует единого понимания таких правовых категорий, как форма и источник права. Отмечается, что не определено значение соответствующей последовательности в рамках отображения равновесия индивидуальных, публичных, а также государственных интересов, которые, в зависимости от государственной идеологии и политического режима, могут и противостоять публичным интересам в классическом значении. Также в современных исследованиях такие категории (определения), как источники и формы права, более не отождествляются и не выступают синонимами. Взгляды на данные категории в науке различны. Относительно легитимации отмечается, что она неразрывно корреспондируется с термином «легитимность» и предполагает признание и подтверждение законности (легитимности) власти, социального института или статуса, полномочий. Сформулированные положения и выводы в исследовании позволяют утверждать, что понимание и исследование источников права на современном этапе должны рассматриваться с учетом идентификации правообразующей воли как способа, отражающего правообразующее намерение.

Ключевые слова: право; легитимность; легитимация; источники права; формы права; правообразующая воля; судебный прецендент.

UDC 340.1
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.03

A. A. Zavgorodnyaya
Donbass Law Academy,
Donetsk, Donetsk People’s Republic
E-mail: nastacija@mail.ru

Law Forming Will and Legitimacy in the Ratio of Sources and Forms of Law

Abstract. The article discusses the opinion that there is no common understanding of such legal categories as the form and source of law in legal science today. It is noted that the value of the corresponding sequence has not been determined within the framework of displaying the balance of individual, public, as well as state interests, which, depending on the state ideology and political regime, may also oppose public interests in the classical sense. Also, in modern studies, such categories (definitions) as sources and forms of law are no longer identified and are not synonymous. Views on these categories in science are different. Regarding legitimation it is noted that it is inextricably correlated with the term

© Завгородняя А. А., 2022

of legitimacy and involves the recognition and confirmation of the legality (legitimacy) of power, social institution or status, authority. The formulated provisions and conclusions in the study allow us to assert that the understanding and study of the sources of law at the present stage should be considered taking into account the identification of the law forming will as a way that reflects the law forming intention.

Keywords: law; legitimacy; legitimation; sources of law; forms of law; law forming will; judicial precedent.

Введение

Право в социально-ценностном понимании стало необходимым и незаменимым инструментом, который позволяет индивидам и социальным группам иметь гарантированные средства для удовлетворения своих потребностей с учетом потребностей других субъектов со смежными либо конкурирующими интересами. В связи с этим, учитывая динамику гармонизации правовых систем в процессе международного взаимодействия, переоценка нетипичных для традиционного правопонимания источников права обусловливает исследование их действия, в чем важное место отводится поиску критериев их легитимности. Поскольку традиционно основу отечественного правопонимания составляла идея этатизма, проблемы легитимности права и легитимности государственной власти долгое время не поднимались либо исследовались частично. Одна из наиболее популярных тем в отечественной теории права — тема законности. Законность определяется как соблюдение закона всеми субъектами, но при этом не упоминается о признании в обществе в целом либо отдельными субъектами в частности положений, закрепленных в законодательстве [6, с. 12]. В этой связи уместной будет отсылка к высказыванию Г. Кельзена об обобщении юридического позитивизма, при котором «всякое произвольное содержание может быть правом» [2, с. 3].

Методы

Методологическую основу работы составили как общенаучные, так и частно-научные методы исследования в комплексе. В частности, в статье использованы системно-функциональный и синергетический подходы. В рамках указанных подходов использованы методы логические, формально-юридические, теоретического анализа, синтеза, приемы научного моделирования и обобщения, а также метод сравнительного правоведения.

Основная часть

Проблематика легитимности многогранна. Стоит отметить, что понимание смысла права определено множеством факторов, среди которых результативность, действенность и собственно признание права как ценности и средства реализации интересов субъектов, а также определено типами правопонимания. Процесс легитимации в юридической литературе неразрывно связывается

с термином «легитимность» и подразумевает непосредственно признание и подтверждение законности (легитимности) власти, социального института или статуса, полномочий. Такое подтверждение законности всегда опирается на установленные в соответствующем обществе ценности, подверженные динамике в рамках развития общества, их границы четко не установлены и всегда носят относительный и субъективный характер. Само общество всегда неоднородно, а признание ценностей не носит рационального характера и подвержено влиянию эмоциональной составляющей. Следовательно, говорить лишь о соответствии конкретных правоустановлений универсальным ценностям (равенству, справедливости, свободе) будет необъективно и неправильно [5, с. 68]. Такое положение усложняет интерпретацию смысла права, заложенного в определенном правовом тексте.

Указанная проблематика обусловливает цель поиска оптимальных моделей сосуществования и развития человека, общества, государства, а также особого рода коммуникации отдельных индивидов и государства и их развития. Такая модель должна позволить адекватно отображать и реализовывать разноуровневые и разнохарактерные частные и публичные интересы в актах государства и муниципальных органов как основных формах закрепления права в отечественной правовой действительности.

Источники и формы права, а также их соотношения являются предметом научных исследований, среди которых можно отметить работы О. С. Болгова, Ф. М. Гаджинова, В. В. Ершова, М. В. Кича, Г. В. Мальцева, С. В. Мирошкиной, В. И. Синайского, М. К. Сулейменова, М. Ю. Спирина, Г. Ф. Шершеневича. Тем не менее в научных кругах единства по поводу соотношения категорий форм и источников права не достигнуто, не определено и значение соответствующей последовательности в отображении критериев равновесия индивидуальных, публичных, а также государственных интересов, которые, в зависимости от государственной идеологии и политического режима, могут и противостоять интересам публичным в их классическом значении.

На современном этапе развития учений о праве произошло разделение понятий источников и форм права, которые ранее признавались синонимами. Накопление знаний о праве в информационном обществе, плюрализм правопонимания, глобализация теоретических знаний о праве привели к тому, что отрицать значение единства правообразующих факторов и форм отображения права, а соответственно, и разграничения источников и форм права, на что указывают некоторые исследователи, означало бы отказ от учета в рамках правовой действительности важных детерминант, а также поверхностное отношение к тем возможностям теоретического и практического характера, которые дает дифференциация правопорождающих факторов [3, с. 49].

Традиционный подход в отечественной юриспруденции к пониманию форм права является плюралистическим, при котором к содержанию этого понятия относится право в историческом значении, в значении идеологическом (как идей, влияющих на правотворчество) и в значении условий социальных отношений,

с целью урегулирования которых и появляются правовые предписания. Основное значение в таком подходе придается формальным источникам права как исторически сложившимся в современной правовой доктрине [4, с. 32]. Предполагается, что именно они отражают истинную правовую волю.

Развитие подходов к пониманию права, учитывающих его многоаспектность, позволило определять его правогенез с учетом разносторонних характеристик не только с позиции формы отражения правил поведения, но и с позиции целеполагания, социальных факторов влияния на правообразование и правотворчество, ценностей. В частности, С. В. Мирошкина в своем исследовании определяет право в качестве системы правовых представлений о должном и возможном поведении участников общественных отношений, основанных на принципах справедливости, равенства и ответственности. Отмечается, что именно такое представление о праве позволяет установить соответствующий правой режим, который будет характеризоваться оптимальным соединением частных и публичных интересов, а также интересов государственных. Праву присуща содержательная (внешняя) сторона, в которой учитываются идеологические и материальные части самого права (отношения как источника) [14, с. 35]. Однако С. В. Мирошкина, как и другие исследователи, хоть и придерживается концепции неразделения понятий источников и форм права, но признает источники права так: в материальном смысле — как условия жизни, порождающие инициативу правового регулирования, в идеальном смысле — как правосознание правотворческого органа, и в формальном — как различные формы выражения правил поведения [Там же, с. 36]. Такая позиция свидетельствует о том, что, по сути, автор признает правопорождающую силу для таких формальных источников, как нормативные акты, объединяя ее из материальных и идеальных источников.

Т. В. Кашанина высказывает позицию, что источники права — это воля субъектов правотворчества, каковой может быть: воля человечества (права человека, принципы права); воля народа (референдумные нормы); воля государства (законодательные нормы); воля коллектива (корпоративные нормы); воля отдельных индивидов, организаций (договорные нормы) [10, с. 41]. Следует в этом контексте отметить и волю государств в формировании положений транснациональных актов жесткого и мягкого права. Тем не менее в этой системе взглядов нет места для явлений, которые обусловили эту волю. Чаще они находятся вне права, но для понимания смысла права, а также его социальной ценности их невозможно не учитывать.

В. В. Ершов понимает под источниками права факторы (начала), его (право) творящие, а под формой права — внешнее их выражение [7, с. 10]. Позиция, в соответствии с которой источники права — это сила, создающая правовые предписания, а формы права — внешнее и внутреннее выражение права, является достаточно распространенной [8, с. 53].

Есть и другие взгляды на источники права, под которыми понимаются: правопроизводящие силы [19, с. 36]; сила, создающая право и факторы правообразования [12, с. 343]; сила, творящая право, а закон является формой, в которой

находит внешнее выражение право, которое вырабатывается всеми элементами общественного сознания [Там же, с. 345]; объективная всеобщая воля.

Взгляды на формы права также различны. Формы права В. И. Синайский понимает как выражение правообразующих сил [15, с. 68], Т. В. Кашанина — как резервуары, в которых содержатся юридические нормы. Т. В. Кашанина выделяет сдедующие исторически образованные формы права: правовой обычай, религиозные нормы, юридический прецедент, деловой обычай, правосознание, нормативный акт, юридическая доктрина, судебная практика, моральные воззрения, договор [10, с. 12]. Изложенная система форм права, по нашему мнению, не является точной, поскольку, например, правосознание, мораль являются идеологической основой для субъекта, выражающего свою юридическую волю в форме, которая будет приемлемой для восприятия.

По мнению М. Ю. Спирина, следует отходить от монистической и плюралистической моделей восприятия категории «источник (форма) права», учитывая различие типов правопонимания в восприятии источников права и его различных форм [17, с. 24]. Форма права является средством закрепления и документального выражения юридических норм, содержащих в себе уже выраженную (отраженную) волю субъекта правотворческой деятельности, выступающего как источник права [16, с. 44]. Исследователь раскрывает соотношение и проводит дифференциацию истоков права, источников права, форм права с позиции волевой концепции правообразования. Факторы правотворчества, являясь истоками, оказывают влияние на субъект воли, который правомочен выразить ее в правовых нормах и закрепить в соответствующих нормативных документах [17, с. 24]. Следует поддержать данную позицию линейного восприятия источников права через волевой критерий, поскольку он позволяет дифференцировать факторы правообразования, правообразующую волю и форму закрепления воли в урегулировании конкретных отношений.

Несоответствие монистической модели источников права правовой действительности и ее несостоятельность в рамках понимания права как многоаспектного явления объясняется следующим. В позитивизме источником права является воля государства, а формой, выражающей правила поведения, — нормативный акт. В этой теории не учитывается правообразующий фактор, который объективно существует и воздействует на субъекты правотворчества: условия и обстоятельства социальной действительности, в которой проявляются различные потребности ее субъектов. В этом истоке права и проявляется его смысл. Без соответствующего целеполагания, связанного со сбалансированной возможностью реализации множественности интересов, правовая система имеет этатические признаки и воспроизводит право в самом себе, являясь закрытой системой, которая становится неэффективной. Линейная теория позволяет найти в правовой системе и правовой действительности место для источников, форм права, которые по различным причинам особенностей правопонимания оспариваются в доктрине права.

Проведенное М. В. Кичей исследование по обобщению взглядов на источники права с позиции интегративного правопонимания позволило ей сделать

вывод, что четкая, логичная, целостная, гармоничная и научно обоснованная система форм и источников внутригосударственного и международного права отвечает всем требованиям для применения ее в современной правовой системе России и необходима для эффективного правового регулирования и решения ряда актуальных теоретических и практических вопросов [11, с. 31]. Выбор подходов для решения указанных проблем имеет свое значение в вопросе определения соотношения между внутригосударственным и международным правом, а также правообразующей волей и, что первостепенно, между целеполагающей и инструментальной сущностями права.

Для дальнейшего анализа в качестве примера возьмем правовые акты конститутивного и конвенционального значения.

В соответствии с действующими положениями Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15). Следует отметить положение о верховенстве Конституции РФ над международными соглашениями РФ. Они обусловливают в теории права и на практике множество вопросов, требующих доктринального анализа, к которым относится и проблема взаимодействия и соотношения источников международного и национального права, определения роли судов в применении международного права [11, с. 30; 9, с. 17].

Относительно судебного прецедента обратим внимание на мнение М. К. Сулейменова, который утверждает, что внедрение судебного прецедента как источника права отечественного законодательства является одной из существенных угроз принципу верховенства права в целом. В одном из своих исследований автор аргументирует данный вывод, во-первых, исторической особенностью правовой системы Англии — классического примера прецедентного права, во-вторых, наличием мощной системы контроля. Автор указывает на то, что правовая система Англии имеет особое отношение к нормативному акту, которое не свойственно отечественной правовой системе. Несмотря на распространение нормативного акта как источника права, суды Англии обладают правом корректировки его применения. Традиционно прецедентное право не устанавливается законодательством, а связано с правовым обычаем. Действует так называемое право справедливости. Тем не менее, несмотря на сближение двух разных правовых систем и унификацию международных норм по разным направлениям, отношение к нормативному акту традиционно остается различным, что связано с разными типами правопонимания и юридического мышления в целом. На сегодня тезис об ориентированности отечественного законодательства в сторону рассмотрения судебного прецедента как источника права, его внедрения и заимствования является в корне неверным по ряду причин. Не углубляясь в мотивирование недопустимости судебного прецедента как источника права в правовой системе, М. К. Сулейменов утверждает, что речь должна идти не о появлении нового источника права в отечественном праве, а о расширении значения самого судебного решения, повышении объективности решений,

их обоснованности, законности. Иными словами, судебное решение должно выступать должным образцом, примером для принятия последующих решений по аналогичной группе дел. Поэтому исследователь утверждает, что в рамках российского права можно говорить лишь о специальном значении понятия «прецедент» как «прецедент толкования закона»[1].

Анализируя судебный прецедент как источник права, стоит остановиться и на юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Так, на основании Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Россией признается ipso facto и без специального соглашения юрисдикция ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией[2]. Ратификация этой конвенции сделала актуальным вопрос о юридической природе решений ЕСПЧ в системе отечественного права. По мнению Г. В. Мальцева, действия ЕСПЧ не содержат элементов импровизированного нормотворчества ввиду того, что эти решения основаны на Конвенции и других актах. ЕСПЧ обладает правом толкования положений Конвенции, что по своей природе не является созданием новой нормы права (с этим сложно не согласиться). Толкование нормы и создание нормы права через судебный прецедент — разные процессы. По мнению Г. В. Мальцева, «в решениях суда по правам человека отсутствует основополагающий признак судебного прецедента как самостоятельной формы права» [13, с. 642].

Однако с учетом того, что Конвенция является живым инструментом и подлежит эволюционному толкованию, ЕСПЧ приспосабливает нормы Конвенции к реалиям изменяющихся общественно-правовых условий и, по сути дела, наполняет конвенционное регулирование новым содержанием. При этом следует подчеркнуть, что суд не выходит за установленные Конвенцией и Протоколами к ней правовые рамки. ЕСПЧ может отменять ранее созданные правовые позиции и формулировать новые, если для этого есть убедительные основания, в частности необходимость обеспечения того, чтобы толкование Конвенции отражало изменения в обществе и оставалось соответствующим социальным реалиям. ЕСПЧ, используя имеющийся у него правовой инструментарий, создает на основе положений Конвенции и Протоколов к ней новые нормы права (нормы толкования), которым должны следовать субъекты права государств — участников Конвенции [1]. То есть цель Конвенции, как и цель любого акта, заложенная законодателем, может и, по сути, должна меняться, а суды, применяя нормативный акт, должны учитывать правообразующий

---

[1] Сулейменов М. К. Верховенство права: идея и реальность // Юрист — законы Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34129124 (дата обращения: 24.06.2022).

[2] О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: ФЗ от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации: [сайт]. URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-30031998-n-54-fz-o/ (дата обращения: 24.06.2022).

фактор (исток права), они же формируют правовую волю и отражают ее в судебном решении в соответствии со смыслом права.

В этом смысле Конвенцию и решения ЕСПЧ можно соотнести с законом и подзаконным нормативно-правовым актом, где подзаконный акт должен соответствовать акту высшей юридической силы, регулируя отношения, исходя из социальных условий и потребностей в их динамике. В этом контексте можно привести пример Конституции РФ, в которой общественные отношения, урегулированные в зависимости от публичных потребностей и социальных условий, подлежат контекстуальному урегулированию на уровне иных нормативных актов с учетом нормативно установленных императивов, ориентированных на стабильные конституционные ценности. Но императивы, учитывая смысл права в отражении его истоков, сами по себе должны быть легитимны. В этом контексте конституция страны априори должна быть правовым законом, то есть нормативным актом, отражающим смысл права, а средства конституционного контроля играют важнейшую роль в оценке легитимности иных нормативных актов.

Решения Конституционного суда РФ представители доктрины права и конституционного права называют «вторичными источниками права», «теневыми» источниками права, в том числе и потому, что его решения имеют прецедентный характер [18, с. 52]. Если рассматривать акты Конституционного суда РФ либо ЕСПЧ в качестве актов обязательного толкования нормы права, тогда они отражают актуальные, индивидуализированные интересы, могут содержать в себе новые положения, конкретизирующие положения толкуемых норм, подлежащих применению и изменяющих практику применения, а поэтому являются формами права. Конституция РФ, закрепляя основы российского общества и правопорядка в нем, также является живым инструментом, призванным и позволяющим отразить согласование интересов, обеспечить равновесие интересов, представленных в обществе в их динамике.

Выводы

Развитие современного общества обусловливает, бесспорно, необходимый глобальный дискурс по поводу характеристики действительности права, содержанием которого является обеспечение правом значимых в обществе интересов в их уравновешенном состоянии, в том числе в их динамике. Это детерминирует формирование и реализацию права на основе установления действительного смысла права через идентификацию правообразующих факторов и воли. В связи с этим автор выдвигает гипотезу относительно понимания и исследования источников права как воли, выражающей полилогическое либо субъективное намерение в получении благ, являющихся предметом интересов в обществе. Содержание выраженного намерения как источника права имеет межсубъектную природу в связи с презюмируемым согласованием/согласием субъектов на определенное соотношение интересов. Воля,

в зависимости от субъекта правообразования и наличия справедливого правообразовательного дискурса, определяет в первую очередь способы и меру реализации возможностей, которые отражают соответствующие интересы, а в последующем позволяют динамично интерпретировать, при толковании норм права и их применении, данное правообразующее намерение.

Литература

1. Аверьянов К. Ю. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 275–281.

2. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптев, при участии Ф. Кальшойера. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. 173 с.

3. Болгова О. С. Основные источники права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 48–50.

4. Гаджинова Ф. М. Источники права и их система в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 171 с.

5. Голенок С. Г. Легитимность и эффективность права: к вопросу о понятиях, их содержании и соотношении // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 2 (15). С. 67–78.

6. Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2020. 605 с.

7. Ершов В. В. Источники и формы российского права // Российское правосудие. 2009. № 6. С. 4–15.

8. Ершова Е. А. Источники и формы трудового права в России // Трудовое право. 2007. № 10. С. 43–57.

9. Ершов В. В., Ершова В. А. Современные проблемы международного права // Российское правосудие. 2006. № 2. С. 17–28.

10. Кашанина Т. В. Эволюция форм права // Lex Russica. 2011. № 1. С. 34–53.

11. Кича М. В. Соотношение форм и источников права с позиции интегративного правопонимания // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 25–31.

12. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права [репр.] / авт. предисл. И. Ю. Козлихин. М.: Юридический центр Пресс, 2003. 354 с.

13. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 799 с.

14. Мирошник С. В. Источник права и форма права: соотношение понятий // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 35–37.

15. Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 636 с.

16. Спирин М. Ю. Источник и форма права: волевая парадигма // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. № 2. Т. 1. С. 42–49.

17. Спирин М. Ю. Соотношение истока права, источника права и формы права с позиции волевой концепции правообразования // Юридический вестник Самарского ун-та. 2018. № 1. Т. 4. С. 23–27.

18. Хабриева Т. Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М.: Юристъ, 1998. 244 с.

19. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. 556 с.

Literatura

1. Aver`yanov K. Yu. Resheniya Evropejskogo suda po pravam cheloveka v sisteme istochnikov prava // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2012. № 2. S. 275–281.

2. Aleksi R. Ponyatie i dejstvitel`nost` prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu) / per. s nem. A. N. Laptev, pri uchastii F. Kal`shojera. M.; Berlin: Infotropik Media, 2011. 173 s.

3. Bolgova O. S. Osnovny`e istochniki prava // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 92. S. 48–50.

4. Gadzhinova F. M. Istochniki prava i ix sistema v sovremennom rossijskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. 171 s.

5. Golenok S. G. Legitimnost` i e`ffektivnost` prava: k voprosu o ponyatiyax, ix soderzhanii i sootnoshenii // Rossijskij zhurnal pravovy`x issledovanij. 2018. № 2 (15). S. 67–78.

6. Denisenko V. V. Legitimnost` prava (teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. … d-ra yurid. nauk. SPb., 2020. 605 s.

7. Ershov V. V. Istochniki i formy` rossijskogo prava // Rossijskoe pravosudie. 2009. № 6. S. 4–15.

8. Ershova E. A. Istochniki i formy` trudovogo prava v Rossii // Trudovoe pravo. 2007. № 10. S. 43–57.

9. Ershov V. V., Ershova V. A. Sovremenny`e problemy` mezhdunarodnogo prava // Rossijskoe pravosudie. 2006. № 2. S. 17–28.

10. Kashanina T. V. E`volyuciya form prava // Lex Russica. 2011. № 1. S. 34–53.

11. Kicha M. V. Sootnoshenie form i istochnikov prava s pozicii integrativnogo pravoponimaniya // Yuridicheskaya nauka. 2014. № 2. S. 25–31.

12. Korkunov N. M. Lekcii po obshhej teorii prava [repr.] / avt. predisl. I. Yu. Kozlixin. M.: Yuridicheskij centr Press, 2003. 354 s.

13. Mal`cev G. V. Social`ny`e osnovaniya prava. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 799 s.

14. Miroshnik S. V. Istochnik prava i forma prava: sootnoshenie ponyatij // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2013. № 5. S. 35–37.

15. Sinajskij V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. M.: Statut, 2002. 636 s.

16. Spirin M. Yu. Istochnik i forma prava: volevaya paradigma // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishheva. 2018. № 2. T. 1. S. 42–49.

17. Spirin M. Yu. Sootnoshenie istoka prava, istochnika prava i formy` prava s pozicii volevoj koncepcii pravoobrazovaniya // Yuridicheskij vestnik Samarskogo un-ta. 2018. № 1. T. 4. S. 23–27.

18. Xabrieva T. Ya. Tolkovanie Konstitucii Rossijskoj Federacii: teoriya i praktika. M.: Yurist``, 1998. 244 s.

19. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.). M.: SPARK, 1995. 556 s.

Статья поступила в редакцию: 07.06.2022;
одобрена после рецензирования: 23.06.2022;
принята к публикации: 25.06.2022.

The article was submitted: 07.06.2022;
approved after reviewing: 23.06.2022;
accepted for publication: 25.06.2022.

УДК 32; 34
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.04

А. В. Львов

Институт права и управления,
Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
E-mail: Lvovav@mgpu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИНОВНИЧЬЕГО АППАРАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ (СТАТСКАЯ СЛУЖБА)

Аннотация. Статья приурочена к 300-летию Табели о рангах 1722 года. Целью статьи является исследование процесса формирования корпуса государственных служащих на статской службе Российской империи, а также связанных с этим процессом проблем. Прежде всего, это проблема кадров, которая напрямую касается вынужденного привлечения на государственную службу людей из податных сословий. Еще одной темой в рамках решения кадровой проблемы являются попытки создать чисто дворянский государственный аппарат с помощью введения для дворянских детей должности коллегии-юнкеров. В связи с этим рассматривается роль указа Петра I от 31 января 1724 года, а также вопрос о возможности приобретения недворянскими кадрами секретарской должности. Дополнительными проблемами при формировании кадров статской службы были отсутствие должного уровня образования у дворян, изначально негативное отношение дворянства к статской службе, а также продолжавший существовать чрезвычайный дефицит кадров в провинциальных государственных учреждениях. Еще одной важной вехой в развитии отечественной государственной службы был манифест Петра III от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», который породил массу проблем, связанных с переходом офицеров на статскую службу и упразднением должности коллегии-юнкера. Кадровую проблему усугубляет губернская реформа 1775 года, в результате которой на государственную службу массово стали приниматься представители недворянских сословий (в том числе и податных) с выводом их из подушного оклада. Завершением процесса формирования статского государственного аппарата стали преобразования Павла I, направленные на преобразование дворянского права служить в обязанность и возродившие дворянскую должность коллегии-юнкера.

Ключевые слова: государственная служба; чинопроизводство; коллегии-юнкеры; канцеляристы; секретари; дворяне; приказные.

© Львов А. В., 2022

UDC 32; 34
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.04

A. V. Lvov
Institute of Law and Management,
Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: Lvovav@mgpu.ru

Formation of the Bureaucracy of the Russian Empire in the XVIII Century (Civil Service)

Abstract. The article is dedicated to the 300th anniversary of the Table of Ranks of 1722. The purpose of the article is to study the process of formation of the corps of civil servants in the civil service of the Russian Empire, as well as the problems associated with this process. First of all, this is the problem of personnel, which directly concerns the forced recruitment of people from the tax-paying estates to the public service. Another topic in the framework of solving the personnel problem is an attempt to create a purely noble state apparatus by introducing the position of collegiate cadets for noble children. In this regard, the role of the decree of Peter I of January 31, 1724, as well as the possibility of acquiring secretarial positions by non-noble personnel is considered. Additional problems for the formation of civil service personnel were such as the lack of the proper level of required education among the nobility, initially negative attitude of the nobility towards the civil service, and, in addition, the continuing shortage of personnel in provincial state institutions. Another important milestone in the development of the domestic public service was the manifesto of Peter III on February 18, 1762 "On granting liberties and freedom to all Russian nobility", which gave rise to a lot of problems associated with the transition of officers to the civil service and the abolition of the position of collegiate cadets. The personnel problem is increased by the provincial reform of 1775, as a result of which representatives of non-noble classes (including taxable ones) massively began being enrolled in the civil service, with their withdrawal from the capitation salary. The completion of the process of formation of the state apparatus was the transformation of Paul I, aimed at transforming the right of the nobility to serve as a duty and reviving the noble position of collegiate cadets.

Keywords: civil service; promotion in rank; collegiate cadets; clerks; secretaries; nobles; petty officials.

Введение

Царствование Петра I стало важнейшим этапом в истории отечественной государственной службы. Если ранее, в XVI–XVII веках, сложились особые группы населения, объединявшие своих членов в неоднородное служилое сословие, представители которого выполняли определенные виды государевой службы, то петровская Табель о рангах 1722 года не только стала первым специальным отечественным нормативным актом, регламентировавшим государственную службу, но и впервые четко отделила гражданскую (статскую) службу от других видов государственной службы. Благодаря этому важному нововведению был сформирован в виде специальной социальной группы, представители которой обладали особым правовым

положением, фундамент российского чиновничества. При этом более жесткой стала и зависимость (особенно материальная) чиновничества от монарха и государства в целом. Кроме того, привлечение на государственную статскую службу не только дворян, но и большой массы приказных, а также представителей иных, в том числе податных, слоев населения вызвало необходимость установления правил поступления на государственную службу, порядка ее прохождения и создания новой служебной иерархии чинов и должностей.

Возможность приобретения дворянства выслугой и заслугами, открытая Табелью о рангах, сделала карьеру чиновника (по крайней мере формально) зависимой в первую очередь не от его происхождения, а от достижений на службе государству и монарху. Законодатель требовал обращать внимание при продвижении чиновника по службе на его опыт, способности, знания, заслуги и профессиональную пригодность. В историю окончательно ушел местнический порядок замещения должностей. Знатность происхождения, безусловно, сохранила свое значение, но отныне путь в ряды высшего сословия был открыт и для лиц иного звания.

При работе над статьей в первую очередь использовался конкретно-исторический метод. Взаимосвязи различных явлений и тенденций в рамках процессов, происходивших в статской государственной службе, существовавшие в ней виды взаимодействия изучались при помощи структурно-системного метода. Цели, преследуемые законодателем, а также предпосылки и обстоятельства, в которых принимались привлекаемые для изучения темы законодательные акты, исследовались с помощью метода юридической герменевтики.

Основное исследование

На протяжении всего XVIII века государственная служба, вопреки законодательному запрету принимать на нее представителей податных сословий, по-прежнему оставалась всесословной. Причиной этому была хроническая нехватка кадров [6, с. 35–83]. Местные и даже центральные госучреждения, нарушая закон, брали на службу представителей городского населения, духовенства и крестьян. При этом, запрещая поступать на государственную службу податным, государство беспокоилось о своих бюджетных интересах, так как чиновник освобождался от тягловых повинностей. Но даже при наличии законодательных запретов и ограничений дети белого духовенства и посадских людей были массово представлены в госаппарате[1] [7, с. 91].

Основной причиной многочисленного присутствия податных на государственной службе была Северная война, буквально вычистившая госучреждения. Для Петра I приказные стали одним из источников пополнения армии.

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗРИ-1). Т. VI. № 3575 от 30 апреля 1720 года «Об учении всякого чина детей, кроме дворян, арифметике и геометрии и нечинении им никакого притеснения».

Не тронули только специалистов, обладавших уникальными знаниями, пожилых, малолетних и иных, не пригодных к воинской службе[2] [8, с. 29]. Таким образом, самые работоспособные кадры были отправлены воевать, а традиционная преемственность в передаче опыта приказной работы была нарушена.

Вследствие этого в процессе образования Петром I новых высших государственных органов власти и управления вновь возникла проблема кадров. Сохраняется практика подготовки новых кадров самими государственными учреждениями. Но только ее уже было недостаточно. С февраля 1714 по апрель 1720 года царь издает серию указов, по которым дворяне, имевшие приказной чин, а также дети приказных и «всякого чина» (кроме дворян) от 10 до 15 лет подлежали обязательному обучению арифметике и геометрии[3]. Более того, если служащий не имел документа, подтверждавшего получение образования, он не мог жениться. Но даже при таких ограничениях желающих учиться было крайне мало. Обычным делом было принуждение к обучению, когда служащих зачисляли в школы принудительно.

Для обучения дворянских детей при Петре I создаются профессиональные учебные заведения: школа Математических и навигацких наук (школа Пушкарского приказа) — в 1701 году, Нарвская навигацкая школа — в 1705 году, Инженерная школа — в 1711 году, Академия морской гвардии (Морская академия) — в 1715 году и другие. До 1715 года в Москве кадры для государственных учреждений готовила гимназия пастора Э. Глюка, дававшая детям

---

[2] ПСЗРИ-1. Т. IV. № 2053 от 26 мая 1705 года «О неписании московских и всякого чина служилых людей и дьячих детей в подьячие, без сношения с Разрядом, и о присылках их в оной налицо для смотра»; № 2100 от 29 марта 1706 года «О разборе служивых людей москвских и городовых; о записании оных в конную службу в офицеры и рядовые, и об оставлении в приказах людей престарелых»; № 2108 от 20 мая 1706 года «О записании в драгуны недорослей, которые избегая от службы, записались в разные приказы; и о ведении патриарших, архиерейских, монастырских людей и вотчинных крестьян в Монастырском приказе»; № 2151 от 9 июня 1707 года «О составлении из дьяков служащих и не служащих и их людей их, конного полка, со всем потребным вооружением и запасом»; № 2183 от 5 января 1708 года «О смотре московского чина людей, которые находятся в отлучке по делам и Разряда, и состоят на службе в приказах, и о записании годных в офицеры и рядовые»; № 2199 от 18 мая 1708 года «Подтверждение о выступлении московских чинов служивым людям и городовым в походе, и о наказании тех, которые и после сего в службу не явятся»; № 2325 от 28 февраля 1711 года «О наборе 4200 человек, из подьячих, ямщиков и служек монастырских»; № 2384 от 20 июня 1711 года «О наборе даточных из двух третьего по прежнему указу, о взыскании за поставленных в рекруты и из полков бежавших других, о записании в службу приказных людей на том же основании, как и дворовых служителей».

[3] ПСЗРИ-1. Т. V. № 2778 от 28 февраля 1714 года «О обучении дворян приказного чина, дьячих м подьяческих детей арифметике и геометрии, о посылке для того в губернии учеников из математических школ и об учреждении училищ при архиерейских домах и монастырях»; № 2971 от 28 декабря 1715 года «О взятии из школы адмирала графа Апраксина, знающих географию и геометрию и отсылке по два человека в губернии для учения всякого чина молодых людей, о строении в Санкт-Петербурге дворянам и посадским дворов для отдачи в наем»; № 2979 от 18 января 1716 года «О посылке в губернии по два учителя для обучения детей арифметике и геометрии»; Т. VI. № 3575 от 30 апреля 1720 года «Об учении всякого чина детей, кроме дворян, арифметике и геометрии и нечинении им никакого притеснения».

«всякого состояния» полноценное светское образование [5, с. 221–228]. Однако юные дворяне усваивали требуемые службой науки весьма неохотно. Условия обучения и проживания учащихся в большинстве учебных заведений были тяжелы. Часто случались побеги учащихся [1, с. 114; 13, с. 299–300].

Вплоть до манифеста 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» дворянская служба была обязательной и до 1736 года — пожизненной. При этом первоначально дворянин не обладал правом выбора вида службы.

Герольдмейстер должен был определять каждого третьего отпрыска знатной аристократической фамилии в статскую службу. Невзирая на принадлежность к «дворянству шпаги», юный недоросль начинал службу с низших должностей служебной лестницы. Однако, поскольку дворяне считали гражданскую служу позорной для своей чести, первой их должностью был не подьячий, а коллегии-юнкер. Эта должность находилась в самом конце списка должностей 14-го класса Табели о рангах 1722 года. Стать коллегии-юнкером мог только дворянин, получивший образование. Всех остальных дворянских недорослей записывали в титулярные (то есть номинальные) коллегии-юнкеры без чина. Коллегии-юнкером такой дворянский отпрыск мог стать спустя четыре года службы[4]. Тем не менее в XVIII столетии образовательный уровень дворянского сословия был весьма низким. Даже среди членов Сената не все умели читать и писать [11, с. 270–271].

Своей целью Петр I поставил задачу сформировать эффективный, имеющий хорошее образование, квалифицированный дворянский госаппарат. Эта новая бюрократия, заняв вакансии на государственной службе, должна была служить препятствием для проникновения представителей иных сословий на ступени чиновничьей служебной лестницы. Разумеется, если недворянин был профессионально опытным, знающим и умелым, движение по карьерной лестнице было для него доступным. Однако подобная карьера представлялась законодателю в виде исключения, но не правила [4, с. 32; 11, с. 107]. В связи с этим кроме «парадной» служебной лестницы, которой пользовались представители благородного сословия, создавался «черный ход» для канцелярских служащих, которым пользовались дети разночинцев и приказных. И движение по этому «черному ходу» оказалось весьма оживленным, так как карьера по гражданскому ведомству, даже при наличии должности коллегии-юнкера, не пользовалась у дворян популярностью. Поэтому сформировать чисто дворянский государственный аппарат таким способом оказалось невозможно. В любом случае идея заполнить все низшие должности в структуре российской бюрократии одними дворянами была заведомо обречена на неизбежный провал [9, с. 176].

---

[4] ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3890 от 24 января 1722 года «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собой, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был».

Переломным моментом в процессе формирования статской государственной службы стал указ от 31 января 1724 года «О непроизвождении в секретари приказных, которые дворянство не имеют»[5] [Там же, с. 176–178, 276–277]. Если взглянуть на содержание этого указа, то кажется, что Петр I продолжает гнуть свою линию на формирование чисто дворянской бюрократии, требуя, чтобы на должности секретарей назначались только коллегии-юнкеры. Таким образом, быть секретарем мог только дворянин.

Однако, невзирая на название указа, для приказных служащих, выделившихся своими умениями и опытом, он открывает возможность получить заветную секретарскую должность одновременно с потомственным дворянством. Иначе говоря, законодатель в очередной раз подтверждает возможность приобретения дворянского статуса хорошей службой.

Подобная уступка приказным людям вызвала явное недовольство в среде дворянской аристократии и породила множество злоупотреблений при назначении на должность секретаря.

Практические последствия петровского указа 31 января 1724 года были весьма серьезными, поскольку благодаря ему «черный ход» для приказных и разночинцев стал пересекаться с «парадной» дворянской карьерной лестницей. И стремление оказаться в этом ключевом пересечении разделяло весьма большое количество приказных. Дело дошло до того, что к концу XVIII столетия первоначально весьма узкий «черный ход» превратился в весьма широкую лестницу, по которой поднималась к вершинам своей карьеры основная масса статских чиновников недворянского происхождения.

Расширению служебной лестницы «черного хода» способствовал указ от 22 апреля 1726 года «О произвождении в секретари достойных из приказных людей…»[6], изданный Екатериной I. Причиной появления на свет этого указа стал весьма низкий уровень подготовки молодых дворянских недорослей к службе, что вызвало необходимость заполнять секретарские должности лучшими недворянскими кадрами. При этом было обращено внимание на необходимость продолжить пополнение дворянскими кадрами рядов коллегии-юнкеров и еще больше ужесточить контроль за назначениями на секретарскую должность[7].

---

[5] ПСЗРИ-1. Т. VII. № 4449 от 31 января 1724 года «О непроизвождении в секретари приказных, которые дворянства не имеют».

[6] ПСЗРИ-1. Т. VII. № 4873 от 22 апреля 1726 года «О произвождении в секретари достойных из приказных людей; о вычете из жалования за производство в секретари; об отдаче оброчных мельниц самим владельца в вечное содержание без перекупки; о собирании доходов с Выборгской провинции и о производстве обоим полкам гвардии, вместо отпускаемого им ежегодно хлеба, денег».

[7] ПСЗРИ-1. Т. X. № 7262 от 24 мая 1737 года «О непроизвождении в Сенате, без высочайшего утверждения из секретарей в асессоры»; № 7410 от 22 октября 1737 года «О составлении именных списков о находящихся в Сенате, Синоде и прочих присутственных местах обер-секретарях, секретарях и канцелярских служителях; о пересмотре их по тем спискам, которые из них годы к делам и которые негодны; и о правилах, какие наблюдать впредь при определении в секретари в коллегиях и канцеляриях».

При Анне Иоанновне на секретарские должности стали активно назначать выходцев из мелкопоместных дворян.

В результате при наличии должных способностей, знаний и опыта служащий, прослужив не менее пяти лет в канцелярии, мог претендовать на заветную секретарскую должность. Всех, оказавшихся неспособными к статской службе, отправляли в армию[8].

В конце концов указом от 4 марта 1740 года «Об определении дворян для обучения приказным делам по их желанию, а не по принуждению»[9] Анна Иоанновна предоставила дворянам возможность самостоятельно выбирать, где они желают служить.

Дворяне по-прежнему традиционно продолжали предпочитать военную службу статской. Выслужив высокий чин в армии, дворянин дожидался отставки, после получения которой поступал со своим чином на статскую службу, успешно миновав таким образом нижние ступени непрестижной статской служебной лестницы. Однако, как показывала практика, не менее половины пришедших в статскую службу отставных офицеров служили в чинах 8–9-х классов, а еще примерно одна треть — в должностях более низких классов. При этом даже такое положение дел не решало проблемы нехватки кадров. Особенно остро дефицит кадров ощущался на периферии. Выходцы из неблагородных сословий были там не только секретарями, но и воеводами (8-й класс), являясь, таким образом, претендентами на возведение в дворянское достоинство.

Однако было бы ошибкой предполагать, что правительство в этой ситуации активно боролось за чистоту дворянских рядов. Его прежде всего заботил рост количества налогоплательщиков. Но постоянный кадровый дефицит вынуждал законодателя идти на уступки, делать исключения и расширять сферу источников пополнения государственного аппарата [9, с. 279]. Так, указом от 25 сентября 1737 года Анна Иоанновна разрешила детям духовенства поступать в статскую службу, тем самым фактически узаконив сложившуюся практику[10].

В поисках выхода из сложившейся ситуации правительство начинает заниматься ротацией кадров. По указу от 22 октября 1737 года в местные администрации на должности секретарей должны были назначаться только канцеляристы

---

[8] ПСЗРИ-1. Т. X. № 7201 от 6 марта 1737 года «О правилах определения недорослей к приказным делам»; № 7248 от 11 мая 1737 года «Об определении недорослей в Сенат и в другие присутственные места; о порядке обучения их приказным делам и наукам и о смотрении за успехами их и нравственностью».

[9] ПСЗРИ-1. Т. XI. № 8043 от 24 марта 1740 года «Об определении дворян для обучения приказным делам, по их желанию, а не по принуждению».

[10] ПСЗРИ-1. Т. X. № 7385 от 25 сентября 1737 года «Об определении детей священников и церковников, обучавшихся наукам, по желанию их в духовные чины и в гражданскую службу; о невыпуске их из школ иначе, как к местам, и об определении непонятных к наукам в военную службу». Ср. Т. VIII. № 5882 от 18 ноября 1731 года «О неувольнении священнослужительских детей в светское звание»; № 6066 от 24 мая 1732 года «О неопределении в гражданскую службу детей попов, дьяконов и причетников, и об отсылании их в школы»; № 6267 от 28 ноября 1732 года «О неувольнении священнослужительских детей в светское ведомство».

центральных правительственных учреждений. На их места из городских канцелярий переводились наиболее опытные подьячие[11]. Но проблему кадров это не решило. В 30–50-е годы XVIII столетия было издано множество указов, которые запрещали брать на государственную службу представителей податных сословий. Однако, несмотря на это, податные по-прежнему пополняли ряды бюрократии. Повторяемость с завидным постоянством подобных запретов, говорит лишь о том, что практика шла вразрез с волей законодателя[12].

Предпринимаются также попытки превратить канцелярских служащих в особый социальный слой, поскольку дети приказных были фактически единственным стабильным источником для пополнения рядов служащих канцелярии. При этом, как и раньше, делается все возможное для того, чтобы не допустить их дальнейшего карьерного роста. Правительство намеревалось как можно дольше удерживать приказных людей на канцелярской службе.

В середине XVIII века статские чиновники, происходившие не из дворян, стали все явственнее ощущать на себе устанавливаемые правительством ограничения. Сужается круг лиц, имевших права, равные с дворянскими. В конце концов служащие канцелярий утратили права на покупку крепостных и владение земельными участками[13]. Указ от 11 октября 1755 года в очередной раз предписывал секретарских детей и приказных, не имевших дворянского звания, определять исключительно на приказную службу[14]. Таким образом, секретарская должность была приравнена к канцелярским должностям, что и позволило лишить секретарей тех выгод, которые давал им указ Петра I от 31 января 1724 года. Дело здесь было в том, что получение должности секретаря канцеляристом по закону считалось исключительно наградой, милостью

---

[11] ПСЗРИ-1. Т. X. № 7410 от 22 октября 1737 года «О составлении именных списков о находящихся в Сенате, Синоде и прочих присутственных местах обер-секретарях, секретарях и канцелярских служителях; о пересмотре их по тем спискам, которые из них годны к делам и которые негодны; и о правилах, какие наблюдать впредь при определении в секретари в коллегиях и канцеляриях».

[12] ПСЗРИ-1. Т. XII. № 8951 от 24 мая 1744 года «О неопределении коллегиям и канцеляриям купцов ни в какие службы, без предварительного сношения с магистратом»; № 9147 от 11 апреля 1745 года «О выключке из канцелярского звания купцов и черносошных крестьян, и об отправлении их на прежние жилища»; № 9233 от 11 декабря 1745 года «О неопределении к приказным делам положенных в подушный оклад».

[13] ПСЗРИ-1. Т XII. № 9279 от 14 апреля 1746 года «О смотрении губернаторам и воеводам, чтобы канцелярские служители, особливо, имеющие деревни, праздно не жили, но отсылаемы были бы для занятий в губернские и воеводские канцелярии и об описи их домов и деревень, в случае укрывательства о службы»; Т. XIV. № 10237 от 13 мая 1754 года «Инструкция межевщикам»; Т. XV. № 10796 от 6 февраля 1758 года «О непременной продаже недвижимых имений в полугодовой срок со стороны тех лиц, которым владеть оными по закону запрещено, по опасением, за неисполнение сего указа, отобрания всего имущества в казну»; № 10855 от 2 июля 1758 года «О воспрещении приказнослужителям покупать крепостных людей на свое имя», № 11148 от 23 ноября 1760 года «О несчислении производимых по статской службе не из дворян в обер-офицеры с действительно военнослужащими в дворянстве и о неимении им за собой деревень».

[14] ПСЗРИ-1. Т. XIV. № 10473 от 11 октября 1755 года «О неопределении детей секретарских и прочих людей нижнего приказного звания, кои не из дворян, ни в какую службу, кроме приказной, впредь до будущего рассмотрения».

монарха, делающего особое отступление от правил, но на практике было обычным назначением, производимым порой даже в случае отсутствия вакансии. Как бы то ни было, все попытки сделать должность секретаря исключительно дворянской полностью провалились [9, с. 280–281].

Существенные перемены в государственной службе произошли во время царствования Петра III. Императорский манифест 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» сделал службу дворян необязательной[15] (см. [12]). Немало дворян, служивших в армии, получив после манифеста отставку, продолжили карьеру на статской службе. Причем соискателей мест на гражданской службе было настолько много, что свободных вакансий всем не хватило. Дело дошло до того, что Герольдия стала зачислять отставных дворян, желающих служить в статской службе, в специальный список до открытия новой вакансии[16]. Разумеется, служить отставной армейский дворянин должен был в должности, соответствующей классу его военного чина. Поэтому канцелярские должности автоматически исключались из возможных мест назначения. В результате проблема нехватки кадров на низших ступенях служебной лестницы по-прежнему решалась путем привлечения выходцев из других сословий.

Кроме того, следствием принятия манифеста 18 февраля 1762 года стала еще одна практическая проблема. Пункт 2 манифеста даровал всем дворянам, служившим «благопорядочно и беспорочно», право на получение при выходе в отставку нового чина, рангом выше имеющегося, при условии, что в прежнем чине дворянин состоял более одного года и «от всех дел увольнения» просит. Если же дворянин оставлял военную службу ради статской, то при наличии требуемой вакансии он мог перейти на другую должность с новым чином только при условии выслуги в прежнем ранге не менее трех лет.

Однако на деле, получив более высокий чин и отслужив в нем год, многие дворяне сразу же выходили в отставку, поступая затем в статскую службу. Вследствие этого постоянно возникали нарушения очередности сроков выслуги нового чина среди статских чиновников. Отставные военные апеллировали к Табели о рангах, дававшей преимущество военным чинам перед статскими, но чиновники, подававшие жалобы на их действия, возражали, указывая, что это положение действовало для офицеров, только пока они служили в армии. Кроме того, такая практика нарушала права тех офицеров, которые, исполняя пункт 2 манифеста, продолжали служить в своих чинах на протяжении всего определенного трехлетнего срока. Еще хуже дело обстояло со статскими чиновниками, вышедшими по манифесту 1762 года в отставку с новым чином

[15] ПСЗРИ-1. Т. XV. № 11444 от 18 февраля 1762 года «Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

[16] ПСЗРИ-1. Т. XV. № 11561 от 5 июня 1762 года «О внесении Герольдией в список кандидатов отставных из военной службы штаб- и обер-офицеров, желающих вступить в гражданскую службу, не докладывая Сенату»; Т. XVI. № 11690 от 24 октября 1762 года «О неприсылке в Сенат, для определения к штатским делам, отставных из военной службы офицеров, и о доставлении списков о их службе».

и вскоре вернувшимися на прежнюю службу, так как подобным образом они вносили еще большую сумятицу в очередь претендентов на следующий чин, незаконно обгоняя своих, продолжавших службу коллег[17] [11, с. 149].

Еще одним важным последствием манифеста 18 февраля 1762 года стало упразднение должности коллегии-юнкера, вследствие чего у разночинцев открылись новые возможности для успешного карьерного роста. Оформлено это изменение было указом от 20 апреля 1762 года «О производстве в секретари приказнослужителей не из дворян», по которому на должность секретарей можно было определять приказных, а дворянам престали давать чин коллегии-юнкера[18]. Положения указа неоднократно подтверждались законодателем на протяжении 1760-х годов. Кроме того, указ от 29 мая 1766 года запретил государственным учреждениям по собственной воле увольнять лиц недворянского происхождения, занимающих секретарские должности[19].

Правительство предпринимает отчаянные попытки держать под жестким контролем все, что было связано с приемом на службу, перемещением по служебной лестнице и увольнением канцеляристов. Так, в 1769 году сенаторы требуют присылать им сведения о приказных и их детях. Причина данной инициативы банальна — до этого момента никаких данных на приказных служащих ни в Сенате, ни в Герольдии просто не было, так как все служебные вопросы регулировали сами присутственные места[20]. Стоит обратить внимание и на то, что запреты на увольнение канцелярских служащих, имевших аттестацию, и даже на перевод их в другое место или вид службы повторялись законодателем многократно, что подтверждает только то, что предписания законов соблюдались далеко не всегда[21].

---

[17] ПСЗРИ-1. Т. XIX. № 13952 от 25 февраля 1773 года «О считании старшинство уволенным от военной службы и вступившим в статскую, равно как и уволенных от сей последней и опять в оную вступившим».

[18] ПСЗРИ-1. Т. XV. № 11510 от 20 апреля 1762 года «О производстве в секретари приказнослужителей не из дворян».

[19] ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12267 от 19 октября 1764 года «О сравнении Главного магистрата и оного конторы секретарей с прочими статских коллегий секретарями и о внесении их в Табель о рангах»; Т. XVII. № 12465 от 5 сентября 1765 года «О порядке производства нижних канцелярских служителей в чины и определение на классные места; о приеме малолетних дворян в службу, и о производстве в судейские звания, а военных отставных в статские чины»; № 12535 от 30 декабря 1765 года «Об увольнении чиновников в отставку только по совершенной неспособности к службе, если они произошли из разночинцев»; № 12665 от 29 мая 1766 года «О неувольнении присутственным местам самим собою секретарей, протоколистов и камериров от службы»; Т. XVIII. № 13128 от 31 мая 1768 года «О неувольнении присутственным местам собою канцелярских служителей».

[20] ПСЗРИ-1. Т. XVIII. № 13268 от 13 марта 1769 года «О присылках в Герольдмейстерскую контору из всех присутственных мест ведомостей, по истечении каждого года, о приказных служителях, и о их детях»; № 13368 от 12 октября 1769 года «О присылке губернаторам и всем присутственным местам в Герольдию именных ведомостей о состоящих в службе и в отставке нижних канцелярских служителей и их детях, ежегодно в положенные сроки».

[21] ПСЗРИ-1. Т. XIX. № 13613 от 1 июня 1771 года «О неувольнении присутственными местами канцелярских служителей самим собою»; № 14044 от 12 октября 1773 года «О неувольнении нижних канцелярских служителей из присутственных мест по прошениям,

Однако правительство не оставляло своих усилий, старясь путем обеспечения преемственности кадров сделать канцелярскую службу наследственной. Нежелание допускать лиц недворянского происхождения ни в какую службу, кроме статской, сохранялось по-прежнему. Ярким примером этой политики являются указы от 15 апреля 1773 года и 13 июня 1774 года. Первый указ подтвердил действие указа от 11 октября 1755 года, запрещавшего принимать детей приказных служащих недворянского происхождения ни в какую иную службу, кроме приказной. Вторым указом приказным предписывалось обучать своих детей грамоте и в случае неграмотности недоросля вообще не брать его ни в какой вид службы. Данная мера, видимо, была направлена против попыток детей приказных избежать судьбы их отцов и попасть на военную службу[22].

Однако даже при такой нехватке кадров законодатель неоднократно подтверждает запрет присутственным местам брать в канцеляристы податных. Если же податной уже находился на государственной службе, его запрещалось производить в обер-офицерские чины (9–14-й класс)[23]. Но и этот запрет систематически нарушался. Вследствие чего указ от 24 августа 1772 года предписал штрафовать лиц, виновных в сокрытии сведений о состоянии служащего в подушном окладе при производстве его в новый чин[24]. Но и штрафы не исправили реального положения дел. Присутственные места оставались крайне заинтересованными в заполнении вакантных мест в канцеляриях, а податные стремились всеми правдами и неправдами попасть на государственную службу, приобретая тем самым связанные с нею привилегии.

Еще большая потребность в кадрах возникла в 1775 году при подготовке губернской реформы [3, с. 19]. По этому случаю в статскую службу разрешили поступать купцам и вольноотпущенным крестьянам. Екатерина II несколько раз была вынуждена подтверждать это разрешение, хотя на практике оно далеко не всегда соблюдалось[25] [9, с. 17–18]. Так, указ от 16 декабря 1790 года

для определения к другим делам»; № 14180 от 27 августа 1774 года «О неувольнении присутственными местами самим собою канцелярских служителей».

[22] ПСЗРИ-1. Т. XIX. № 13972 от 15 апреля 1773 года «О неопределении детей приказных служителей, кои не из дворян, ни в какую службу, кроме приказного чина, и о присылке об них в Герольдию по третям года именных списков»; № 14157 от 13 июня 1774 года «О подтверждении от присутственных мест приказным служителям, дабы они имели попечение в учении детей своих грамоте; о неопределении о незнающих оной ни в какую службу, и о представлении о таких Сенату»; Т. XX. № 14831 от 9 января 1779 года «О наполнении канцелярий в наместничествах приказными служителями».

[23] ПСЗРИ-1. Т. XIX. № 13760 от 15 февраля 1772 года «О неопределении к штатским делам податных людей, и о непредставлении оных к награждению в обер-офицерские чины».

[24] ПСЗРИ-1. Т. XIX. № 13857 от 24 августа 1772 года «О прописывании в представлениях к Сенату о награждении чинами, из какого звания кто вступил в службу, и как продолжал и о штрафовании за утайку в представлениях о тех, кто из подушного оклада».

[25] ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14294 от 6 апреля 1775 года «Об объявлении сбора с найма лавок и казенных мельниц по прежнему; о собирании дохода с рыбных ловель, состоящих в тех местах, кои ни к каким селениям ни принадлежат; о поступании присутственным местам по преступлениям, смертную казнь заслуживающим, по указу 754; о неукреплении отпущенных от помещиков

«О правилах производства в статские чины» отмечал, что купцы и мещане награждаются чинами исключительно по воле монарха и только за особые заслуги[26]. Но практика применения этого указа традиционно разошлась с его предписаниями. Купцов, не плативших подати с капитала, уже через несколько лет после издания указа от 16 декабря 1790 года повышали в чинах в общем с другими служащими порядке.

При этом уже в начале реформы в губерниях массово принимали на службу не только купцов и мещан, но и представителей духовенства, казаков, ремесленников и крестьян [9, с. 423–427]. Только по указу от 14 августа 1798 года из подушного оклада было выведено более 200 статских чиновников, из которых 29 уже имели обер-офицерские чины. Причем, судя по содержанию указа, это был не первый подобный акт[27].

Определенной вехой в процессе установления источников пополнения канцелярских служащих стал указ от 9 января 1779 года «О наполнении канцелярий в наместничествах приказными служителями». В соответствие с указом на госслужбу принимались студенты Московского университета, воспитанники Академии художеств, Воспитательного дома, дети священников, учащиеся семинарий, купцы, крестьяне-вольноотпущенники и иные лица, не состоящие в подушном окладе[28]. Это была очередная попытка решить проблему кадрового голода, не привлекая при этом на государственную службу податных. Но попытка в очередной раз полностью провалилась, а нехватка квалифицированных кадров сохранила практику приема на госслужбу лиц, состоявших в подушном окладе. Таким образом, приказная служба сохранила изначально присущий ей всесословный характер [2, с. 262].

При том, как и прежде, правительство ставит различные препоны на пути приобретения потомственного дворянства. Так, изданная Екатериной II «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 года, ссылаясь на петровские Табель о рангах 1722 года и указ от 31 января 1724 года, фактически отказала детям секретарей в праве приобретения потомственного дворянства за исключением тех, чьи отец,

---

вечно людей ни за кого в подушный оклад вторично, и о сборе положенных при совершении крепостей от них письма, записки и прочих платежных денег по прежнему»; Т. XXII. № 15995 от 13 мая 1784 года «О причислении вольных людей, оказавшихся при последней переписи, в купечество, мещанство или в службу государственную, по их желанию»; Т. XXIII. № 16970 от июня 1791 года «О дозволении вольноотпущенникам записываться в службу, в мещанство и купечество не допуская их приписывания к казенным волостям».

[26] ПСЗРИ-1. Т. XXIII. № 16930 от 16 декабря 1790 года «О правилах производства в сенатские чины».

[27] ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18622 от 14 августа 1798 года «О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого подушные подати несущего звания, без представления Сенату о надобности оных».

[28] ПСЗРИ-1. Т. XX. № 14831 от 9 января 1779 года «О наполнении канцелярий в наместничествах приказными служителями».

дед и прадед имели личное дворянство или их отец и дед, будучи личными дворянами, беспорочно служили в течение 20 лет[29].

Для привлечения дворян на государственную службу после губернской реформы 1775 года Екатерина II сделала новый шаг. Она умудрилась добавить к дворянским вольностям обязанность нести выборную службу, ставшую для представителей благородного сословия своеобразной почетной обязанностью[30]. Именно выборные должности стали основным объектом интересов для вышедших в отставку офицеров, поскольку это была хорошая стартовая площадка для дальнейшего перехода в статскую службу.

Дальнейшие изменения в государственной службе связаны с восшествием на престол Павла I, решившего преобразовать дарованное Петром III право служить в обязанность. По указу от 1 января 1797 года «О восстановлении при Сенате и коллегиях обучения юнкеров канцелярскому делопроизводству и прочим наукам» должность коллегии-юнкера была восстановлена. Для обучения на должность коллегии-юнкеров брали двенадцатилетних дворянских недорослей, которые по окончании курса обучения получали должность коллегии-юнкера (14-й класс) или, если уровень их подготовки был невысок, становились титулярными (т. е. номинальными) юнкерами. Чин коллегии-юнкера такие неучи вынуждены были в течение двух лет выслуживать далее сами[31].

Интересно отметить, что если в начале XVIII столетия дворянских недорослей заставляли учиться, то в конце века количество желающих получить образование было столь велико, что законодатель вынужден был вводить ограничения. Вызвано это было тем, что в царствование Павла I военная служба была столь тяжела, что многие дворяне стремились сделать служебную карьеру в статской службе [10, с. 145]. В связи с этим указом от 5 октября 1799 года Павел I строго предписал зачислять детей потомственных дворян в статскую службу исключительно по решению самого императора. Спустя год указ от 30 ноября 1800 года распространил этот же порядок и на детей личных дворян[32].

---

[29] ПСЗРИ-1. Т. XXII. № 16187 от 21 апреля 1785 года «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

[30] ПСЗРИ-1. Т. XVII. № 12465 от 5 сентября 1765 года «О порядке производства нижних канцелярских служителей в чины и определения на классные места; о приеме малолетних дворян в службу, и о производстве в судейские звания, а военных отставных в статские чины»; Т. XX. № 14831 от 9 января 1779 года «О наполнении канцелярий в наместничествах приказными служителями»; Т. XXII. № 16187 от 21 апреля 1785 года «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

[31] ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 17707 от 1 января 1797 года «О восстановлении при Сенате и коллегиях обучения юнкеров канцелярскому делопроизводству и прочим наукам».

[32] ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 19136 от 5 октября 1799 года «О незаписывании никого из не служащих дворянских детей, в статскую службу, без высочайшего утверждения»; Т. XXVI. № 19271 от 11 февраля 1800 года «О неопределении чиновников ни в какую службу без представления Сенату». Эти решения были отменены Александром I указами 2 апреля 1801 г. «О восстановлении жалованной дворянству грамоты» и 5 мая 1801 г. «О восстановлении статей Дворянской грамоты, отмененных некоторыми указами».

Вследствие этого были существенно ужесточены требования, предъявляемые к отставным офицерам, подающим прошения о переводе их в статскую или выборную службу. Так, указом от 12 апреля 1800 года отставные офицеры могли поступать на статскую службу также только по личному назначению самого императора[33].

Обратил Павел I внимание и на податных лиц, находящихся на статской службе. Снискавшим всеобщую популярность указом от 14 августа 1798 года «О исключении приказного звания людей из подушного оклада…» все чиновники и канцелярские служащие были изъяты из подушного оклада. Кроме того, с этого момента прием на государственную службу купцов, городских обывателей, крестьян и других лиц податного звания осуществлялся только по представлению Сената[34].

Павел I, считавший невозможным пребывание госслужащего в подушном окладе, продолжил свою политику в этом направлении указами от 9 апреля и 5 мая 1800 года. Первый указ касался исключения из числа податных людей, «дворянство свое доказавших», второй — однодворцев, имеющих обер-офицерские чины[35]. Тем не менее администрации на местах по-прежнему сами решали проблему нехватки кадров.

Вступив на престол, Александр I отменил лишь указы, ограничивающие права дворян при поступлении в статскую службу, оставив широко открытым допуск на госслужбу для представителей всех слоев населения Российской империи за исключением крепостных крестьян[36].

Заключение

На протяжении всего XVIII столетия российскому правительству так и не удалось успешно решить ряд задач, связанных с формированием статской службы. Существовавшая с самого ее зарождения при Петре I проблема кадров сохранилась, невзирая на все предпринимаемые государством усилия. Попытка Петра I создать государственный аппарат, состоящий исключительно из дворян, закончилась провалом. Дворяне, вынужденные по принуждению идти на презираемую ими гражданскую службу, в большинстве случаев не имели необходимой подготовки и знаний, приобретение которых, в свою очередь, также обернулось принуждением

[33] ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19376 от 12 апреля 1800 года «О неопределении в статскую службу тех, кои при отставке из военной не назначаются именно к определению в оную».

[34] ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18622 от 14 августа 1798 года «О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого подушные подати несущего звания, без представления Сенату о надобности в оных».

[35] ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19375 от 9 апреля 1800 года «О представлении о состоящих в подушном окладе, но дворянство доказавших, в Герольдию на рассмотрение, с приложением выданных им грамот и других на дворянство доказательств»; № 19413 от 5 мая 1800 года «Об исключении однодворцев, дослужившихся до обер-офицерских чинов, из однодворческого оклада».

[36] ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 19810 от 2 апреля 1801 года «Манифест о восстановлении жалованной дворянству грамоты»; № 19856 от 5 мая 1801 года «О восстановлении статей Дворянской Грамоты отмененных некоторыми указами».

со стороны государства. Коллежская и губернская реформы Петра I, увеличившие количество государственных служащих, вызвали к жизни еще больший всплеск дефицита профессиональных кадров. При этом львиная доля чиновничества едва ли понимала суть петровских преобразований. Реализация реформ по-прежнему покоилась на патриархальной практике приказного управления, вписанного в новую, незнакомую и непривычную ему форму. Это порождало механический характер исполнения воли законодателя. На фоне войны со Швецией, опустошившей государственный аппарат, эта проблема приобретала хронический характер.

Следствием этого становится массовое привлечение на государственную службу лиц из недворянских сословий, в том числе и податных. С помощью выслуги чина сделать дворян из детей приказных и священников было намного проще. Эти люди обладали необходимой базовой подготовкой и, главное, были грамотны. После издания манифеста 18 февраля 1762 года и упразднения должности коллегии-юнкеров правительство, вынужденно предоставив дворянам право служить по своему желанию, приобрело дополнительные проблемы в статской службе, возникшие вследствие многочисленных случаев перехода в нее отставных офицеров.

Губернская реформа 1775 года порождает новое расширение численности государственного аппарата, а следовательно, и расходов на его содержание. Несмотря на противодействие правительства, отставные военные продолжают активно занимать руководящие должности в статской службе, но из-за отсутствия у них должных знаний и опыта секретари и канцеляристы по-прежнему оказываются просто незаменимыми кадрами. Поэтому правительство, желая сохранить государственную службу дворянской, по-прежнему вынуждено не только закрывать глаза на прием на госслужбу выходцев из податных сословий, но и официально освобождать их от подушной подати, наступая на горло интересам государственной казны. Попытки Павла I решить старые проблемы статской службы путем возрождения должности коллегии-юнкера и принуждения дворян к службе оказались столь же безуспешны, как и усилия его предшественников, и немедленно завершились с его гибелью.

Литература

1. Барциц И. Н., Краковский К. П. Кадры для царя и государства (XVIII век) // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 5. С. 112–118.

2. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: в 2 т. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Сивко, 1913. Т. 1. 472 с.

3. Долгов А. А. Формирование правовых основ государственной службы в Российской империи второй половины XVIII века // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4. С. 16–20.

4. Евреинов В. А. Гражданское чинопроизводство в России. Исторический очерк. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1887. 87 с.

5. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. IV. Лекция LXIX. М.: Мысль, 1989. 400 с.

6. Львов А. В. История отечественной государственной службы. М.: МГПУ, 2018. 206 с.

7. Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.). М.: Университетская тип. (Катков), 1876. 350 с.

8. Пашенцев Д. А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 1. С. 27–34.

9. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М.: РОССПЭН, 2007. 744 с.

10. Романович-Словатинский А. В. Дворянство в России. Киев: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1912. 578 с.

11. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М.: Наука, 1974. 396 с.

12. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII в. М.: Наука, 1999. 222 с.

13. Raeff M. Home, school, and service in the life of the 18th-century Russian nobleman. The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. 40. Issue 95. P. 295–307.

Literatura

1. Barcicz I. N., Krakovskij K. P. Kadry` dlya czarya i gosudarstva (XVIII vek) // Gosudarstvennaya sluzhba. 2019. T. 21. № 5. S. 112–118.

2. Got`e Yu. V. Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny` II: v 2 t. M.: Tip. G. Lissnera i D. Sivko, 1913. T. 1. 472 s.

3. Dolgov A. A. Formirovanie pravovy`x osnov gosudarstvennoj sluzhby` v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny` XVIII veka // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 4. S. 16–20.

4. Evreinov V. A. Grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii. Istoricheskij ocherk. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1887. 87 s.

5. Klyuchevskij V. O. Kurs russkoj istorii. Ch. IV. Lekciya LXIX. M.: My`sl`, 1989. 400 s.

6. L`vov A. V. Istoriya otechestvennoj gosudarstvennoj sluzhby`. M.: MGPU, 2018. 206 s.

7. Mrochek-Drozdovskij P. N. Oblastnoe upravlenie Rossii XVIII veka do uchrezhdeniya o guberniyax 7 noyabrya 1775 g. Ch. 1. Oblastnoe upravlenie e`poxi pervogo uchrezhdeniya gubernij (1708–1719 gg.). M.: Universitetskaya tip. (Katkov), 1876. 350 s.

8. Pashencev D. A. Gosudarstvenny`e preobrazovaniya petrovskogo vremeni cherez prizmu istoriko-antropologicheskoj teorii prava (k 300-letiyu provozglasheniya Rossijskoj imperii // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1. S. 27–34.

9. Pisar`kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s koncza XVII do koncza XVIII veka. M.: ROSSPE`N, 2007. 744 s.

10. Romanovich-Slovatinskij A. V. Dvoryanstvo v Rossii. Kiev: T-vo «Pechatnya S. P. Yakovleva», 1912. 578 s.

11. Troiczkij S. M. Russkij absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. M.: Nauka, 1974. 396 s.

12. Faizova I. V. «Manifest o vol`nosti» i sluzhba dvoryanstva v XVIII v. M.: Nauka, 1999. 222 s.

13. Raeff M. Home, school, and service in the life of the 18th-century Russian nobleman. The Slavonic and East European Review. 1962. Vol. 40. Issue 95. P. 295–307.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2022;
одобрена после рецензирования: 26.06.2022;
принята к публикации: 29.06.2022.

The article was submitted: 10.06.2022;
approved after reviewing: 26.06.2022;
accepted for publication: 29.06.2022.

УДК 34
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.05

И. В. Минникес
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Российская Федерация
E-mail: ivminnikes@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВА: ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления системы источников права в период формирования нового советского государства в 1917–1922 годах. Акцент в исследовании сделан на двух важнейших вопросах: разрушении системы источников права, сложившейся до революции и изменении непосредственно источников права. Отмечено, что в первые годы существования советской власти источники нового права представляют собой разнородную совокупность правовых форм. В этой массе источников права самым многочисленным стал нормативный правовой акт, однако массовость данного источника не означает его господства, как было ранее, в иерархии источников. Установлено, что формирование советского права подразумевало использование ранее известных источников права, таких как нормативный правовой акт, правовой обычай и нормативный договор, однако их качественные характеристики существенно изменились. Так, нормативные правовые акты новой власти слабо ранжированы по юридической силе, им свойственны сепаратизм, фрагментарность, множественность, противоречивость и низкий уровень юридической техники. Отмечено, что новая власть фактически отказалась от принципа верховенства закона. Установлено, что Конституция 1918 года рассматривалась законодателем как временная, она представляла собой часть Основного закона, а ее текст окончательно утвердил не V съезд Советов, а исполнительный комитет. Кроме того, советское право строится на расширении влияния решений партии вплоть до превращения партийных актов в источники советского права.

Ключевые слова: источники права; история права; история права России; советское право; нормативный правовой акт; законодательство советского государства; декреты советской власти.

UDC 34
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.05

I. V. Minnikes
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation
E-mail: ivminnikes@mail.ru

Problems of the Formation of Soviet Law: Features of Sources

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of the system of sources of law during the formation of the new, Soviet state in 1917–1922. The emphasis in the study is put on two major issues such as the destruction of the system of sources of law developed

© Минникес И. В., 2022

before the revolution and the change in the direct sources of law. It is noted that in the first years of the Soviet power existence, the sources of new law were a heterogeneous set of legal forms. In this mass of sources of law, the most numerous is the normative legal act, however, the mass nature of this source does not mean, as it was before, its dominance in the hierarchy of sources. It was determined that the formation of Soviet law implies the use of previously known sources of law, such as a normative legal act, a legal custom and a normative contract, but their qualitative characteristics have changed significantly. Thus, the normative legal acts of the new government are poorly ranked in terms of legal force, they are characterized by separatism, fragmentation, plurality, inconsistency and a low level of legal technique. It is noted that the new government has actually abandoned the principle of the rule of law. It was determined that the Constitution of 1918 was considered by the legislator as temporary, it was part of the Basic Law, and its text was finally approved not by the 5th Congress of Soviets, but by the Executive Committee. In addition, Soviet law is built on expanding the influence of party decisions up to turning party acts into sources of Soviet law.

Keywords: sources of law; history of law; history of law in Russia; Soviet law; normative legal act; legislation of the Soviet state; decrees of the Soviet government.

Введение

Вопросы становления советского права неоднократно рассматривались в научной литературе. Многочисленные работы посвящались как общим вопросам права первых лет существования нового государства [9; 18; 26; 29 и др.], так и истории его отдельных отраслей и институтов [5; 8; 11; 28; 31 и др.].

Однако формирование права нового государства — проблема многогранная. Имеется множество аспектов этого процесса, которые либо вообще не были изучены, либо недостаточно полно представлены в научных исследованиях. Поэтому поставленный в данной работе вопрос об особенностях источников права в период становления нового государства с его новыми идеологией, экономическим базисом, политическим и общественным строем даже в современных условиях нельзя считать непродуктивным направлением.

Прежде всего, следует помнить, что познание закономерностей становления и развития правовых явлений важно не только в тот период, когда зарождается государство и право, но и тогда, когда постепенное движение сменяется резким скачком. Поэтому вопрос о состоянии источников права в поворотные эпохи может дать пищу для размышлений о современной ситуации.

Кроме того, многочисленные исследования, посвященные праву первых лет существования советской власти, делают акцент прежде всего на различных аспектах его содержания: правовом оформлении организации власти в стране, полномочиях и структуре государственных органов, принципах нового избирательного права и т. д., — анализируя его под определенным углом зрения. Так, Е. Н. Городецкий рассматривал новое законодательство как живое творчество народных масс [3, с. 298], а румынский правовед Дж. Врабие отмечал возрастание роли политического фактора в процессе правотворчества [33]. По оценке исследователя из Калифорнийского университета М. Томба, использовать слово

«государство» по отношению к тому, что воплощено в конституционных нормах советского права, вообще трудно [32, с. 503].

Для понимания характера изменений в праве, произошедших в связи с революцией, необходимо изучение не только содержания соответствующих норм, но и внешней объективированной формы их выражения, т. е. источников советского права.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что проблема источников права в период становления советского государства заслуживает своего внимания.

Методология и сфера исследования

Методология исследования включает исторический подход, акцентируя внимание на процессе перехода от права одного исторического типа к другому. Использование общенаучных методов исследования (анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция в сочетании с формально-юридическим методом и методом толкования юридических норм) позволяет объективно оценить эмпирический и нормативно-правовой материал исследуемого исторического периода.

Прежде чем приступить непосредственно к обзору источников права первых лет существования советской власти, следует сделать несколько важных оговорок, упоминания которых требуют принцип историзма и формально-юридический метод исследования.

1. Работа имеет ограниченные хронологические рамки. В совместном исследовании автора и Т. А. Парфеновой данные рамки обозначают период, названный переходным [15, с. 120]. Это наименование представляется корректным не только с позиции формирования нового содержания правовых норм, но и с точки зрения использованных государством форм воплощения правовых норм, т. е. источников права.

Точкой отсчета этого этапа являются последние месяцы 1917 года. Этот временной ориентир, как представляется, не вызывает сомнений.

В качестве верхней границы предлагается взять начало 1920-х годов. Именно тогда новое право получило более или менее определенные очертания, были упорядочены вопросы принятия и введения в силу нормативных актов, они получили больший вес и приоритетное место в системе официально признанных источников права.

2. В данной статье речь пойдет именно об источниках (формах) права.

Не секрет, что в некоторых работах термин «источники права» понимается исключительно как акт государства: иные источники (формы) права либо не упоминаются вообще, либо приравниваются к нормативным правовым актам: например, так: «юридические источники права — это формы выражения нормы права, т. е. те формы актов, посредством которых воля господствующего класса или всего народа возводится государством в закон, превращается в правовые нормы. <…> Однако не все акты государственных органов должны рассматриваться как источники права» [25, с. 34]. Помимо нормативных актов, ни о каких других

источниках права автор данного утверждения не упомянул, т. е. в итоге получилось, что источник идентичен нормативному акту. И если для устаревших изданий и интернет-статей неизвестного происхождения[1] это некритично (их корректность для современного исследователя априори должна подвергаться сомнению), то наличие такой подмены в серьезных авторских работах нежелательно. Так, сообщая о многообразии источников (форм) права в 1917–1930-х годах [1, с. 7], нельзя ограничиваться исключительно «законодательными актами» или «правовыми документами, исходящими от органов власти разного уровня» [Там же, с. 19]. Следует принимать во внимание все возможные варианты оформления правовых норм, как ныне признанные, так и выходящие за пределы официального списка.

Основные положения и дискуссия

При оценке состояния источников права в период становления советской власти важно обратить внимание на их множественность и бессистемность.

В праве дореволюционной России к XIX столетию была сформирована четкая система источников права, в которой господствующее место занимал нормативный правовой акт, юридическая сила которого была связана с императорской властью. Иные варианты объективизации норм права даже в совокупности играли менее значимую роль. В числе этих иных были нормативные договоры, правовые обычаи и религиозные тексты.

Сложившаяся схема была разрушена в период революционных преобразований, обозначенный как переходный. Несмотря на многочисленность нормативных правовых актов, исходящих от новой власти, их приоритет в системе источников права уже не был безусловным. В частности, в правоприменении вполне разрешалось отступление от закона, если того требовали экстренные условия гражданской войны и борьбы с контрреволюцией или если его положения не вписывались в установки партийных директив. Например, Верховному суду пришлось признать законность актов Наркомата труда, противоречивших КЗОТ, поскольку они соответствовали партийным директивам [16, с. 13].

По справедливому замечанию Н. Н. Черногора и Д. А. Пашенцева, «система формально-юридических источников права в послереволюционный период претерпела коренные изменения» [29, с. 8]. Стоит уточнить, что в переходный период система источников права не просто изменилась, а практически разрушилась и, кроме того, изменились качественные характеристики и количество элементов, ее составлявших.

В. А. Рыбаков отмечает, что «правовое строительство в переходный период развития права осуществляется следующими способами: а) инновеллизацией (создание нового по содержанию нормативного правового материала), б) преемственностью (использование правового материала собственной

[1] Источники советского права в 1917–1918 гг. Обращение «Рабочим, солдатам и крестьянам» // ВикиЧтение. Раздел: История: [сайт]. URL: https://history.wikireading.ru/237230 (дата обращения: 27.07.2022).

страны), в) рецепцией (использование правового материала иностранного государства), г) трансформацией и имплементацией (использование норм международного права)» [22, с. 8].

Применительно к первым годам существования советской власти можно наблюдать, что два обозначенных автором способа оказали влияние не только на содержание, но и на внешнее выражение, оформление правовых норм.

Так, инновеллизация воплотилась в создании новых форма права.

В числе новых в литературе тех лет предлагаются такие источники права, как революционное правосознание, нормы коммунистической морали, партийные документы. Следует отметить, что важной новеллой советского права был постепенный отказ от религиозного текста как источника права.

Преемственность источников права обеспечена сохранением нормативного правового акта, нормативного договора и правового обычая (даже в Конституции РСФСР 1918 года имеется ссылка на данный источник: по тексту ст. 66: «Выборы производятся согласно установившимся обычаям в дни, устанавливаемые местными Советами»).

Важно отметить, что даже те источники, которые обеспечивали преемственность форм правового регулирования, подверглись существенной трансформации. Наиболее заметные изменения затронули самый востребованный и распространенный источник права — нормативный правовой акт.

Можно выделить несколько показателей, свидетельствующих об изменениях в данном источнике права.

Во-первых, это множественность и разнородность нормативных правовых актов, исходящих от новой власти. Причины такой ситуации вполне объяснимы: требовалось как можно скорее взять в руки управление страной, а правовые инструменты в этом отношении играли весьма значительную роль. Поэтому законодательной властью официально или по умолчанию наделяли все государственные органы, независимо от их первоначально обозначенной законом компетенции, территориальных рамок и т. п. Как следствие, в практике появляется множество новых форм нормативных правовых актов, в том числе исходящих от местных структур.

Во-вторых, существенным показателем изменений нормативных правовых актов является отказ от принципа верховенства закона, утрата его значения как особого нормативного правового акта.

Понимание законов как актов с особым статусом сложилось еще в XVIII веке. В Наказе Екатерина II обозначила их как ограниченные по количеству неизменные установления. Но, как верно отметил М. А. Рогачев, «высокая роль закона как главного регулятора общественных отношений во многом определяется совокупностью факторов и предпосылок, которые в числе прочего связаны с историческим развитием источников права в конкретном государстве» [21, с. 110].

В переходную эпоху «прежнее понятие закона утратило свое значение. Декреты, а также иные формы нормативных правовых актов (например, положения или постановления), принимавшиеся новой властью, с формальных

позиций можно было трактовать как законы» [30, с. 8]. В итоге в актах, независимо от того, кому принадлежало их авторство — Всероссийскому центральному исполнительному комитету (далее — ВЦИК), Совету народных комиссаров (далее — СНК) или отдельному наркомату, — решались важнейшие вопросы руководства страной, и они фактически имели равную юридическую силу. Так, декреты, имевшие судьбоносное значение: «О рабоче-крестьянской красной армии», «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и т. д. — изданы СНК — правительством государства, акт «О правах и обязанностях Советов» является инструкцией Наркомата внутренних дел, а Руководящие начала по уголовному праву РСФСР — фактический Уголовный кодекс страны — утверждены постановлением Наркомата юстиции (НКЮ), имевшего, по сути, статус отраслевого министерства. При этом явный приоритет в законотворчестве имело правительство: в период с октября 1917 года по июль 1918 года ВЦИКом принято около 100 различных декретов, постановлений и других актов, в то время как правительством — около 600 [10, с. 561].

В-третьих, следствием активного развития права в двух первых направлениях было отсутствие строгой иерархии и сепаратизм нормативных правовых актов, что создавало обширную базу для коллизий.

В праве переходного этапа нормативный правовой акт чаще всего носил название декрета. Однако, в отличие от дореволюционного права, связи между названием и местом в иерархии актов / направленностью на определенную сферу правового регулирования не было. Декретами называли и основополагающие для страны акты (декреты о мире, о суде, об уничтожении сословий и гражданских чинов и т. п.), и акты ограниченных масштабов (например, декрет о разработках торфяного топлива и т. п.), и даже акты разового назначения, например декрет о неделе ребенка с 7 по 14 ноября 1920 года.

Именно из-за бессистемности и противоречивости нормативных актов законодатель счел возможным отступить и от принципа обязательного соблюдения законодательных предписаний. 8 ноября 1918 года Всероссийским чрезвычайным съездом Советов рабочих и крестьянских депутатов было принято постановление «О точном соблюдении законов», которое, вопреки названию, разрешает «меры, отступающие от законов» РСФСР и «выходящие за их пределы».

В-четвертых, учтем немаловажный показатель изменений в нормативных правовых актах — это уровень юридической техники.

Так, авторы исследования «Особенности развития юридической техники в революционных условиях формирования советской государственности» отмечают такие черты нового права, как высокая степень декларативности, анонсирование временного характера ряда актов, сложность структурирования и т. п. [24, с. 43–46]. В. М. Курицын справедливо оценивает законодательство этого периода как фрагментарное [13, с. 18], поскольку оно не охватывало, да и не могло пока охватить все стороны общественной жизни.

Обычным были такие факты, как пробельность, фрагментарность, противоречивость, некорректность языка. Например, постановление от 28 октября

1917 года «О рабочей милиции» содержит всего четыре статьи, причем последняя требует «настоящее Постановление *ввести в действие по телеграфу* (здесь и ниже курсив в цитатах мой. — *И. М.*)». В важнейшем для правотворчества декрете Совета народных комиссаров о порядке утверждения и опубликования законов от 29 октября (11 ноября) 1917 года указано, что законопроект поступает на рассмотрение *Правительства из соответственного министерства* за подписью надлежащего *народного комиссара* или из учрежденного при Правительстве стола законодательных предположений непосредственно за подписью заведывающего отделом, хотя в декрете об учреждении Совета народных комиссаров от 27 октября (9 ноября) 1917 года приказано образовать Временное рабочее и крестьянское правительство, включающее управление из народных комиссаров, а не министров.

Кроме того, существенно увеличилось количество комплексных многоцелевых актов, а также актов смешанного нормативно-индивидуального характера. Особенно много таких смешанных актов было принято в связи с необходимостью оперативной национализации имущества, например таковым был декрет о национализации Третьяковской галереи от 3 июня 1918 года. Аналогичным образом сочетание нормативного и индивидуального представлено в декрете о Московской и Петроградской консерваториях: СНК объявляет об их переходе в ведение Народного комиссариата по просвещению, приобретении ими статуса, равного иным высшим учебным заведениям и необходимости разрыва связи с Русским музыкальным обществом. Все имущество и инвентарь этих консерваторий были объявлены народной государственной собственностью.

В-пятых, конституционное законодательство еще не утвердилось как руководящее, как центр правовой системы.

До принятия Конституции между актами разных субъектов и разных направлений фактически не было связи. Именно она как основной закон должна была стать основой нового законодательства. Однако конституционная комиссия начала работу лишь в апреле 1918 года, причем не столько из-за осознания важности проблемы, сколько из-за многочисленных конфликтов между властями [30, с. 4]. Решение о необходимости разработки конституции было принято не органами власти, а Центральным комитетом РКП(б). Проекты конституций, основной, подготовленный конституционной комиссией, и альтернативный, исходивший от Наркомата юстиции, также рассматривались и оценивались на заседании комиссии ЦК РКП (б) 3 июля 1918 года. Только исправленный в соответствии с замечаниями партийной комиссии проект Конституции через исполнительный комитет был предложен для утверждения на V Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

Сам процесс принятия Конституции был таковым, что заставляет усомниться в значимости данного документа.

Во-первых, комиссия, образованная съездом для обсуждения проекта Конституции, не внесла в него изменений.

Во-вторых, V съезд Советов проходил с 4 по 10 июля, а вопрос о Конституции стоял в повестке дня 10 июля, т. е. в последний день работы. Причем

в протоколе заседания 10 июля [19, с. 208], в разделе «Слушали», стоит три вопроса, но ни один из них не касается Конституции — были доклад мандатной комиссии, предложение об аннулировании постановления о поименном голосовании и об организации Красной Армии. Создается впечатление о том, что вопрос о Конституции решался вне повестки, мимоходом.

В-третьих, все обсуждение на съезде уложилось в один день: 10 июля был представлен доклад о содержании и значении Конституции с предложением утвердить проект. Несколько выдвинутых максималистами поправок докладчик отверг, и проект сразу был поставлен на голосование.

В-четвертых, резолюция по проекту Конституции уложилась в несколько строк, тогда как постановление об организации армии развернуто на несколько страниц.

Относительно ее руководящей роли как акта высшей юридической силы также не все гладко. Если подходить с формальных позиций, то Конституция 1918 года не была принята высшим законодательным органом государства. В стенографическом отчете совершенно четко указано, что съезд голосовал за конституцию, «принятую в основе», а окончательная редакция документа передавалась на усмотрение избранного сразу после съезда Исполнительного комитета. Интересно, что термин «основной закон» в резолюции съезда употреблялся не как аналог Конституции: основным законом назван комплекс, состоявший из Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа и проекта Конституции [19, с. 214].

К содержанию акта также есть вопросы. Например, А. М. Борисов считает, что «некоторые вопросы, освещенные в Конституции 1918 года, вполне могли бы найти отражение в иных нормативных правовых актах — декретах и постановлениях ВЦИК и СНК»[2].

Следует отметить, что автор одного из проектов Конституции, М. А. Рейснер, рассматривал ее как «рабочий план», который не претендует на непогрешимость и без всяких церемоний может быть переделан или дополнен [20, с. 214]. Эту идею фактически отразил проект Конституции от НКЮ, предусмотревший ее ежегодный пересмотр [4, с. 85]. Несмотря на то что проект Рейснера был раскритикован, в докладе на съезде подчеркивалось, что обсуждаемая Конституция обязательно будет изменяться «во всякое время» и, более того, она «должна быть изменена» [19, с. 188]. Интересно, что докладчик счел, что этим не обязательно должен заниматься съезд: «Если нужны будут улучшения, то Ц.И.К. <…> может изменить тот или иной параграф, он может даже перестроить ее всю» [20, с. 189].

Все приведенные исторические факты свидетельствуют о том, что первоначально Конституция не в полной мере выполняла роль центрального опорного акта, на который ориентируется вся правовая жизнь страны.

---

[2] Борисов А. М. Эволюция правовых основ экономических отношений в отечественных Конституциях // КиберЛенинка: электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-pravovyh-osnov-ekonomicheskih-otnosheniy-v-otechestvennyh-konstitutsiyah (дата обращения: 27.07.2022).

Однако изменения нормативных правовых актов в переходную эпоху не всегда следует оценивать как отрицательные. В частности, инновеллизация переходного периода воплотилась в оперативном решении технических вопросов правотворчества (например, уже 30 октября 1917 года был принят декрет «О порядке утверждения и опубликования законов»). Кроме того, не стали откладывать в долгий ящик и работу по систематизации права: менее чем через год после революционных событий, в 1918 году были введены в действие Конституция РСФСР, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, Кодекс законов о труде. Предпринимались попытки кодификации хозяйственно-правовых норм, более того, в 1919 году был подготовлен (но не утвержден) проект Кодекса экономических законов.

Как отмечено ранее, процесс инновеллизации в праве воплотился, помимо обновления ранее известных форм, в появление новых источников права. Но их виды, характеристики и место в системе источников являются предметом научных дискуссий. Например, в качестве источника права очень часто называют *революционное правосознание*.

Основой для признания правосознания источником права служили прежде всего статьи, предусмотренные в декретах о суде. Так, в декрете о суде № 1 сказано, что судьям можно руководствоваться актами свергнутых правительств, если они не отменены и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. В декрете № 2 противоречие закона народному правосознанию объявлено основанием для его отмены (ст. 6).

Однако можно ли на основании данных статей ставить правосознание в один ряд с иными источниками права? Оно не имеет материального носителя, да и по сути правосознание судьи не формирует новую норму права. В условиях наличия множественных пробелов, вызванных быстрой сменой политики государства и недостаточной оперативностью работы законодателя, довольно часто судьям приходилось прибегать к статьям дореволюционных законов. В этом случае правосознание, заточенное под новую политическую реальность, становилось критерием оценивания пригодности старых правовых предписаний. Если эти предписания более или менее соответствовали новым политическим воззрениям, суд был вправе взять их на вооружение при вынесении решения. Если же ситуация складывалась таким образом, что старая норма никак не может лечь в основу судейского решения, судья вправе был принять решение без ссылки на закон. Но тогда источником права, как представляется, будет уже не правосознание судьи, а само решение суда. Другими словами, источником в данном случае выступает судебная практика или имеет место, по выражению И. А. Исаева, судебное правотворчество [10, с. 578].

Партийный правовой акт как источник права не имеет широкого признания среди теоретиков права.

Однако в исследованиях по истории советского права нередко звучит мысль, что партийные решения занимали особое место в общественной жизни и часто выполняли роль правового регулятора наряду с общепризнанными источниками

(формами) права [7; 12; 17; 23 и др.]. По замечанию О. В. Богатовой, в некоторые периоды развития советской государственности «в систему правовых регуляторов в огромном количестве включаются правила, исходящие от Центрального Комитета ВКП (б) — КПСС, либо от их подразделений — Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата, отделов» [2, с. 33]. Однозначную позицию в этом вопросе (полностью разделяемую автором данной работы [15]) занимал С. А. Токмин [27].

Несмотря на дискуссионный характер данного мнения, оно имеет под собой серьезные основания. Оно подтверждается не только научными исследованиями, но и высказываниями тех, кто воочию наблюдал состояние правовой жизни страны в исследуемую эпоху. Так, М. И. Калинин называл ЦК партии в числе законодательных органов Советского государства, причем признавал за ЦК то же влияние, что и за Советом народных комиссаров и Президиумом ВЦИК, и это, по оценке О. Д. Максимовой, отражало реальное положение дел [14, с. 235]. По мнению современника событий, М. А. Рейснера, к партии отошли важнейшие функции высшей законодательной деятельности, присущей раньше парламенту, и верховного управления; партия решает важнейшие дела, касающиеся всей России [20, с. 171–172]. Это подтверждается заметками в печатных изданиях того времени: так, в Тамбовской губернии, согласно статье в газете «Правда», съезд «декретировал РКП верховной властью и передал ей все управление губернией… Все Советские учреждения и деятели отныне подчинены директивам и инструкциям партии коммунистов…» [6].

Поэтому партийные акты, содержащие такие предписания, как «отменить действующую систему оплаты труда» или «немедленно объединить всю организацию снабжения армии», «заменить выборность руководства втузов назначением» и т. п., нельзя рассматривать исключительно как идеологические факторы.

Поскольку данные предписания по всем показателям можно считать нормами права, то их носитель — партийный акт — вполне вписывается в ряд источников советского права.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в первые годы существования нового государства была разрушена старая система источников права. Сложившаяся за века иерархия источников, на вершине которой стоял нормативный правовой акт, исходящий от имперской власти, была заменена совокупностью различных источников, сила и значимость которых зависели как от авторства, так и от ситуации, в которой применялась норма того или иного источника права.

Во-вторых, для формирования источников нового права в период становления характерно две тенденции — преемственность и инновеллизация. Преемственность обеспечивали нормы, разработанные до установления новой

власти, и источники права, которые функционировали в имперский период. Однако новые свойства ранее практикуемых источников права (в частности, отсутствие иерархии нормативных правовых актов, их сепаратизм, пробельность и т. п.), а также внедрение новых форм, например партийного правового акта, свидетельствуют о полной реконструкции российской системы права.

Литература

1. Ашенова Т. М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 26 с.

2. Богатова О. В. Нормативный правовой акт как источник права (теоретический аспект): дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 185 с.

3. Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства 1917–1918. М.: Наука, 1987. 350 с.

4. Гурвич Г. С. История советской конституции. М.: Изд-во Социалистической Академии, 1923. 216 с.

5. Дерябина Е. С. Особенности становления и развития трудового права в переходный период отечественной истории (февраль 1917 г. – 1922 г.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2021. № 1. С. 90–103.

6. Духовский С. Исполкомы и партийные комитеты // Правда. 1919. 28 февраля.

7. Жукова-Василевская Д. В. Источники права России: тенденции формирования и развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.

8. Журавлева О. О. Финансовое законодательство 1917 г.: три этапа трансформации // Финансовое право. 2018. № 1. С. 15–20;

9. Ильина Т. Н. Нормотворчество органов власти советского государства в первые послереволюционные годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2013. № 6. С. 116–129.

10. Исаев И. А. История государства и права России. 3-е изд. М.: Юрист, 2010. 799 с.

11. Климов И. П. Источники транспортного права в Советском государстве (октябрь 1917–1920 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 11–18.

12. Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М.: Интерпракс, 1995. 347 с.

13. Курицын В. М. Становление социалистической законности. М.: Наука, 1983. 192 с.

14. Максимова О. Д. Законодательная деятельность Всероссийских Съездов Советов, ВЦИК и Президиума ВЦИК в период перехода к новой экономической политике (1921–1922гг.) // История государства и права. 2010. № 20. С. 77–93.

15. Минникес И. В., Парфенова Т. А. Источники российского права (X–XX вв.). Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. 166 с.

16. Митюков М. А. О некоторых теоретических аспектах судебного конституционного надзора в СССР (1924–1933 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292. С. 7–16.

17. Насибуллин Р. А. История советского государства и права в России: учеб. пособие. Ч. 1 (1917–1940 гг.). Екатеринбург: Уральский институт коммерции и права, 1996. 242 с.

18. Петров А. Г. Особенности формирования законодательства на этапе становления советской власти (1917–1919) // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 31–34.

19. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет: Москва, 4–10 июля 1918 г. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 254 с.

20. Рейснер М. А. Основы Советской Конституции: лекции, читанные М. А. Рейснером на ускоренном курсе Академии Генерального Штаба Р.-Кр. Кр. Армии в 1918/19 учебном году. М.: Изд-во Академии Генерального Штаба Р.-Кр. Кр. Армии, 1920. 238 с.

21. Рогачев М. А. Исторические предпосылки развития закона как источника права в дореволюционной России // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 110–116. https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.45.1.11

22. Рыбаков В. А. Преемственность в отечественном праве: в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.01. Омск, 2009. 37 с.

23. Садохина Н. Е. Источники российского права в советский и постсоветский период: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Р. В. Першина, 2007. 158 с.

24. Селютина Е. Н., Холодов В. А. Особенности развития юридической техники в революционных условиях формирования советской государственности // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 43–48.

25. Советское право / под ред. А. В. Дозорцева. М.: Высшая школа, 1969. 607 с.

26. Сырых В. М. Становление основ советского законодательства в 1918–1920-е годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. работ. Вып. 6. 1918 год: Рождение традиции / отв. ред. В. В. Захаров. Курск: КГУ, 2013. С. 181–198.

27. Токмин С. А. Партийные акты в системе источников советского права: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016. 210 с.

28. Хохрякова О. С. Источники советского трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.05. М., 1976. 15 с.

29. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Октябрьская революция и эволюция российского права // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 5–13.

30. Чистяков О. И. Конституция 1918 г.: учеб. пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 204 с.

31. Greenman K., Orford A., Saunders A., Tzouvala N. Revolutions in International Law: The Legacies of 1917. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2021. 400 p.

32. Tomba M. Politics Beyond the State: The 1918 Soviet Constitution // Constellation. An International Journal of Critical and Democratic Theory. 2017. Vol. 24. Issue 4. P. 503–515.

33. Vrabie G. Contribucii la o noua definicie a dreptulue // Stadii si cercet. jur. Bucharest, 1985. a. 30. № 3. P. 206–213.

Literatura

1. Ashenova T. M. Formirovanie sistemy` zakonodatel`stva ob obrazovanii v Sovetskoj Rossii v 1917–1930 gg.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2015. 26 s.

2. Bogatova O. V. Normativny`j pravovoj akt kak istochnik prava (teoreticheskij aspekt): dis. … kand. yurid. nauk. M., 2004. 185 s.

3. Gorodeczkij E. N. Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva 1917–1918. M.: Nauka, 1987. 350 s.

4. Gurvich G. S. Istoriya sovetskoj konstitucii. M.: Izd-vo Socialisticheskoj Akademii, 1923. 216 s.

5. Deryabina E. S. Osobennosti stanovleniya i razvitiya trudovogo prava v perexodny`j period otechestvennoj istorii (fevral` 1917 g. – 1922 g.) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2021. № 1. S. 90–103.

6. Duxovskij S. Ispolkomy` i partijny`e komitety` // Pravda. 1919. 28 fevralya.

7. Zhukova-Vasilevskaya D. V. Istochniki prava Rossii: tendencii formirovaniya i razvitiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. 27 s.

8. Zhuravleva O. O. Finansovoe zakonodatel`stvo 1917 g.: tri e`tapa transformacii // Finansovoe pravo. 2018. № 1. S. 15–20;

9. Il`ina T. N. Normotvorchestvo organov vlasti sovetskogo gosudarstva v pervy`e poslerevolyucionny`e gody` // Istoriko-pravovy`e problemy`: novy`j rakurs. 2013. № 6. S. 116–129.

10. Isaev I. A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii. 3-e izd. M.: Yurist, 2010. 799 s.

11. Klimov I. P. Istochniki transportnogo prava v Sovetskom gosudarstve (oktyabr` 1917–1920 g.) // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2017. № 4. S. 11–18.

12. Korzhixina T. P., Senin A. S. Istoriya rossijskoj gosudarstvennosti. M.: Interpraks, 1995. 347 s.

13. Kuricyn V. M. Stanovlenie socialisticheskoj zakonnosti. M.: Nauka, 1983. 192 s.

14. Maksimova O. D. Zakonodatel`naya deyatel`nost` Vserossijskix S``ezdov Sovetov, VCIK i Prezidiuma VCIK v period perexoda k novoj e`konomicheskoj politike (1921–1922 gg.) // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 20. S. 77–93.

15. Minnikes I. V., Parfenova T. A. Istochniki rossijskogo prava (X–XX vv.). Irkutsk: Irkutskij institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2019. 166 s.

16. Mityukov M. A. O nekotory`x teoreticheskix aspektax sudebnogo konstitucionnogo nadzora v SSSR (1924–1933 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 292. S. 7–16.

17. Nasibullin R. A. Istoriya sovetskogo gosudarstva i prava v Rossii: ucheb. posobie. Ch. 1 (1917–1940 gg.). Ekaterinburg: Ural`skij institut kommercii i prava, 1996. 242 s.

18. Petrov A. G. Osobennosti formirovaniya zakonodatel`stva na e`tape stanovleniya sovetskoj vlasti (1917–1919) // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2015. № 3. S. 31–34.

19. Pyaty`j Vserossijskij s``ezd Sovetov rabochix, soldatskix, krest`yanskix i kazach`ix deputatov: stenograficheskij otchet: Moskva, 4–10 iyulya 1918 g. M.: Izd-vo VCIK, 1918. 254 s.

20. Rejsner M. A. Osnovy` Sovetskoj Konstitucii: lekcii, chitanny`e M. A. Rejsnerom na uskorennom kurse Akademii General`nogo Shtaba R.-Kr. Kr. Armii v 1918/19 uchebnom godu. M.: Izd-vo Akademii General`nogo Shtaba R.-Kr. Kr. Armii, 1920. 238 s.

21. Rogachev M. A. Istoricheskie predposy`lki razvitiya zakona kak istochnika prava v dorevolyucionnoj Rossii // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1 (45). S. 110–116. https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.45.1.11

22. Ry`bakov V. A. Preemstvennost` v otechestvennom prave: v perexodny`j period: obshheteoreticheskie voprosy`: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.01. Omsk, 2009. 37 s.

23. Sadoxina N. E. Istochniki rossijskogo prava v sovetskij i postsovetskij period: ucheb. posobie. Tambov: Izd-vo R. V. Pershina, 2007. 158 s.

24. Selyutina E. N., Xolodov V. A. Osobennosti razvitiya yuridicheskoj texniki v revolyucionny`x usloviyax formirovaniya sovetskoj gosudarstvennosti // Filosofiya prava. 2021. № 2 (97). S. 43–48.

25. Sovetskoe pravo / pod red. A. V. Dozorceva. M.: Vy`sshaya shkola, 1969. 607 s.

26. Sy`ry`x V. M. Stanovlenie osnov sovetskogo zakonodatel`stva v 1918–1920-e gody` // Istoriko-pravovy`e problemy`: novy`j rakurs: sb. nauch. rabot. Vy`p. 6. 1918 god: Rozhdenie tradicii / otv. red. V. V. Zaxarov. Kursk: KGU, 2013. S. 181–198.

27. Tokmin S. A. Partijny`e akty` v sisteme istochnikov sovetskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2016. 210 s.

28. Xoxryakova O. S. Istochniki sovetskogo trudovogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.05. M., 1976. 15 s.

29. Chernogor N. N., Pashencev D. A. Oktyabr`skaya revolyuciya i e`volyuciya rossijskogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 10. S. 5–13.

30. Chistyakov O. I. Konstituciya 1918 g.: ucheb. posobie. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1984. 204 s.

31. Greenman K., Orford A., Saunders A., Tzouvala N. Revolutions in International Law: The Legacies of 1917. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2021. 400 p.

32. Tomba M. Politics Beyond the State: The 1918 Soviet Constitution // Constellation. An International Journal of Critical and Democratic Theory. 2017. Vol. 24. Issue 4. P. 503–515.

33. Vrabie G. Contribucii la o noua definicie a dreptulue // Stadii si cercet. jur. Bucharest, 1985. a. 30. № 3. P. 206–213.

Статья поступила в редакцию: 04.06.2022;
одобрена после рецензирования: 20.06.2022;
принята к публикации: 22.06.2022.

The article was submitted: 04.06.2022;
approved after reviewing: 20.06.2022;
accepted for publication: 22.06.2022.

УДК 340.13
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.06

И. В. Бондарчук
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: sim.just@mail.ru

А. В. Руденко
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: RudenkoCrimea@yandex.ru

И. Ю. Стрельникова
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: irina.strelnikova81@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Исследуется влияние глобальных процессов цифровизации на нормотворческую деятельность. Цель — сформировать представление о новых возможностях анализа большого массива данных с помощью искусственного интеллекта и формировании правового режима цифровизации нормотворческой деятельности. Проведен анализ нормативных правовых актов, как федеральных, так и региональных, а также рассмотрены сформировавшиеся в правовой доктрине подходы к определению сущности нормотворчества и нормотворческой деятельности, научных разработок сферы цифровой трансформации нормотворчества. Результаты: цифровизация нормотворческой деятельности — процесс поэтапный. Используя возможности анализа большого массива данных с помощью искусственного интеллекта, нормотворец способен быстрее и четче выявлять проблемы правового регулирования, оперативнее реагировать на возникновение новых правоотношений, принимать решения на основе более глубокого и всестороннего анализа. Однако следует учитывать, что правовая система, которая чрезмерно зависит от больших данных, будет

© Бондарчук И. В., Руденко А. В., Стрельникова И. Ю., 2022

произвольно и недемократично отклоняться от основополагающих ценностей правовой системы.

Ключевые слова: цифровая среда; законодательные технологии; информационное общество; эпоха цифровых технологий; нормотворчество; управление обществом; правовые последствия.

UDC 340.13
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.06

I. V. Bondarchuk
Crimean Branch of the Russian State University of Justice,
Simferopol, Russian Federation
E-mail: sim.just@mail.ru

A. V. Rudenko
Crimean Branch of the Russian State University of Justice,
Simferopol, Russian Federation
E-mail: RudenkoCrimea@yandex.ru

I. Yu. Strelnikova
Crimean Branch of the Russian State University of Justice,
Simferopol, Russian Federation
E-mail: irina.strelnikova81@mail.ru

Digitalization of Rule-Making Activities in the Information Society

Abstract. The influence of global digitalization processes on rule-making activities is studied. The objective is to form an idea of new opportunities for analyzing a large amount of data using artificial intelligence and the formation of a legal regime for the digitalization of rule-making activities. The analysis of normative legal acts, both federal and regional, was carried out, and the approaches formed in the legal doctrine to determining the essence of rule-making and rule-making activities, scientific developments in the field of digital transformation of rule-making were considered. Results: digitalization of rule-making activities is a step-by-step process. Using the capabilities of analyzing a large amount of data with the help of artificial intelligence, the rulemaker is able to identify the problems of legal regulation more quickly and clearly, to respond to the emergence of new legal relations more quickly, and make decisions based on deep and comprehensive analysis. However, it should be borne in mind that a legal system that is overly dependent on big data will arbitrarily and undemocratically deviate from the founding values of the legal system.

Keywords: digital environment; legislative technologies; information society; digital age; rule-making; society management; legal consequences.

Введение

Цифровые технологии проникают во все большее количество сфер деятельности человека. Их распространение сопровождается повышением производительности труда, возникновением новых возможностей в науке и технике. Формируемые благодаря им стандарты

информационного общества становятся новой реальностью. Влияние права и нормотворчества на конкретного человека менее ощутимо, чем влияние экономической и иной социальной деятельности. Одна из функций права — обеспечение стабильности в обществе, причем за счет определенной статичности можно здесь отфильтровывать незначительные, сиюминутные изменения отношений. Однако сфера нормотворчества, так же как и вся деятельность государства, не стоит на месте, она развивается вместе с развитием науки и технологии. Анализируя и воспринимая лучший опыт цифровизации отдельных видов деятельности, нормотворческие органы в условиях перехода к информационному обществу по-разному внедряют цифровые технологии в нормотворческие процессы.

Переход к информационному обществу характеризуется повышением роли информации, которая становится самостоятельным ресурсом, а доступ к ней признается правом каждого человека. В условиях информационного общества сменяются традиционные парадигмы во всех сферах жизнедеятельности, и прежде всего, по мнению К. М. А. Гассиевой, социальные, образовательные, культурные, аксиологические [2, с. 9].

Современные исследования свидетельствуют о проникновении идей информационного общества в самые разнообразные области деятельности человека: социологию, социальные и демографические процессы, библиографическую деятельность и многие другие. Однако внедрение информационных технологий влечет и новые угрозы: актуализируются вопросы информационной безопасности, неотерроризма, интернет-зависимости.

По мнению исследователей, сфера использования информационных технологий выходит за пределы национальных интересов отдельных государств. Особую значимость в нынешних реалиях приобретают возможности использования новых технологий в контексте международных превентивных мер. В этой связи Ю. А. Тихомиров, Н. В. Кичигин, Ф. В. Цомартова и С. Б. Бальхаева пишут: «Они могут использоваться для документирования и анализа данных с целью выявления фактических закономерностей, влекущих возможные нарушения международного права» [9, с. 11].

Процессы формирования информационного общества влияют не только на отношения в социуме, но и на самого человека. Например, К. М. А. Гассиева отмечает повышенный спрос в современном обществе на наличие у человека особо приоритетного качества — умения не только учиться, а переучиваться быстро и эффективно [2, с. 9]. Речь идет о способности человека быстро взаимодействовать с информацией в разных сферах. Это важно, поскольку дальнейшее развитие цифровизации может привести к качественно новому состоянию человеческих возможностей через радикальную технологическую перестройку. Созвучную трактовку мы находим и в рассуждениях профессора Д. А. Пашенцева, который утверждает, что цифровизация, будучи сама по себе очень мощным воздействующим фактором, «меняет саму модель человеческого мышления» [10, с. 17].

И хотя среди основных контуров формирования информационного общества не выделяется юридический, очевидно, что формирование большинства отношений в обществе происходит на основе права. При этом свободный доступ к информации о правовых нормах и предписаниях, без сомнения, является одним из стандартов информационного общества. Именно на основе нормативных правовых предписаний формируются отношения в сфере экономики, культуры, социальной сфере. Право выступает фундаментом развития общества, в том числе обеспечивающим и его информатизацию, т. е. движение в сторону информационного общества.

Если обратиться к работам современных ученых, которые посвящены изучению проблем взаимодействия права и цифровизации большинства сфер деятельности индивида, то становится очевидным, что эти процессы протекают во взаимных направлениях и зачастую имеют равное влияние [9, с. 6]. Таким образом, право является как организационным источником, так и объектом цифровизации и неотделимо от процессов внедрения современных технологий в деятельность человека. В то же время, несмотря на цифровизацию многих сфер общественной и государственной жизни, некоторые ученые справедливо полагают, что процесс формирования межсистемных связей цифрового законодательства с другими отраслями на практике происходит весьма медленно, прогнозируемая тенденция к формированию в сфере цифрового законодательства нового циклического массива в настоящий момент в полной мере не реализована и может рассматриваться только как перспективная [8, с. 38].

Цифровая трансформация принципов и функций нормотворческой деятельности

Как и любой иной вид деятельности в сфере права, нормотворческая деятельность обладает бесспорными принципами (основополагающими началами или исходными положениями), которые указывают на ее сводный характер, относящий ее как к формированию системы нормативных правовых актов, так и к процессной деятельности.

В данном вопросе ученые меньше расходятся во мнениях и выделяют, как правило, такие принципы, как: профессионализм, гласность, демократизм, научность, законность, техническое совершенство.

Законность в нормотворческом процессе предполагает, что все принимаемые в государстве правовые акты, включая законы, не должны противоречить положениям конституции государства как источнику правовых норм, имеющих высшую юридическую силу и прямое действие. Все институты публичной власти, а также должностные лица, будучи вовлеченными в нормотворческую деятельность, подчинены установленным для них трем ограничениям: компетенции, пределам деятельности и процедурам.

В свою очередь, институты правовой и общественной экспертизы, правовой мониторинг результатов нормотворческой деятельности, качества принимаемых нормативных правовых актов и их эффективности, а также широта круга участников нормотворческого процесса выступают гарантиями обеспечения принципа законности.

Принцип демократизма заключается в участии народа в нормотворческой деятельности. В законодательном процессе народ участвует через своих представителей — депутатов. Непосредственное участие народа заключается в принятии актов путем всенародного голосования на референдумах. Кроме того, данное взаимодействие осуществляется через институты гражданского общества, которые взаимодействуют с органами публичной власти в процессе нормотворчества. Как известно, проекты нормативных правовых актов публикуются в официальных печатных изданиях, на официальных интернет-порталах для общественного обсуждения. Российское законодательство закрепляет такие демократические институты, как общественные слушания, общественные обсуждения, общественная экспертиза.

Использование современных информационных технологий находит свое воплощение в принципе научности. Этот принцип также предполагает как привлечение к работе самих представителей науки, так и использование в подготовке законов и иных нормативных правовых актов их научных наработок и сформулированных исследовательских позиций.

В связи с этим на первый план выдвигается идея по разработке фундаментальной теории нормотворчества, концепций развития отраслей законодательства [5]. Однако принцип научности зачастую остается декларативным принципом и на практике не находит своего применения, отчего нередко страдает качество принимаемых нормативных правовых актов.

Принцип профессионализма означает, что созданием нормативных правовых актов должны заниматься профессионалы, причем это не только непосредственно те лица, в чьи обязанности входит подготовка проектов нормативных правовых актов, но речь идет и о привлеченных экспертах, среди которых могут быть ученые-юристы, юристы-практики, правоприменители, экономисты, политологи и др. Невозможно подготовить качественный, эффективный нормативный правовой акт, не привлекая широкий круг заинтересованных лиц. Акт должен быть проработан как с теоретической, так и с практической стороны, для того чтобы мог выполнить свою задачу — регулировать общественные отношения.

Гласность проявляется в информировании населения о нормотворческой деятельности публичных органов власти. Конституция Российской Федерации дважды упоминает принцип гласности: в ч. 3 ст. 15 (об официальном опубликовании законов и применении нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина) и в ч. 2 ст. 24 (об обеспечении возможности ознакомления с документами и материалами, которые затрагивают права и свободы).

Законодательно установлено четыре источника официального опубликования актов федеральных органов власти. Речь идет о правительственной «Российской газете», еженедельном издании «Собрание законодательства Российской Федерации», «Парламентской газете», а также об официальном интернет-портале правовой информации pravo.gov.ru. С каждым годом влияние и востребованность среди источников официального опубликования растет именно у этого электронного источника.

К примеру, с 2014 года в соответствии с указами Президента РФ действует правило в отношении правовых актов федеральных органов исполнительной власти, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, по которому их источником опубликования может быть и бумажная версия официального издания, но в любом случае они должны быть официально опубликованы на официальном портале. Из этого правила следует, что одно из ценностных предназначений официального сайта pravo.gov.ru состоит в том, чтобы содержать в цифровом формате все официально опубликованные документы.

Принцип технического совершенства принимаемых актов означает необходимость соблюдать правила нормотворческой юридической техники, учитывая логику закона, точность формулировок, определенность терминов, ясность юридического языка и др. При соблюдении принципа технического совершенства и благодаря функционированию цифровых технологий процент появления технических недостатков нормативных правовых актов существенно снижается. А вопросы неполноты, неточности, неясности и противоречивости актов должны стать уже контролируемой зоной ответственности специалистов в сфере информационных телекоммуникаций, а не правоведов.

В научной литературе кроме вышеуказанных выделяют также и другие принципы нормотворческой деятельности, из которых большинство не всегда могут быть обеспечены цифровыми технологиями в силу своей относительности и оценочного характера. Это, например, такие как справедливость; тщательность, скрупулезность подготовки проектов и др.

Соблюдение вышеуказанных принципов является крайне важным как для нормотворческой деятельности, так и для правопорядка в целом. В частности, информационные технологии в отправлении правосудия играют вспомогательную роль и не могут решать вопросы морали и справедливости, тем самым ограничивая деятельность суда.

Принцип демократизма в процессе нормотворчества предполагает участие населения в нормотворческой деятельности. Важно привлекать институты гражданского общества. К примеру, на региональном уровне не допускается простое копирование нормативных правовых актов других субъектов Российской Федерации.

С одной стороны, нормотворчество можно рассматривать как функцию и государства в целом, и отдельных субъектов права, а с другой стороны, сама нормотворческая деятельность выполняет определенные функции.

Авторы учебника о нормографии, вышедшего под редакцией профессора Ю. Г. Арзамасова, главной функцией нормотворчества называют создание нормативных правовых актов. К вспомогательным функциям относят отмену, изменение действующих актов [7, с. 35–36]. В. М. Горшенев дополнительно к сказанному выделял упорядочение (унифицирование нормативных актов, проведение расчистки нормативно-правового материала, систематизация законодательства) как функцию правотворчества [3, с. 38].

Обобщая изложенное, можно выделить основную и вспомогательные функции нормотворческой деятельности.

Основной функцией указанной деятельности является создание новых нормативных правовых актов, или функция обновления законодательства. Иногда эту функцию именуют новеллизацией права, что означает принятие новых норм права.

К дополнительным, вспомогательным функциям следует отнести:

– устранение (отмена) устаревших юридических норм;

– восполнение пробелов в праве;

– детализацию (конкретизацию) права. Особенно хорошо это прослеживается, когда в развитие положений закона принимаются нормативные правовые акты;

– систематизацию законодательства, которая позволяет упорядочить его содержание и форму.

Указанные функции дают возможность не только создавать новые нормативные правовые акты, но и совершенствовать законодательство государства, упорядочивать его систему, стать фундаментом формирования правового режима цифровизации нормотворческой деятельности.

Нормотворческая деятельность в цифровом формате

Анализ происходящих изменений показывает, что Российская Федерация предпринимает большое количество усилий для достижения стандартов информационного общества. Информационная открытость органов власти России постоянно расширяется путем распространения общедоступных государственных информационных систем [4, с. 131].

В настоящее время в вопросах цифровизации в России большее внимание уделяется области регламентации (информационное наполнение каких-либо программ, проектов и пр.), чем регулирующему отраслевому законодательству. В России делаются попытки принятия Цифрового кодекса[1]. В то же время, по мнению некоторых исследователей, уже в среднесрочной перспективе AI-роботы приобретут правосубъектность и будут признаны участниками

[1] Илющенко Р., Башелханов И. России будущего нужен Цифровой кодекс. Дата публикации: 06.02.2018 // Интернет-портал «Русская народная линия». URL: http://ruskline.ru/analitika/2018/02/7/rossii_buduschego_nuzhen_cifrovoj_kodeks/ (дата обращения: 25.10.2022).

правоотношений, смогут нести самостоятельную юридическую ответственность [6, с. 99], что, без сомнения, требует существенного переосмысления действующего законодательного регулирования. В этой связи отдельные авторы высказывают предложения по введению института саморегулирования в сфере робототехники, говорят о необходимости разрабатывать стандарты и кодексы поведения, обязательные для соблюдения владельцами роботами-агентами, а также самими роботами-агентами [13, с. 781].

Нормотворческая деятельность не может оставаться в стороне от проходящих в государстве и обществе глобальных процессов цифровизации. Позитивно оценивая цифровую трансформацию, А. В. Минбалеев отмечает, что «весьма эффективно технологии искусственного интеллекта применяются сегодня во всем мире в процессе создания норм права и текстов нормативных правовых актов. Особенно часто такие технологии используются при формировании новых редакций текстов нормативных правовых актов с учетом изменений, произведенных в актах высшей юридической силы» [12, с. 141].

Однако данный переход несет в себе и угрозы, которые должны быть учтены при разработке новых механизмов нормотворчества. Цифровизация нормотворческой деятельности, попытки перехода к мягкому праву как более динамичному способу правового регулирования содержат в себе определенные риски.

Полноценное внедрение цифровых технологий в сферу нормотворчества связано с рядом технологических и правовых ограничений. В качестве правовых ограничений применения технологий больших данных и искусственного интеллекта в правотворческой деятельности, по мнению исследователей, необходимо, в частности:

– исключить дублирование электронных и бумажных носителей при разработке проектов нормативных правовых актов;

– предусмотреть возможность автоматизированного межмашинного информационного взаимодействия государственных информационных систем при разработке проектов нормативных правовых актов;

– предусмотреть использование указанных цифровых технологий в рамках разработки прогнозов и планов правотворческой деятельности государственных органов власти, а также в рамках разработки проектов нормативных правовых актов [10, с. 70].

Как видится, указанные ограничения носят организационный характер и могут быть устранены путем эволюционной трансформации действующего правового регулирования в направлении внедрения цифровых технологий.

Технологические ограничения могут быть сняты лишь эволюционным путем развития, проведения научных исследований и разработок.

Нормотворческая деятельность имеет сложную структуру. Одной из ее особенностей выступает наличие одновременно и организационного, и содержательного компонентов.

Как и любая сложноорганизованная деятельность, связанная с функционированием большого количества разнородных субъектов, нормотворческая

деятельность должна пройти этапы своей цифровой трансформации. Только такой подход позволит обеспечить ее бесперебойное функционирование на этапе перестройки.

Первым этапом цифровизации нормотворческой деятельности может быть внедрение системы электронного взаимодействия участников нормотворческого процесса. Учитывая многоэтапность нормотворческой деятельности и наличие большого количества участников нормотворческого процесса, можно говорить о том, что внедрение системы электронного взаимодействия позволит снизить организационные и временные затраты, возникающие в процессе подготовки проектов нормативных документов, позволив его участникам сосредоточиться на содержательной стороне деятельности. В рамках единой системы электронного взаимодействия возможно обеспечить автоматическую рассылку подготовленных проектов участникам нормотворческого процесса, сбор замечаний и предложений, корректировку и обсуждение предлагаемых проектов. Вносимые в проект изменения сразу будут доступны всем заинтересованным лицам. Учитывая, что в ходе продвижения проекта по стадиям нормотворческого процесса будет изменяться перечень лиц, задействованных в реализации проекта, стоит предусмотреть возможность доступа новых участников процесса ко всем ранее подготовленным документам.

Таким образом, в системе могут аккумулироваться все сведения и документы, относящиеся к ходу подготовки конкретного законопроекта. Быстрый обмен содержательной информацией в системе должен быть направлен на снижение формализованной части документооборота, концентрацию на содержательной стороне передаваемой информации, отход от формы предоставления информации на бланках государственных органов и переход к формату обмена сообщениями идентифицированными пользователями системы.

В дальнейшем электронный документооборот в нормотворческой деятельности может быть распространен и на сферу принятия нормативных правовых актов. Нормативный правовой акт может подписываться в виде электронного документа, без изготовления его бумажной копии.

При внедрении электронного документооборота остро встает вопрос сохранности и доступности документов в сфере нормотворческой деятельности. Утрата оригиналов цифровых нормативных правовых актов и их проектов может повлечь серьезные юридические последствия. Выходом из данной проблемы может служить использование технологии распределенного хранения данных, обеспечивающей сохранность и защиту содержания электронного документа. Некоторые авторы в развитии технологии блокчейн видят существенные изменения для всей юридической деятельности, а не только такой ее разновидности, как нормотворческая. По мнению Б. Баррауда, исчерпают себя привычные для сегодняшнего дня институты нотариата и регистрационной службы, банковской сферы. И даже, более того, допускается мысль о том, что станет ненужным само государство как контролирующий орган [14, с. 48].

Следующим этапом цифровизации нормотворческой деятельности является внедрение технологии искусственного интеллекта.

Первоначально искусственный интеллект может быть задействован при проведении различных экспертиз нормативных правовых актов. Он может осуществлять первичный анализ подготовленного проекта нормативного акта по заданным критериям, отвечающим задачам конкретного вида экспертизы. «Нейронная сеть может применяться в рамках антикоррупционной экспертизы для обнаружения коррупциогенных факторов; кроме того, для моделирования ситуаций применения того или иного нормативного правового акта. Нейронная сеть может быть обучена таким образом, чтобы заранее учитывать возможные политические, экономические, социальные, культурные и другие факторы, влияющие на качество и содержание проекта нормативного правового акта» [10, с. 75].

Внедрение искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность позволит более эффективно осуществлять правовое моделирование. Стоит согласиться с Ю. Г. Арзамасовым в том, что «в определенной ситуации как бизнес-модели, так и модели правового регулирования могут не действовать эффективно, они могут не работать в связи с “непредсказуемостью рынка” и его отдельных участников» [1, с. 18]. В то же время внедрение современных цифровых технологий, в том числе Machine Learning, дает возможность создавать все более сложные механизмы правового моделирования, позволяя снижать риски правовых ошибок при принятии правовых актов.

В дальнейшем при разработке более прогрессивных алгоритмов машинного обучения задачей искусственного интеллекта может стать подготовка проекта нормативного правового акта на основе разработанного человеком задания. Эксперименты по внедрению искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность уже проводятся парламентами европейских стран, активно обсуждаются и в России, в частности в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации[2].

За счет возможности анализа всего существующего массива правовых предписаний при подготовке текста проекта искусственный интеллект может снизить проблему фрагментации правового поля. В случае использования единой государственной платформы разработки проектов нормативных правовых актов всех уровней можно будет снизить негативное влияние некоторых факторов, выделяемых в качестве причин фрагментации правового поля [11, с. 35].

Аналогичным образом могут быть решены проблемы повторяемости правовых предписаний на региональном уровне нормотворчества. Речь идет прежде всего о дублировании норм федеральных законов в региональных законодательных актах. Отчасти такая же проблема существует и в нормотворческой деятельности исполнительных органов при дублировании законодательных предписаний в подзаконных актах.

---

[2] Новости Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Будем ли жить по законам, которые напишет искусственный интеллект? URL: https://izak.ru/institute/pravovye-osnovy/pravovye-kommentarii/24780/ (дата обращения: 20.07.2022).

Кроме того, уже на этапе формирования текста законопроекта могут быть учтены все требования, выдвигаемые к юридико-технической и содержательной сторонам нормативного предписания, что должно позволить сократить сроки на подготовку и принятие нормативных актов.

Внедрение цифровых технологий дает возможоность сконцентрироваться на содержательной стороне нормотворческой деятельности. Неизменным остается лишь то, что итоговое решение о принятии той или иной правовой нормы остается за человеком. Только он обладает уникальным набором психологических качеств, позволяющих критически оценить выполненную искусственным интеллектом работу, политические, экономические и социальные последствия принимаемого акта.

Следующим этапом развития технологии искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности должно стать инициативное предложение искусственным интеллектом проектов нормативных правовых актов, направленных на устранение коллизий норм права. Выявление проблем правового регулирования и вывод о необходимости корректировки существующих правовых предписаний должны осуществляться на основе больших данных. К ним могут быть отнесены судебная практика, акты индивидуального характера, издаваемые государственными органами, юридически значимые действия, иные данные. При переводе государственного документооборота в цифровой формат эти данные могут быть собраны в массивы, пригодные для анализа системами искусственного интеллекта.

Заключение

Таким образом, цифровые технологии способны оказать существенную помощь в разработке проектов нормативных правовых актов, снижая организационную и подготовительную нагрузку на нормотворческие органы, обеспечивая возможность более оперативного и глубокого анализа правоприменительного поля.

В долгосрочной перспективе стоит говорить об изменении структуры существующего нормативного правового массива. Уже сейчас исследователи говорят о том, что происходящие в правовой сфере процессы стирают грани между отраслями [10, с. 25]. Это же касается и формы правовых предписаний при переходе от имеющих высокую степень формализации нормативных правовых актов к правовым предписаниям, объединенным множеством смысловых связей в правовые массивы, формируемые цифровыми системами по запросу оператора для разрешения конкретной правовой ситуации. Существующая сейчас формализованная часть современных норм права перейдет в метаданные, сопровождающие содержание конкретной нормы права. Формирование в рамках развития информационного общества единого, многоуровневого, масштабируемого, имеющего внутренние связи массива правовых актов,

обеспеченного алгоритмами определения взаимосвязей правовых норм, позволит эффективнее проводить поиск и анализ необходимой правовой информации, увеличив доступность правовых предписаний.

Цифровизация нормотворческой деятельности — процесс поэтапный. Его итогом является внедрение технологии искусственного интеллекта в сферу нормотворчества. Используя возможности анализа большого массива данных с помощью искусственного интеллекта, нормотворец способен быстрее и четче выявлять проблемы правового регулирования, более оперативно реагировать на возникновение новых правоотношений, принимать решения на основе глубокого и всестороннего анализа.

Однако следует учитывать опасения и тех, кто считает, что правовая система, которая чрезмерно зависит от больших данных, будет произвольно и недемократично отклоняться от основополагающих ценностей правовой системы. Чем шире используются большие данные, тем больше они будут наполнять и предписывать ощущение оптимальности и искусственной неизбежности к правовому развитию.

По нашему мнению, для успешной реализации формирующегося правового режима цифровизации нормотворческой деятельности сегодня нужно предпринять в рамках применения новых цифровых технологий ряд действий:

– модернизировать нормотворческую политику в государстве, а именно создать единые цифровые критерии, информационные стандарты и модели осуществления нормотворчества;

– усовершенствовать программное обеспечение и оптимизировать информационно-коммуникационные технологии, сопровождающие нормотворческие процедуры;

– обеспечить поэтапное внедрение единых цифровых критериев, информационных стандартов и моделей осуществления нормотворческой деятельности;

– развивать нормотворческую политику в государстве с учетом достижений цифровых технологий;

– продолжить проводить научные исследования в области соприкосновения права и цифровых технологий.

Литература

1. Арзамасов Ю. Г. Оценка регулирующего воздействия и риски в праве: опыт России и континентальной Европы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 5. С. 4–31.

2. Гассиева К. М. А. Трансформация системы ценностей в информационном обществе // Евразийский союз ученых. 2017. № 10-2 (43). С. 7–9.

3. Горшенев В. М. Правовые формы деятельности в общенародном государстве: учеб. пособие. Харьков: Юридический институт, 1985. 84 с.

4. Козырева А. А. Правовые аспекты формирования информационного общества в соответствии со Стратегией развития информационного общества на 2017–2030 годы // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 130–132.

5. Концепции развития российского законодательства / Л. В. Андриченко, О. А. Акопян, В. И. Васильев [и др.]; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2014. 128 с.

6. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

7. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов / Ю. Г. Арзамасов [и др.]; под ред. Ю. Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 542 с.

8. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.

9. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.

10. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, О. А. Иванюк [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2019. 234 с.

11. Юридический конфликт: монография / О. А. Акопян, С. Б. Бальхаева, А. А. Головина [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М.: ИНФРА-М, 2017. 312 с.

12. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: ИНФРА-М, 2019. 273 с.

13. Atabekov A., Yastrebov O. Legal Status of Artificial Intelligence Across Countries: Legislation on the Move // European Research Studies Journal. 2018. Vol. XXI. Issue 4. P. 773–782.

14. Barraud B. Les blockchains et le droit // Revue Lamy Droit de l'immatériel. 2018. Vol. 147. P. 48–62.

Literatura

1. Arzamasov Yu. G. Ocenka reguliruyushhego vozdejstviya i riski v prave: opy`t Rossii i kontinental`noj Evropy` // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2019. № 5. S. 4–31.

2. Gassieva K. M. A. Transformaciya sistemy` cennostej v informacionnom obshhestve // Evrazijskij soyuz ucheny`x. 2017. № 10–2 (43). C. 7–9.

3. Gorshenev V. M. Pravovy`e formy` deyatel`nosti v obshhenarodnom gosudarstve: ucheb. posobie. Xar`kov: Yuridicheskij institut, 1985. 84 c.

4. Kozy`reva A. A. Pravovy`e aspekty` formirovaniya informacionnogo obshhestva v sootvetstvii so Strategiej razvitiya informacionnogo obshhestva na 2017–2030 gody` // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. № 12 (156). S. 130–132.

5. Koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel`stva / L. V. Andrichenko, O. A. Akopyan, V. I. Vasil`ev [i dr.]; otv. red. T. Ya. Xabrieva, Yu. A. Tixomirov. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii; ID «Yurisprudenciya», 2014. 128 s.

6. Laptev V. A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost` za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2019. № 2. S. 79–102.

7. Normografiya: teoriya i texnologiya normotvorchestva: uchebnik dlya vuzov / Yu. G. Arzamasov [i dr.]; pod redakciej Yu. G. Arzamasova. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Yurajt, 2020. 542 s.

8. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel`stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3 (43). S. 31–39.

9. Tixomirov Yu. A., Kichigin N. V., Czomartova F. V., Bal`xaeva S. B. Pravo i cifrovaya informaciya // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2021. № 2. S. 4–23.

10. Cifrovizaciya pravotvorchestva: poisk novy`x reshenij: monografiya / D. A. Pashencev, M. V. Zaloilo, O. A. Ivanyuk [i dr.]; pod obshh. red. d-ra yurid. nauk, prof. D. A. Pashenceva. M.: INFRA-M, 2019. 234 c.

11. Yuridicheskij konflikt: monografiya / O. A. Akopyan, S. B. Bal`xaeva, A. A. Golovina [i dr.]; otv. red. Yu. A. Tixomirov. M.: INFRA-M, 2017. 312 s.

12. Yazy`k pravotvorchestva v usloviyax cifrovizacii obshhestvenny`x otnoshenij: sbornik nauchny`x trudov / pod obshh. red. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. M.: INFRA-M, 2019. 273 s.

13. Atabekov A., Yastrebov O. Legal Status of Artificial Intelligence Across Countries: Legislation on the Move // European Research Studies Journal. 2018. Vol. XXI. Issue 4. P. 773–782.

14. Barraud B. Les blockchains et le droit // Revue Lamy Droit de l'immatériel. 2018. Vol. 147. P. 48–62.

Статья поступила в редакцию: 04.06.2022;
одобрена после рецензирования: 20.06.2022;
принята к публикации: 22.06.2022.

The article was submitted: 04.06.2022;
approved after reviewing: 20.06.2022;
accepted for publication: 22.06.2022.

УДК 343.97
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.07

Т. С. Гущина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
E-mail: tanyagushina1@yandex.ru

В. Е. Батюкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва Российская Федерация
E-mail: batuykova@yandex.ru

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО НЕЗАКОННОМУ ПОЛУЧЕНИЮ КРЕДИТА

Аннотация. В статье рассмотрены основные детерминанты преступления по незаконному получению кредита по группам: социально-экономические, правовые, социально-психологические. В каждой группе детерминант преступления по незаконному получению кредита выделены и исследованы непосредственные основополагающие причины и условия преступления, их степень воздействия на криминогенную ситуацию в стране. Проанализировано влияние преступлений по незаконному получению кредита в косвенном и прямом действии на стабильную работу национальной экономики. Исследована взаимосвязь основных показателей, отражающих экономическую и социальную ситуацию в стране, с уровнем преступности (количеством преступлений) в сфере незаконного получения кредита. Определены основные последствия кредитных преступлений, в том числе преступлений по незаконному получению кредита, на состояние и эффективную работу экономики. На основе полученных результатов даны ответы на актуальные вопросы, касающиеся усиления общественной опасности кредитных преступлений и укрепления роли таких преступлений в факторах дестабилизации национальной экономики.

Ключевые слова: незаконное получение кредита; детерминанты; экономические преступления; кредит; национальная экономика; экономическая безопасность.

© Гущина Т. С., Батюкова В. Е., 2022

UDC 343.97
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.07

T. S. Gushchina
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: tanyagushina1@yandex.ru

V. E. Batyukova
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: batuykova@yandex.ru

Determinants of the Crime of Obtaining a Loan Illegally

Abstract. The article considers the main determinants of the crime of obtaining a loan illegally by groups: socio-economic, legal, socio-psychological. In each group of determinants of the crime of illegal obtaining a loan, the immediate underlying causes and conditions of the crime, their degree of influence on the crime situation in the country are identified and investigated. The influence of crimes on illegal receipt of credit in indirect and direct action on the stable operation of the national economy is analyzed. The interrelation of the main indicators, reflecting the economic and social situation in the country, with the level of crime (number of crimes) in the sphere of illegal obtaining a loan has been studied. The main consequences of credit crimes, including the crime of obtaining a loan illegally on the state and efficient operation of the economy are determined. Based on the results of the work, answers to important questions are given regarding the increased public danger of credit crimes and strengthening the role of such crimes in the factors of destabilization of the national economy.

Keywords: obtaining a loan illegally; determinants; economic crimes; credit; national economy; economic security.

Введение

В уголовном законодательстве преступлениям в сфере экономической деятельности отводится целая глава. Такое внимание к экономическим, в том числе кредитным, преступлениям связано в первую очередь с их актуальностью в развитии отечественной экономики; поскольку есть влияние экономических и кредитных преступлений на состояние экономики всей страны в целом. Связь между показателями экономической деятельности в стране и уровнем преступности в сфере экономической деятельности прямая и пропорциональная. А сама экономическая преступность (обострение криминогенной ситуации) становится уже фактором дестабилизации национальной экономики, создает условия для ослабления экономической безопасности в стране.

Экономическая безопасность страны во взаимосвязи с экономической преступностью стала предметом изучения в работах доктора экономических наук Е. И. Кузнецовой. Исследователь высказывает мнение, что «преступность в сфере экономической деятельности — сложное, общественно опасное явление, оказывающее значительное влияние на дестабилизацию банковской, внешнеэкономической, торговой и иной деятельности и наносящее огромный вред экономике

страны в целом» [12, с. 201]. И такой тезис подтверждается статистическими данными различных экономических показателей при сопоставлении их с уровнем экономической преступности.

Для укрепления и стабилизации национальной экономики необходимо решить вопросы о снижении уровня экономической преступности и степени влияния такого рода преступлений на экономическую безопасность страны.

Выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступления, считают одним из основных способов профилактики экономических преступлений Ю. В. Николаева и С. А. Гримальская [13, с. 335]. Другими словами, необходимы изучение и анализ детерминант преступлений, а также последующее исключение таких детерминант из возможностей влияния на совершение преступлений.

На данный момент в отечественной экономике экономические преступления, в том числе кредитные, адаптировались к новым условиям рынка, основанным на развитии цифровых и финансовых технологий, а также к ужесточению контроля и надзора за банковской деятельностью со стороны Центрального банка Российской Федерации (далее — ЦБ РФ). Преступления в сфере экономической деятельности стали обладать более изощренным и интеллектуальным характером, а общественная опасность таких преступлений существенно возросла. Установить причины усиления общественной опасности экономических преступлений и повышения их роли в дестабилизации национальной экономики можно только при детальном изучении причин, условий и факторов возникновения преступлений, совершаемых в экономической сфере.

В данной статье будут рассмотрены детерминанты преступления по незаконному получению кредита (ст. 176 Уголовного кодекса РФ).

Необходимо отметить, что неправомерным, противоправным деянием будет являться не сделка по получению кредита, сделка по движению ссуженной стоимости на условиях возвратности, срочности, платности, а только первый, подготовительный, этап такой сделки — предоставление необходимых документов для получения кредита [1, с. 161]. Если такие документы, подтверждающие финансовое или хозяйственное положение заемщика, будут заведомо ложными, недостоверными или сфальсифицированными, то получение кредита при данных условиях будет являться незаконным. Следовательно, детерминантами преступления являются причины деяния по предоставлению заемщиком заведомо ложных сведений о своем хозяйственном или финансовом положении для получения кредита или льготных условий кредитования. Другими словами, детерминанты незаконного получения кредита — это причины и условия того, почему у заемщика нет возможности получить кредит или льготные условия кредитования при предоставлении достоверных сведений о своем финансовом или хозяйственном положении.

Цель исследования — анализ детерминантов преступления по незаконному получению кредита и выявление взаимосвязи экономических преступлений с факторами дестабилизации национальной экономики.

Методика проведения исследования

Исследование по изучению влияния преступления по незаконному получению кредита на экономическую безопасность и стабильность страны было проведено в три этапа:

1) определены детерминанты совершения преступления по незаконному получению кредита;

2) проведен анализ основных показателей детерминирующих условий преступления по незаконному получению кредита с уровнем преступности по данному деянию;

3) на основе изучения и анализа полученных в ходе исследования данных установлены причины усиления общественной опасности экономических преступлений и повышения их роли в факторах дестабилизации национальной экономики.

При проведении исследования изучались и анализировались тематическая научная литература, статистические данные из официальных источников. Основным методом исследования выступает уголовно-статистический метод.

Результаты исследования

Детерминанты преступления по незаконному получению кредита можно разделить на три основные группы: социально-экономические, правовые, социально-психологические [11, с. 95]. Рассмотрим каждую группу отдельно.

1. *Социально-экономические детерминанты.*

Это самая объемная и основополагающая группа, в нее включаются экономические причины и условия появления преступлений, которые перекладывают свое влияние также на социальные (общественные) детерминанты [9, с. 800].

К основным социально-экономическим детерминантам преступлений по незаконному получению кредита относятся:

- Инфляция или снижение покупательной способности. Чем выше процент инфляции в стране, тем тяжелее заемщикам обслуживать свой долг, так как при инфляции доходы субъектов остаются неизменными, а расходы растут.

При выдаче кредита кредиторы оценивают, какую сумму кредита заемщик может обслуживать — платить по обязательствам без ущемления других жизнеобеспечивающих расходов. При высокой инфляции возможная для выдачи сумма кредита падает. В этот момент могут возникнуть противоправные деяния, когда для получения большей суммы кредита заемщик фальсифицирует документы, отражающие его финансовое состояние.

- Ключевая ставка ЦБ РФ. Ставка, по которой ЦБ РФ выдает кредиты коммерческим банкам для последующего кредитования населения, юридических лиц, других коммерческих банков. Следовательно, от ключевой ставки зависит ставка по кредиту другим субъектам экономики.

В период с высокой ключевой ставкой ЦБ РФ криминогенная ситуация, связанная с преступлениями по незаконному получению кредита, также может обостриться. Это объясняется тем, что банки при выдаче кредита устанавливают ставку в зависимости от финансового и хозяйственного положения заемщика, но не ниже ключевой ставки ЦБ РФ [6, с. 125]. Тем самым нижний диапазон ставки по кредитам определен, верхний — нет. Следовательно, заемщики для получения максимально возможно низкой ставки могут фальсифицировать свои финансовые или хозяйственные документы.

Показатели инфляции и ключевой ставки ЦБ РФ прямо влияют на состояние преступности по незаконному получению кредита: если показатели инфляции и ключевой ставки ЦБ РФ растут, то и количество уголовных дел по незаконному получению кредита растет. Таким образом, обостряется общая криминогенная ситуация в обществе. Соотношение показателей инфляции, ключевой ставки ЦБ РФ и количества дел по преступлениям в сфере незаконного получения кредита сохраняется и при динамике снижения показателей. Нагляднее всего такую динамику видно на графике (см. рис. 1).

На представленном графике отражено, что ключевая ставка ЦБ РФ за рассматриваемые шесть лет — с 2016 по 2021 год — планомерно снижалась до 2020 года, уровень такого снижения составил 5,75 %; 2021 год четко выделяется из данной статистики, так как в этот период произошел стремительный рост ключевой ставки почти в два раза по сравнению с предыдущим периодом до показателя 8,39 %. Такая динамика роста связана с внешнеэкономическими и внешнеполитическими факторами, а также с последствиями пандемии в мировой экономике. Динамика ключевой ставки ЦБ РФ прямо переложена на динамику уровня инфляции. Так, средний уровень инфляции с 2016 по 2019 год сократился с 5,38 до 3,05 %, это снижение составило 2,33 %. Показатели среднегодовой инфляции за 2020 и 2021 годы, наоборот, показали рост на 1,86 % и 3,59 % соответственно (это полностью коррелируется с показателем ключевой ставки ЦБ РФ). Данные показатели повлияли и на уровень преступности по незаконному получению кредита. Так, количество осужденных по ст. 176 Уголовного кодекса РФ сократилось на 79,5 % — с 73 человек в 2016 году до 15 человек в 2021 году. Динамика значений ключевой ставки ЦБ РФ и уровня среднегодовой инфляции за 2021 год прямо несопоставима с количеством осужденных по преступлениям, связанным с незаконным получением кредита в 2021 году. Причиной отсутствия прямой динамической связи является активный рост показателей инфляции и ключевой ставки ЦБ РФ в 4-м квартале 2021 года, следовательно, среднегодовые показатели были резко скорректированы[1].

---

[1] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 21.04.2022); Ключевая ставка Банка России // Банк России: официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 21.04.2022); Таблица уровня инфляции по месяцам в годовом исчислении // Инфляция в России. URL: https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции (дата обращения: 24.04.2022).

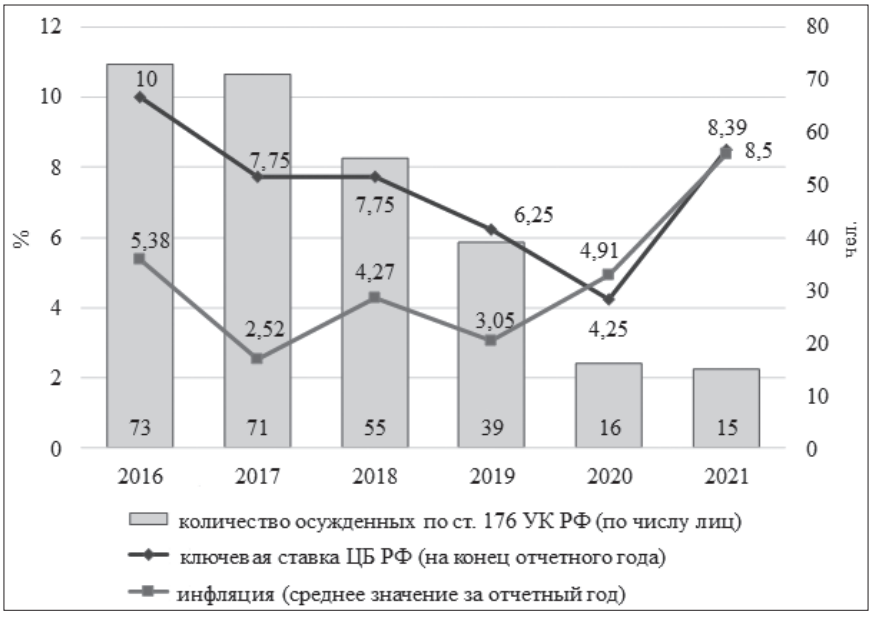


Рис. 1. Динамика значений ключевой ставки ЦБ РФ, уровня инфляции и количества осужденных по ст. 176 Уголовного кодекса РФ за период с 2016 по 2021 год[1]

Но представленные данные по динамике ключевой ставки ЦБ РФ, уровню инфляции и количеству преступлений по незаконному получению кредита прямо свидетельствуют об их взаимосвязи и причинно-следственной связи.

• Уровень безработицы. Показатель рынка труда, который есть отношение численности неработающего трудоспособного населения к общей численности трудоспособного населения [5, с. 33].

Данный показатель — социальный, причиной его введения в учет являются плохие экономические условия в стране. Рост безработицы есть одна из причин увеличения количества преступлений по незаконному получению кредита в случаях, когда субъект (в данном случае только физическое лицо) не имеет официального источника дохода, но желает получить кредит. При отсутствии источников дохода кредиторы отказывают в предоставлении кредита, но субъект может совершить противоправное деяния по фальсификации документов о месте работы с целью получения кредита [15, с. 62].

2. *Правовые детерминанты.*

Негативные причины и условия в правовой сфере играют важную роль в детерминации преступлений по незаконному получению кредита. К основным правовым детерминантам данного преступления относятся:

• Проблемы применения действующих норм законодательства, возникающие вследствие отсутствия единого понятийного аппарата в нормативно-правовых актах всех уровней.

В действующей ст. 176 Уголовного кодекса РФ присутствует немало специальных терминов, например «кредит», «льготные условия кредитования»,

«государственный целевой кредит», «сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии», определения и толкования которых отсутствуют на законодательном уровне [4, с. 63]. Это влечет за собой проблемы в применении нормы права по незаконному получению кредита в части субъективного толкования судами указанных терминов или неверной классификации преступления [2, с. 166].

- Отсутствие обширной судебной практики по ст. 176 Уголовного кодекса РФ.

Согласно данным Судебного департамента Верховного суда РФ число лиц, осужденных по преступлениям, предусмотренным ст. 176 Уголовного кодекса РФ, составляет менее 1 % от осужденных по преступлениям в сфере экономики (за 2016–2021 годы количество осужденных по преступлениям по незаконному получению кредита составило 0,64 % от общего количества осужденных по преступлениям в сфере экономики) (табл. 1).

Таблица 1

Статистика осужденных по преступлениям в сфере экономики и по ст. 176 Уголовного кодекса РФ за 2016–2021 годы, по числу лиц

	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Осуждено по преступлениям в сфере экономики (ст. 169–200.6 УК РФ)	5 667	6 457	8 243	8 106	7 093	8 987
Осуждено по ст. 176 УК РФ	73	71	55	39	16	15

Примечание: составлено по данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 21.04.2022).

Согласно данным таблицы 1, количество осужденных по преступлениям в сфере экономики растет. Так, с 2016 по 2021 год рост составил 58,5 %. При этом количество осужденных по ст. 176 Уголовного кодекса РФ за тот же период имеет динамику снижения на 79,4 %. Следовательно, доля преступлений по незаконному получению кредита уменьшается в общем объеме преступлений в сфере экономики: в 2016 году такая доля составляла 1,28 %, в 2021 году — 0,16 %. Данный факт показывает, что при общем росте количества экономических преступлений преступления по незаконному получению кредита, наоборот, имеют устойчивую тенденцию к снижению. Такая статистика прямо показывает высокую латентность преступлений по незаконному получению кредита и косвенно указывает на сложность доказывания в процессе расследования. Следствием данных факторов является отсутствие обширной обвинительной судебной практики по преступлениям по незаконному получению кредита, что и становится детерминантом данного преступления.

- Несоразмерность санкции и общественной опасности деяния.

Согласно социологическим исследованиям, граждане не совершают преступлений по двум основным причинам. Во-первых, они обладают высокой правовой культурой. Во-вторых, они в массе своей остерегаются санкций за преступления. Следовательно, чем санкция за преступление менее значительна, тем

с большей вероятностью будет ожидаться рост количества совершаемых преступлений [11, с. 131].

По ст. 176 Уголовного кодекса РФ максимальная санкция — это лишение свободы на срок до 5 лет, но существует и широкая вариативность санкций по указанной статье: штраф, исправительные и принудительные работы, арест. Такая обширная вариативность санкций становится детерминантом преступлений по незаконному получению кредита, так как у преступника возникает мнение и уверенность, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 176 Уголовного кодекса РФ, к нему не будет применена самая максимальная санкция в виде реального лишения свободы. На такую уверенность влияет наличие у преступника смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 Уголовного кодекса РФ, или возможность возмещения им ущерба в полном объеме. Но при этом также у субъектов преступления вырабатывается логика, что выгоднее потенциально быть привлеченным к уголовной ответственности по преступлению по незаконному получению кредита, чем обслуживать более невыгодные условия по кредиту.

3. *Социально-психологические детерминанты.*

Любые негативные изменения в экономической и социальной ситуации в стране влияют на правосознание общества. Изменения правосознания или социально-правового поведения членов общества могут становиться детерминантами финансово-экономических преступлений [10, с. 91]. Можно выделить следующие социально-психологические детерминанты в рамках преступлений по незаконному получению кредита:

- Правовой нигилизм. Данный детерминант выражается в отрицании роли и ценности права в общественной жизни [8, с. 19]. Правовой нигилизм — это психологическое состояние общества, которое формируется при влияние социальных факторов [14, с. 399]. Такое отрицание, в том числе ответственности за совершения преступления по незаконному получению кредита, проявляется и связано с несколькими аспектами:
  - безнаказанность как оценка риска (маловероятнаого) быть привлеченным к уголовной ответственности;
  - моральное и нравственное оправдание совершения преступлений как фактор и необходимость физического выживания в действующих экономических условиях;
  - отсутствие доверия к правоохранительным органам из-за высокого уровня коррупционной составляющей и, как следствие, отсутствие страха быть подвергнутым наказанию [3, с. 222].
- Социальное неравенство по уровню доходов (экономическое неравенство).

Высокая дифференциация общества по уровню доходов. Эта причина при рассмотрении преступлений по незаконному получению кредита становится для каждого слоя населения своим детерминантом:

– для населения с низким уровнем дохода: совершение преступлений по незаконному получению кредита становится реакцией на социальную

несправедливость и возможностью исправить свое материальное и финансовое положение;

– для населения с высоким уровнем дохода: совершение преступлений по незаконному получению кредита проявляется в возможности получить еще больше прибыли и упрочить свое комфортное финансовое положение в обществе.

Одним из экономических показателей, характеризующих степень расслоения общества по доходам, является коэффициент Джини. Его значения находятся в пределах от 0 до 1, при этом чем ближе показатель к 1, тем социальное неравенство по уровню дохода выше (доходы сконцентрированы в одних руках) [7, с. 25]. Так как дифференциация общества по уровню дохода является детерминантом преступления по незаконному получению кредита, то уместно проанализировать статистику показателя коэффициента Джини и количество рассмотренных дел по ст. 176 Уголовного кодекса РФ, которые оказываются параллельны в динамике цифр (см. рис. 2).

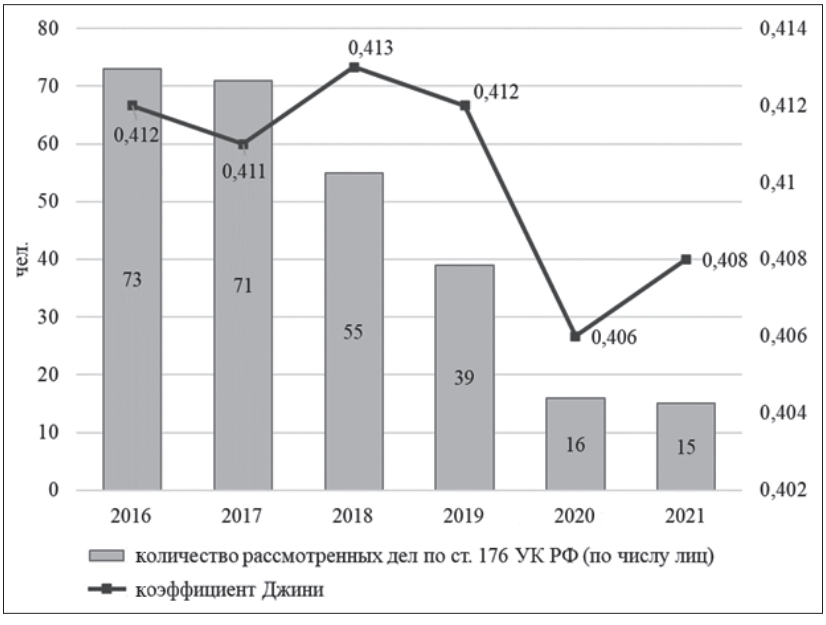


Рис. 2. Динамика коэффициента Джини и количества рассмотренных дел по ст. 176 Уголовного кодекса РФ за период с 2016 по 2021 год[2]

Согласно представленной на рисунке 2 статистике, прослеживается связь между коэффициентом Джини и уровнем преступности по незаконному получению кредита. Так, при снижении показателей дифференциации общества

[2] Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 21.04.2022); Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) // ЕМИСС государственная статистика: официальный сайт. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31165 (дата обращения: 07.05.2022).

по уровню дохода, т. е. при снижении поляризации общества по доходам, количество рассмотренных уголовных дел по ст. 176 Уголовного кодекса РФ также снижается. Статистика подтверждает, что степень социального неравенства прямо влияет на уровень преступности по незаконному получению кредита.

Выводы

Рассмотрев основные группы детерминантов преступления по незаконному получению кредита (ст. 176 Уголовного кодекса РФ), представляется возможным установить причины следующих явлений:

1. Усиление общественной опасности экономических преступлений.

Данное явление связано не только с увеличением размера причиняемого ущерба, но и с прямым влиянием экономических и, самое важное, кредитных преступлений на стабильное функционирование кредитно-банковской системы, в частности на устойчивую работу всей экономики в целом.

2. Повышение роли кредитных преступлений в факторах дестабилизации национальной экономики.

Стабильность национальной экономики зависит от множества экономических, социальных и правовых факторов, в том числе и от стабильного банковского и финансово-кредитного сектора, эффективного выполнения государством своих социальных обязательств работы правового механизма регулирования жизни общества, отвечающего современным вызовам. В каждом из вышеперечисленных факторов заключены детерминанты совершения кредитных преступлений, которые прямо или косвенно могут влиять на эффективную и стабильную работу экономики. Именно с этим связана возрастающая роль кредитных преступлений, в том числе преступлений по незаконному получению кредита, в дестабилизации экономики, которая может выражаться в появлении или возрастании роли теневой экономики, снижении социальной защищенности населения, росте коррупции, стагнации или снижении экономического развития и т. д.

Литература

1. Батюкова В. Е. К вопросу о применение нормы, предусмотренной ст. 176 УК РФ // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С.160–162.

2. Берковская С. А. Статья 176 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы применения и пути совершенствования // Legal Concept. 2021. Т. 2. № 2. С. 164–169.

3. Бугаенко Ю. Ю. Правовой нигилизм и его трансформация в современном социуме // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 220–229.

4. Вольдимарова Н. Г. Проблемы установления уголовной ответственности за преступления в сфере кредитования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 62–70.

5. Всяких Ю. В., Огородникова С. И. Безработица как социальное явление и объект статистических исследований // Символ науки. 2016. № 11–1 (23). С. 32–35.

6. Гончарова Е. В., Гаркавенко Ю. В. Механизмы совершенствования процесса кредитования физических лиц российским коммерческим банком // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2018. № 3. С. 123–131.

7. Дербенева А. В. Неравенство доходов и коэффициент Джини в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 11. С. 25–27.

8. Корнев А. В. Правовой нигилизм: отражение его сущности, содержания и форм в литературе и юридической науке // Lex Russica. 2018. № 1 (134). С. 9–24.

9. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социально-экономические детерминанты преступности в современном российском обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 795–805.

10. Костюченко М. А. Общесоциальное предупреждение преступлений в кредитной сфере // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 91–96.

11. Костюченко М. А. Кредитные преступления (ст.ст. 176, 177 УК РФ): характеристика и предупреждение: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2020. 253 с.

12. Кузнецова Е. И., Филатова И. В. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 201–204.

13. Николаева Ю. В., Гримальская С. А. Предупреждение экономической преступности: проблемы и пути их преодоления // Образование и право. 2020. № 1. С. 330–343.

14. Османов М. М. Проблемы борьбы с правовым нигилизмом в России // Образование и право. 2021. № 3. С. 398–401.

15. Подольный Н. А., Подольная Н. Н. Взаимосвязь уровня преступности и экономической пассивности населения на рынке труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (45). С. 57–66.

Literatura

1. Batyukova V. E. K voprosu o primenenie normy`, predusmotrennoj st. 176 UK RF // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2019. № 1. S. 160–162.

2. Berkovskaya S. A. Stat`ya 176 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: problemy` primeneniya i puti sovershenstvovaniya // Legal Concept. 2021. Tom 2. № 2. S. 164–169.

3. Bugaenko Yu. Yu. Pravovoj nigilizm i ego transformaciya v sovremennom sociume // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2019. № 5. C. 220–229.

4. Vol`dimarova N. G. Problemy` ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya v sfere kreditovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2019. № 34. S. 62–70.

5. Vsyakix Yu. V., Ogorodnikova S. I. Bezraboticza kak social`noe yavlenie i ob``ekt statisticheskix issledovanij // Simvol nauki. 2016. № 11–1 (23). S. 32–35.

6. Goncharova E. V., Garkavenko Yu. V. Mexanizmy` sovershenstvovaniya processa kreditovaniya fizicheskix licz rossijskim kommercheskim bankom // Koncept: nauchno-metodicheskij e`lektronny`j zhurnal. 2018. № 3. S. 123–131.

7. Derbeneva A. V. Neravenstvo doxodov i koe`fficient Dzhini v Rossii // E`konomika i biznes: teoriya i praktika. 2016. № 11. S. 25–27.

8. Kornev A. V. Pravovoj nigilizm: otrazhenie ego sushhnosti, soderzhaniya i form v literature i yuridicheskoj nauke // Lex Russica. 2018. № 1 (134). S. 9–24.

9. Kostina E. Yu., Orlova N. A. Social`no-e`konomicheskie determinanty` prestupnosti v sovremennom rossijskom obshhestve // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12. № 6. S. 795–805.

10. Kostyuchenko M. A. Obshhesocial`noe preduprezhdenie prestuplenij v kreditnoj sfere // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2016. № 3. S. 91–96.

11. Kostyuchenko M. A. Kreditny`e prestupleniya (st.st. 176, 177 UK RF): xarakteristika i preduprezhdenie: dis. … kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2020. 253 s.

12. Kuzneczova E. I., Filatova I. V. E`konomicheskaya prestupnost` i ee vliyanie na e`konomicheskuyu bezopasnost` // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2018. № 4. S. 201–204.

13. Nikolaeva Yu. V., Grimal`skaya S. A. Preduprezhdenie e`konomicheskoj prestupnosti: problemy` i puti ix preodoleniya // Obrazovanie i pravo. 2020. № 1. S. 330–343.

14. Osmanov M. M. Problemy` bor`by` s pravovy`m nigilizmom v Rossii // Obrazovanie i pravo. 2021. № 3. S. 398–401.

15. Podol`ny`j N. A., Podol`naya N. N. Vzaimosvyaz` urovnya prestupnosti i e`konomicheskoj passivnosti naseleniya na ry`nke truda // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvenny`e nauki. 2018. № 1 (45). S. 57–66.

Статья поступила в редакцию: 02.06.2022;
одобрена после рецензирования: 21.06.2022;
принята к публикации: 24.06.2022.

The article was submitted: 02.06.2022;
approved after reviewing: 21.06.2022;
accepted for publication: 24.06.2022.

УДК 341.1
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.08

З. Ш. Матчанова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: zoya2310@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрываются отдельные теоретические вопросы в сфере международно-правовой ответственности за международные правонарушения. Серьезное научное внимание эта тематика приобрела еще в первой половине прошлого столетия, по-настоящему глубоко и детально стала исследоваться с середины XX века, и на современном этапе интерес к ней не ослабевает, а только усиливается.

Целью статьи является исследование теоретических основ ответственности за международные правонарушения. Цель предопределила постановку ряда задач: определить специфику ответственности в международном праве, выявить необходимые элементы международного правонарушения, охарактеризовать виды ответственности в международном праве, установить формы, в которых могут найти выражение виды ответственности.

В результате работы ответственность за международные правонарушения исследована с позиций ее особой, публично-правовой природы; виды и формы ответственности рассмотрены через призму функций ответственности как таковой, установлено, что не всегда есть строгое соответствие между характером ущерба и формой ответственности, даны дефиниции основных форм материальной и нематериальной (политической) международно-правовой ответственности.

Ключевые слова: ответственность государств; международные правонарушения; элементы международных правонарушений; противоправное поведение; ущерб; виды ответственности; формы ответственности.

UDC 341.1
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.08

Z. Sh. Matchanova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: zoya2310@yandex.ru

Theoretical Foundations of Responsibility for International Offenses

Abstract. The article reveals certain theoretical issues in the field of international legal responsibility for international offenses. This topic gained serious scientific attention in the first half of the last century, it started being studied in a really deep and detailed way in the middle of the 20th century, and at the present stage, interest in it has not weakened, but only intensified.

© Матчанова З. Ш., 2022

The purpose of the article is to study the theoretical foundations of responsibility for international offenses. The goal predetermined the setting of a number of tasks such as to determine the specifics of responsibility in international law, to identify the necessary elements of an international offense, to characterize the types of responsibility in international law, to establish the forms in which types of responsibility can be expressed.

As a result of the work, liability for international offenses is investigated from the standpoint of its special, public law nature, the types and forms of liability are considered through the prism of the functions of liability as itself, it is defined that there is not always a strict correspondence between the nature of damage and the form of liability, definitions of the main forms of material liability and non-material (political) international legal responsibility are given.

Keywords: responsibility of states; international offenses; elements of international offenses; unlawful behavior; damage; types of responsibility; forms of responsibility.

Введение

Нарушение норм международного права относится к числу наиболее серьезных проблем, деструктивно влияющих на всю систему современных международных отношений [6, с. 148–149]. Государства связаны огромным количеством разнообразных обязательств, строгое и добросовестное соблюдение которых необходимо не только для взаимовыгодного и эффективного межгосударственного сотрудничества, но и для поддержания стабильности и устойчивости международного правопорядка на универсальном и региональном уровнях. В реальности многие обязательства выполняются без должной добросовестности, что создает массу проблем в сфере международного сотрудничества государств в двустороннем и многостороннем форматах.

Деликтоспособность является важной составляющей международной правосубъектности всех участников международных отношений. В случае нарушения норм международного права возникают правоотношения ответственности между правонарушителем и потерпевшим. Характер таких отношений может быть различным: правонарушитель может добровольно возмещать ущерб на основании претензий потерпевшей стороны или же, напротив, может отказываться признавать предъявляемые ему претензии и т. д., поведение потерпевшей стороны также может быть самым разным. Главное здесь — конструктивный подход каждой из сторон к реализации правоотношений ответственности, в противном случае множатся противоречия, способные привести к конфликтам.

Степень научной разработанности темы

Международно-правовая ответственность за международные правонарушения исследована в юридической науке довольно подробно. Так, в частности, научные труды советских юристов-международников, среди которых назовем

работы Г. И. Тункина [12], Н. А. Ушакова [13], Д. Б. Левина [8] и многие другие, составили серьезнейшую научно-теоретическую основу, необходимую для развития в международном публичном праве такого важнейшего правового института, как институт ответственности за международные правонарушения.

В начале XXI века одним из наиболее авторитетных трудов в исследуемой области стала монография И. И. Лукашука «Право международной ответственности» [9], вобравшая в себя внушительный, интереснейший материал, наработанный в течение многих лет. В настоящее время также есть немало трудов, в которых проработана тема ответственности в международном праве. В частности, серьезный интерес представляют научные работы Р. Л. Хачатурова [4], М. В. Кешнер [5], в которых детально освещены современные аспекты развития института ответственности.

Однако, учитывая сложность, многоплановость и изменчивость не только самих международных правонарушений, но и подходов к практической реализации ответственности за них, есть насущная необходимость в постоянном внимании к данному институту международного публичного права с учетом современных тенденций развития международных отношений, специфических особенностей текущего момента и существующих трудностей. Но современные исследования непременно должны опираться на накопленный теоретический материал.

Методы

При написании статьи использовались различные общенаучные методы. Методы анализа и синтеза позволили изучить элементы исследуемых явлений и выявить их взаимосвязи (например, при рассмотрении элементов состава международного правонарушения). Основы представлений о функциях ответственности даны посредством применения функционального метода. Системный метод применялся при исследовании видов и форм ответственности в международном праве, а дескриптивный метод лег в основу дефиниций ключевых понятий, требующих раскрытия содержания и сущности описываемых и определяемых понятий. Формально-юридический и логический методы использовались в процессе проведения исследования как базовые методы, востребованные в любых работах правовой тематики в целом и международно-правовой в частности.

Основная часть

Ключевой характеристикой ответственности в международном праве является ее публично-правовой характер. Международно-правовая ответственность, обладая немалым сходством с юридической ответственностью

как таковой, является весьма специфичной, что необходимо учитывать при исследовании института ответственности. Так, например, в международном праве отсутствует исчерпывающий перечень международных правонарушений. Однако, поскольку они различаются по своей направленности и степени опасности, в доктрине международного права [1] сложилось разграничение международных правонарушений на две большие группы: простые (ординарные) международные правонарушения и международные преступления. Наибольшую опасность представляют именно международные преступления, юридическими основаниями ответственности за которые являются прежде всего международные конвенции [11].

В международном праве установление ответственности конкретного субъекта зависит от наличия в его поведении совокупности элементов, образующих *состав международного правонарушения*:

1. *Противоправность деяния.* Она проявляется в несоответствии поведения субъекта его международным обязательствам. Противоправное поведение может быть направлено на различные объекты: определенные материальные и нематериальные блага, законные права и интересы, к достижению и защите которых стремятся субъекты [2, с. 393–394]; наиболее значимыми и существенными, разумеется, являются мир и безопасность [3, с. 93], суверенитет, права человека, здоровая окружающая среда и др.

2. *Причиненный ущерб.* Различия в характере причиненного ущерба позволяют выделить следующие виды ущерба:

1) материальный ущерб — разного рода имущественные потери; материальный ущерб, в свою очередь, можно подразделить на:

– действительный материальный ущерб (когда в результате международного правонарушения утрачены или повреждены какие-либо объекты материального мира);
– упущенная выгода (когда утрачена возможность извлечь определенные экономические выгоды и полезные свойства материального объекта в будущем);

2) нематериальный (политический) ущерб — разного рода ущемления прав и законных интересов субъектов в сфере политики и дипломатии, включая ущемление чести, достоинства, международного авторитета;

3) ущерб в смешанной форме (когда присутствуют признаки и материального, и политического ущерба).

Именно наличие ущерба придает конкретному субъекту статус потерпевшего.

3. *Причинная связь между противоправным поведением государства и причиненным ущербом.* Такая связь есть непременное условие установления ответственности субъекта за причинение конкретного ущерба.

Обращаем внимание, что в числе необходимых элементов международного правонарушения не была указана вина. *Проблема вины* государства традиционно является дискуссионной в науке международного права, что отчасти связано

с вопросом определения волевой причастности государства к совершаемым деяниям и причиняемому ущербу. В современном международном праве, в том числе и в доктрине, сложилось признание объективной ответственности.

Эта тема широко обсуждается не только в российской науке международного права, но и в зарубежной. Так, например, в работах французского юриста-международника А. Пелле мы обнаруживаем рассуждения о том, что до тех пор, пока ущерб играл центральную роль в установлении момента возникновения международной ответственности, единство понятия было гарантировано или, по крайней мере, оправданно. Независимо от того, обсуждается ли ответственность за правонарушения или ответственность за вредные последствия правомерной деятельности, ущерб остается центральным условием установления ответственности. Цель в любом случае состоит в обеспечении возмещения ущерба, и неважно, является ущерб результатом нарушения обязательства или же деятельности, связанной с риском. Исключение ущерба в качестве условия ответственности государств за противоправные деяния, по мнению А. Пелле, разрушило бы это единство. В случае ответственности в результате нарушения международного обязательства ущерб является лишь фактором, имеющим отношение к определенным новым отношениям, которые возникают в результате принятия на себя ответственности, в частности обязательства по возмещению ущерба [14, с. 11].

Ответственность в международном праве реализуется в конкретных видах и формах [7]. При этом виды ответственности — понятие более широкое, а формы — более узкое. *Видами* ответственности являются: *материальная* ответственность — негативные последствия материального, в том числе финансового, характера, которые должен претерпеть субъект международного права, причинивший имущественный ущерб другому субъекту, и *политическая (нематериальная)* ответственность — негативные последствия политического (прежде всего, внешнеполитического) характера, которые должен претерпеть субъект международного права, причинивший политический ущерб другому субъекту.

Однако необходимо оговорить, что здесь не всегда есть абсолютно строгое соответствие, например материальный ущерб может повлечь не только материальную, но и политическую ответственность. Так, в случае, когда нанесен ущерб какому-либо имуществу, используемому для целей посольств или консульств, и когда конкретный способ причинения ущерба носит оскорбительный, вызывающий характер, можно ставить вопрос не только о материальном возмещении, но и о необходимости политического удовлетворения нематериальных требований государства-потерпевшего (например, принесение официальных извинений в порядке сатисфакции). На практике реализация ответственности публично-правовых субъектов сопряжена с рядом трудностей, причем не столько юридических, сколько политических.

Виды ответственности могут выражаться в различных формах. Формы ответственности должны рассматриваться через призму функций ответственности как таковой. Уточним, что к функциям ответственности относятся

следующие: превентивная (предупредительная), обеспечительная и компенсационная (восстановительная).

Материальная ответственность выражается прежде всего в обязанности возместить причиненный материальный ущерб [10, с. 11–20]. Принято считать, что материальная ответственность реализуется более эффективно, нежели ответственность политическая. Основными формами материальной ответственности являются компенсация, репарации, чрезвычайные репарации, реституция, субституция.

Традиционно самой распространенной формой является компенсация, т. е. денежное возмещение любого, оценимого в финансовом отношении, ущерба.

Репарация как форма ответственности предполагает возмещение в натуральной или денежной форме материального ущерба, являющегося результатом акта агрессии. *Чрезвычайная репарация* представляет собой ограничение права распоряжаться материальными ресурсами, направленное на обеспечение максимально возможного возмещения материального ущерба и исключение материальных, в том числе военно-технических, факторов, которые способствовали совершению международного преступления.

Реституция — это восстановление первоначального положения путем возврата в натуральной форме имущества, которое подверглось неправомерному захвату, изъятию, перемещению. На практике далеко не всегда можно реально осуществить реституцию, поэтому применяется такая форма, как *субституция* — передача предметов, сходных с утраченными по каким-либо признакам и характеристикам или равноценных им по стоимости.

Стоит отметить, что, согласно А. Пелле, объективизация ответственности, являющейся результатом исключения ущерба в качестве предварительного условия ответственности, лежит в основе трансформации функции, каковую ответственность призвана выполнять в международном обществе, которое имеет менее чисто межгосударственный характер и является более интегрированным, чем это было раньше. Право международной ответственности дистанцировалось от модели частноправовой ответственности, которая ранее во многом характеризовала его, и больше не играет роль исключительно компенсационного механизма, которой оно долгое время ограничивалось. Многие положения Проекта статей об ответственности государств отразили эту «новую функцию», независимо от того, связана ли она с продолжающейся обязанностью выполнять нарушенное обязательство, обязательство ответственного государства прекратить противоправное деяние и при необходимости предоставить гарантии и заверения в его неповторении или возможность, открытую для других государств, помимо потерпевшего государства, ссылаться в определенных пределах на ответственность, вытекающую из нарушения норм [14, с. 15].

Формами *политической ответственности* выступают сатисфакции, чрезвычайные сатисфакции, репрессалии, реторсии, реставрация, непризнание.

Сатисфакции представляют собой восстановление нематериального ущерба путем удовлетворения политических претензий государства-потерпевшего. Сатисфакции могут выражаться в публичном и официальном принесении извинений, а также высказывании сожаления и сочувствия, в заверениях, что подобное не повторится в будущем, в оказании особых почестей государству-потерпевшему. Однако сатисфакции должны быть пропорциональны вызвавшему их ущербу и не могут принимать форму, унизительную для государства-правонарушителя. В особых случаях могут быть необходимы *чрезвычайные сатисфакции*, т. е. ограничения правоспособности и суверенитета, временно налагаемые на государство, совершившее международное преступление. Подобные ограничения могут выражаться в приостановлении или ограничении полномочий отдельных органов или их реорганизации.

Репрессалии — принудительные меры, применяемые в качестве ответа на совершенное международное правонарушение и ограничивающие права государства-нарушителя. Репрессалии выражаются в разнообразных мерах экономического или политического характера, это могут быть эмбарго, бойкоты, приостановление или прекращение членства в международной организации, прекращение участия в международном договоре и т. п. Реторсии — ответные принудительные действия государства, являющиеся реакцией на недружественный акт и дискриминационные меры со стороны другого государства. Названные меры всегда носят ответный характер и являются в современных условиях наиболее распространенной формой реализации политической ответственности.

Реставрация представляет собой осуществление государством-правонарушителем действий, направленных на восстановление прежнего состояния материальных объектов, которым был нанесен ущерб. И хотя эта форма ответственности предполагает восстановление прежнего состояния материальных объектов, в международном праве ее традиционно рассматривают в ряду политических форм, в связи с особенностями ее реализации.

Весьма интересной формой является *непризнание*, выражающееся в публичном отказе признавать ситуацию, созданную, с позиции «непризнающего», неправомерными действиями и/или решениями. Например, это может быть непризнание юридической силы договоров, заключенных с пороками воли, непризнание решений, принимаемых представителями «нелегитимной власти» и т. п.

Комиссией международного права ООН еще в конце 1990-х годов отмечалось, что в современном международном праве существует класс международных обязательств, столь необходимых для защиты фундаментальных интересов международного сообщества, что их нарушение влечет за собой режим ответственности при отягчающих обстоятельствах, уголовно наказуемые элементы которой, безусловно, более очевидны, чем в случае с традиционно понимаемой ответственностью, которую несут государства в результате простого правонарушения. Однако, как пишет А. Пелле, этих элементов недостаточно

ни для изменения характера международной ответственности в целом, ни даже для вывода о том, что режим ответственности при отягчающих обстоятельствах действительно носит уголовный характер. В целом в зарубежной правовой доктрине с конца XX века обсуждается вопрос о необходимости большей фрагментации международной ответственности [14, с. 12, 14].

Еще в XX веке в международном политико-правовом контексте серьезный резонанс получило понятие «санкция». В юридической литературе существует множество вариантов определения данного понятия [5, с. 133–200], однако в целом под *санкциями* принято понимать различного рода принудительные меры коллективного или индивидуального характера, применяемые в отношении субъектов, чьи деяния рассматриваются международным сообществом или отдельными государствами как международные правонарушения. Весьма распространенными стали коллективные санкции, применяемые от имени международных организаций. Сложность в понимании и правовой оценке санкций состоит в том, что зачастую их направленность, объем, длительность и интенсивность применения зависят не только от характера причиненного ущерба, но и от конкретной политической ситуации. Кроме того, далеко не все меры, предпринимаемые отдельными субъектами международного права, могут трактоваться как санкции в международно-правовом понимании (это относится, в частности, к различным ограничительным мерам по отношению к общественным деятелям, представителям бизнеса, спортсменам, деятелям культуры). В международном общественно-политическом обороте происходит некоторое размытие правовых понятий, наблюдается неточность их употребления и трактовки применительно к отдельным правовым ситуациям и явлениям политико-правового свойства, что требует внимания со стороны научного юридического сообщества.

Заключение

При всех различиях в видах и формах ответственности за международные правонарушения общим является обязанность правонарушителя претерпеть негативные последствия, совершив требуемые действия в пользу потерпевшего. Негативные последствия для правонарушителя, являясь, по сути, ядром реализации ответственности, никогда не были ее основной целью, и главным при разработке норм в области международно-правовой ответственности всегда было стремление сохранить, поддержать и при необходимости восстановить сложившийся правопорядок.

При этом в процессе квалификации деяния субъекта необходимо учитывать обстоятельства (в случае их наличия), исключающие противоправность деяния, а потому освобождающие субъекта от ответственности. При этом *обстоятельства, исключающие противоправность*, неодинаковы по своей природе, некоторые из них можно охарактеризовать как обстоятельства

субъективного характера (таковыми являются согласие, самооборона, контрмеры), представляющие собой определенное волевое действие государства в лице его официальных представителей, другие — как обстоятельства объективного характера, т. е. не зависящие от его воли (таковыми являются форс-мажор, бедствие, состояние необходимости).

В целом убеждены, что весьма важно глубокое, всестороннее и объективное рассмотрение вопросов ответственности в научно-теоретическом плане. Без должного внимания к теоретическим основам невозможно эффективное решение проблем, существующих в практической сфере.

Литература

1. Вертлиб Ф. О. Некоторые вопросы доктрины международного права об ответственности государств // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 3. С. 5–9.

2. Дорская А. А. Роль международного права в конструировании социокультурного пространства: социальные травмы и международно-правовое регулирование // Российское и международное право: общее и особенное: материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти профессора Ф. М. Рудинского (Москва, 17 апреля 2019 г.). М.: Белый ветер, 2019. С. 391–396.

3. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Историческая память как объект международно-правового и национального регулирования // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2 (99). С. 85–96.

4. Институт ответственности в международном праве / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017. 300 с.

5. Кешнер М. В. Право международной ответственности. М.: Проспект, 2017. 240 с.

6. Коновалова Е. А. Ответственность государств за нарушение норм международного права // Эпомен. 2021. № 64. С. 144–151.

7. Косарева В. В. Виды и формы международной ответственности государства за нарушения международного права // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 1. С. 68–71.

8. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М.: Международные отношения, 1966. 152 с.

9. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 432 с.

10. Мальцев В. А. Материальная ответственность государства и ее основные формы в международном праве // Вестник ЮИ МИИТ. 2020. № 1 (29). С. 11–20.

11. Тимашева Е. В. Основания международно-правовой ответственности государств в международном праве // Энигма. 2019. № 8–1. С. 276–282.

12. Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Юридическая литература, 1970. 511 с.

13. Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М.: Международные отношения, 1983. 184 с.

14. Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law // The Law of International Responsibility / ed. by J. Crawford, A. Pellet. New York: Oxford UP, 2010. P. 3–16.

Literatura

1. Vertlib F. O. Nekotory`e voprosy` doktriny` mezhdunarodnogo prava ob otvetstvennosti gosudarstv // Mezhdunarodny`j zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava. 2019. № 3. S. 5–9.

2. Dorskaya A. A. Rol` mezhdunarodnogo prava v konstruirovanii sociokul`turnogo prostranstva: social`ny`e travmy` i mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie // Rossijskoe i mezhdunarodnoe pravo: obshhee i osobennoe: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamyati professora F. M. Rudinskogo (Moskva, 17 aprelya 2019 g.). M.: Bely`j veter, 2019. S. 391–396.

3. Dorskaya A. A., Dorskij A. Yu. Istoricheskaya pamyat` kak ob``ekt mezhdunarodno-pravovogo i nacional`nogo regulirovaniya // Vestnik RFFI. Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki. 2020. № 2 (99). S. 85–96.

4. Institut otvetstvennosti v mezhdunarodnom prave / pod obshh. red. R. L. Xachaturova. M.: Yurlitinform, 2017. 300 s.

5. Keshner M. V. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti. M.: Prospekt, 2017. 240 s.

6. Konovalova E. A. Otvetstvennost` gosudarstv za narushenie norm mezhdunarodnogo prava // E`pomen. 2021. № 64. S. 144–151.

7. Kosareva V. V. Vidy` i formy` mezhdunarodnoj otvetstvennosti gosudarstva za narusheniya mezhdunarodnogo prava // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2021. № 1. S. 68–71.

8. Levin D. B. Otvetstvennost` gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1966. 152 s.

9. Lukashuk I. I. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti. M.: Volters Kluver, 2004. 432 s.

10. Mal`cev V. A. Material`naya otvetstvennost` gosudarstva i ee osnovny`e formy` v mezhdunarodnom prave // Vestnik YuI MIIT. 2020. № 1 (29). S. 11–20.

11. Timasheva E. V. Osnovaniya mezhdunarodno-pravovoj otvetstvennosti gosudarstv v mezhdunarodnom prave // E`nigma. 2019. № 8-1. S. 276–282.

12. Tunkin G. I. Teoriya mezhdunarodnogo prava. M.: Yuridicheskaya literatura, 1970. 511 s.

13. Ushakov N. A. Osnovaniya mezhdunarodnoj otvetstvennosti gosudarstv. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1983. 184 c.

14. Pellet A. The Definition of Responsibility in International Law // The Law of International Responsibility / ed. by J. Crawford, A. Pellet. New York: Oxford UP, 2010. P. 3–16.

Статья поступила в редакцию: 07.06.2022;
одобрена после рецензирования: 23.06.2022;
принята к публикации: 25.06.2022.

The article was submitted: 07.06.2022;
approved after reviewing: 23.06.2022;
accepted for publication: 25.06.2022.

Образовательное право | Educational Law

УДК 343.83+159.9.07
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.09

Е. М. Федорова

Государственный университет правосудия,
Москва, Российская Федерация
E-mail: katifedor@yandex.ru

Ю. В. Гаврилова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
E-mail: GavrilovaUV@mgpu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Цель данной работы — рассмотреть особенности формирования профессиональной идентичности в процессе адаптации студентов к образовательной среде в системе организаций высшего образования юридического профиля.

Методы: в процессе исследования использован мультимодальный подход, включающий как традиционные теоретические, эмпирические и интерпретационно-описательные методы и методики научного исследования (наблюдение, опрос, тестирование, методы математической статистики и др.), так и современные образовательные методики и интерактивные формы обучения (деловые игры, тренинги, квесты и др.).

Исследование проводилось в течение ряда лет в образовательных организациях высшего образования юридического профиля, в том числе в Российском государственном университете правосудия, ведомственных образовательных организациях ФСИН России.

Результаты: разработан и успешно внедрен в образовательный процесс ряда образовательных организаций юридического профиля тренинг формирования профессиональной идентичности, а также другие интерактивные формы обучения, способствующие эффективной адаптации студентов к образовательной среде вуза.

© Федорова Е. М., Гаврилова Ю. В., 2022

Заключение: проведение целенаправленных мероприятий по формированию профессиональной идентичности в образовательной организации высшего образования юридического профиля, включающих современные образовательные методики и интерактивные формы обучения (деловые игры, тренинги, квесты и др.), позволит студентам более успешно адаптироваться не только к образовательной среде вуза, что особенно важно на первом году обучения, но и в дальнейшем к профессиональной деятельности, профессиональному сообществу в целом.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; адаптация; мультимодальный подход; интерактивные формы обучения; тренинг; квест; образовательные организации юридического профиля.

UDC 343.83+159.9.07
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.09

E. M. Fyodorova
Russian State University of Justice,
Moscow, Russian Federation
E-mail: katifedor@yandex.ru

Yu. V. Gavrilova
Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: GavrilovaUV@mgpu.ru

Formation of Professional Identity of Students in the Specialty "Jurisprudence" in Educational Institutions of Higher Education

Abstract. The purpose of this work is to consider the features of the professional identity formation in the process of students' adaptation to the educational environment in the system of organizations of higher education of a legal profile.

Methods. In the process of research, a multimodal approach was used, including both traditional theoretical, empirical and interpretive and descriptive methods and methods of scientific research (observation, questioning, testing, methods of mathematical statistics, etc.), and modern educational methods and interactive forms of learning (business games, trainings, quests, etc.).

The study was conducted in educational institutions of higher legal education, including the Russian State University of Justice, departmental educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia over some years.

Results. Training for the formation of professional identity was developed and successfully introduced into the educational process of a number of educational organizations of a legal profile, as well as other interactive forms of education that contribute to the effective adaptation of students to the educational environment of the university.

Conclusion. Carrying out targeted activities to form a professional identity in an educational organization of higher education in a legal profile, including modern educational methods and interactive forms of learning (business games, trainings, quests, etc.), will allow students to adapt more successfully not only to the educational environment

of the university, which is especially important in the first year of study, but also to professional activities, to the professional community as a whole in future.

Keywords: professional identity; adaptation; multimodal approach; interactive forms of education; training; quest; legal educational organizations.

Введение

В число основных задач образовательных организаций высшего образования, обучающих по специальности «Юриспруденция», входит подготовка квалифицированных специалистов, образованных не только в юридической сфере, но и в широком смысле этого слова; обладающих морально-нравственными качествами, соответствующими требованиям современного общества, а также личностной и гражданской зрелостью. В связи с этим ведется постоянная работа по совершенствованию структуры и содержания образовательного процесса в русле современных инновационных подходов к организации образовательной среды и деятельности.

Актуальной проблемой является формирование профессиональной идентичности в процессе адаптации студентов к образовательной среде вуза, особенно на первых этапах обучения. Недостаточная психологическая готовность к образовательному процессу (по различным причинам, например, имеет место психологическая незрелость, низкий уровень когнитивных и иных способностей и т. п.) может привести к неудовлетворительным результатам в обучении, а в дальнейшем, возможно, — и в непосредственной профессиональной деятельности специалиста, что может сопровождаться неудовлетворенностью своим делом, межличностными конфликтами в рабочих коллективах, развитием профессиональных деформаций, а в крайних случаях способно привести к нарушениям законности и иным деструктивным явлениям. В результате этого в организации формируется негативный социально-психологический климат и нестабильная кадровая ситуация.

Основная часть

В связи с вышесказанным целенаправленному формированию профессиональной идентичности в процессе адаптации студентов — будущих юристов — должно уделяться особое внимание. Психологи, обеспечивающие сопровождение образовательного процесса, отмечают, что трудности адаптации чаще всего возникают у студентов в начале своего обучения [12]. Обращаясь за психологической помощью, они нередко жалуются на сложности в общении с однокурсниками, агрессию по отношению к ним, выраженную в разных формах, тоску по дому, депрессию и др. Отметим, что такие психические состояния у некоторых студентов могут сохраняться и на более поздних сроках обучения, что свидетельствует о низкой адаптации к образовательной среде и необходимости психологической и социальной помощи. Нужно сказать, что такие дезадаптивные состояния часто актуализируются внешними

негативными факторами, например неблагоприятным социально-психологическим климатом в отдельной студенческой группе или образовательной организации в целом, а также индивидуальными (семейными или иными) ситуациями и личностными особенностями конкретного студента.

Если процесс формирования профессиональной идентичности студентов в образовательной организации проходит проблематично, то с большой долей вероятности эти молодые люди либо будут иметь проблемы с адаптацией по месту работы в первый год после окончания вуза (первичный кризис профессиональной адаптации), либо могут принять решение вообще не связывать свою жизнь с профессией юриста. Ряд исследований, проводившихся, в частности, в НИИ ФСИН России в 2014–2018 годах показал, что отток сотрудников в течение первого-второго года службы достигал в некоторые периоды 20–24 %. Кризис профессиональной адаптации на первом-втором году службы в органах и учреждениях ФСИН России испытывали большинство молодых сотрудников, в том числе получивших специализированное юридическое, практико-ориентированное образование в ведомственном вузе [2, с. 11], поэтому формирование профессиональной идентичности еще в процессе получения юридического образования столь важно.

Говоря о формировании профессиональной идентичности, нужно отметить, что различные аспекты этой проблемы исследовали в своих работах такие ученые, как А. А. Аксенов, Б. Г. Бовин, Т. М. Буякас, Н. Н. Егорова, Е. П. Ермолаева, Э. Ф. Зеер, Е. А. Климов, М. С. Коданева, Е. Н. Осин, Н. С. Пряжников, Ю. П. Поваренков, А. М. Рикель, С. Н. Старостин, Э. Э. Сыманюк, А. Р. Фонарев, Л. Б. Шнейдер и др. Процесс формирования и развития профессиональной идентичности обычно рассматривают в контексте исследования особенностей профессионального самоопределения и различных этапов профессионализации. Профессиональное самоопределение предшествует профессиональной идентичности и заключается, по мнению ряда исследователей, в первую очередь в нахождении смысловой, экзистенциальной наполненности выполняемой работы [1; 7; 11].

По мнению Е. Г. Ефремова, «профессиональная идентификация личности — это процесс самоотождествления и отождествления себя с другими представителями профессиональной среды (реальными и идеальными), на основании устоявшейся эмоциональной связи и обеспечивающей стабилизацию профессиональной деятельности и профессиональное развитие»[1] [1, с. 131–141]. Таким образом, профессиональную идентичность можно определить как результат процесса идентификации, одну из важнейших составляющих профессиональной Я-концепции личности. Процессом, противоположным профессиональной идентификации, является профессиональное отчуждение, при котором нарушается профессиональная идентичность, теряются смыслы

[1] Ефремов Е. Г. К определению понятия «профессиональное самосознание» // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 117.

профессиональной деятельности, возникают отстраненность, непричастность, ощущение непринадлежности к профессиональной среде, деятельности, культуре, конкретному профессиональному сообществу.

Ю. П. Поваренков отмечает в своих работах, что профессиональная идентичность является достаточно противоречивой личностной характеристикой, которая на различных этапах развития специалиста может активно менять свои основные параметры [7]. Так, человек может принимать себя как профессионала, но при этом сомневаться или отвергать смыслы, идеалы и ценности, которые предлагает ему профессиональное сообщество. Или, например, принимая, соглашаясь с профессиональными идеалами и ценностями, человек может быть неудовлетворен условиями труда или самим содержанием профессиональной деятельности. Часто такие противоречия наблюдаются, по мнению Ю. П. Поваренкова, именно на начальных стадиях профессиональной идентификации.

Глубоко исследовав данную тему, Л. Б. Шнейдер пишет, что профессиональная идентичность — это «объективное и субъективное единство с делом, профессиональной группой, обусловливающее преемственность профессиональных характеристик личности (статусов, ролей, норм и др.)» [11, с. 60–62]. Она считает, что профессиональная идентичность является результатом достаточно длительного личностного и профессионального развития, не всегда проявляющегося на ранних его этапах; соответственно, студенты-первокурсники только начинают этот путь и профессиональная направленность личности в этот период не может характеризоваться высоким уровнем профессиональной идентичности. Хотя возможны исключения, когда, например, студент продолжает семейные традиции, профессиональную династию, ранее получил среднее специальное образование и/или имеет опыт работы в соответствующей сфере (по трудовому договору или на общественных началах). Процесс профессиональной идентификации реализуется на основе целенаправленной активности личности, формируется и развивается в ходе практико-ориентированной учебной деятельности, целенаправленного воспитательного процесса и в дальнейшем в активной ответственной профессиональной деятельности.

По результатам анализа данных, полученных методом опроса студентов, обучавшихся в образовательных организациях высшего образования ФСИН России, для непрофессионала (специалиста с несформированной профессиональной идентичностью) часто характерны такие черты, как непонимание своего дела, предвзятость, неэтичность, меркантильность, неуверенность, несдержанность, пассивность, безинициативность, нежелание профессионально развиваться; для неуспешного специалиста — безответственность, комформность, эгоцентризм, безразличие к делу. Отмечено, что своеобразное отчуждение от профессии у студентов образовательных организаций ФСИН России так же может быть вызвано расхождением ожиданий, имевшихся в начале обучения, и реальных перспектив в своей будущей профессиональной деятельности, осознанных в ходе образовательного процесса [6, с. 148–151].

Таким образом, профессиональная идентичность — это характеристика сложившегося психологического соответствия и устойчивого самоотождествления специалиста с профессией и организацией (подразделением), в которой он осуществляет свою деятельность, осознание основных профессиональных и организационных целей и задач как своих собственных, принятие норм и традиций профессиональной среды и культуры. Модель профессионального образования, ориентированная на достижение таких результатов, проектируется как многоуровневая система когнитивного развития личности [8, с. 117].

Как мы уже говорили, профессиональным отчуждением называют процесс или состояние, противоположное профессиональной идентичности/идентификации. Ряд специалистов считают это явление деструкцией профессиональной направленности личности (Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк и др.), которая, в свою очередь, характеризуется обособлением профессиональных характеристик личности, позицией непричастности к профессии, делу, профессиональной культуре, сообществу; непринадлежности к моральным устоям, традициям, идеалам и ценностям, нормам, правилам и другим компонентам конкретной профессиональной системы. Как следствие, деструктивные изменения могут развиваться в разных составляющих профессиональной Я-концепции специалиста: направленности, компетентности, профессионально важных качествах, значимых для профессиональной деятельности и др. [5, с. 42–43]. При этом профессиональное отчуждение в той или иной степени может быть формой защитных механизмов психики в процессе адаптации, например к неблагоприятным условиям профессиональной деятельности [11, с. 192–193].

Одним из основных критериев продуктивности профессионального становления и формирования профессиональной идентичности личности является ее способность самостоятельно, ответственно планировать и реализовывать свою профессиональную жизнь, принимать решения, касающиеся выбора специальности, места профессионального обучения и работы. Специалисты с достаточно высоким уровнем профессиональной идентичности в большей степени ориентируются на эффективное решение профессиональных вопросов, проблем, качественное выполнение работы, сотрудничество с членами профессиональной группы, в интересах дела способны проявлять активность, отстаивать личное мнение, если это приведет к достижению общей цели. Сотрудники с признаками профессионального отчуждения меньше заинтересованы в эффективном решении профессиональных вопросов, плохо идут на деловое сотрудничество; в своей профессиональной деятельности меньше проявляют инициативность и активность; ориентированы на вознаграждение независимо от результатов работы; часто не удовлетворены условиями труда, руководством, окружением; ощущают недостаточную степень контроля в профессиональной деятельности и в жизни в целом, проявляют низкий уровень ответственности [5, с. 52–57]. Профессиональное отчуждение также может характеризоваться чрезмерной (эгоцентричной) направленностью специалиста на себя, на цели, не связанные с профессиональной деятельностью;

проявлением различной степени автономности, аномии, апатии, разочарования, приводящих в результате к разрушению базовых элементов личной и профессиональной культуры, относящихся в первую очередь к социальным предписаниям и запретам, этическим нормам. Профилактика таких деструктивных состояний особенно значима в контексте профессиональной подготовки будущих юристов, подразумевающей формирование высокого уровня как профессионально значимых, так и морально-этических личных качеств студентов.

В НИИ ФСИН России в 2014–2018 годах было проведено масштабное исследование проблем формирования профессиональной идентичности и профилактики профессионального отчуждения, в том числе у студентов ведомственных образовательных организаций. В результате была разработана комплексная интегративная программа профилактики профессионального отчуждения, которая включает психодиагностический, психопрофилактический и психокоррекционный блоки и предлагает для решения современные эффективные методы, в том числе тренинг формирования профессиональной идентичности [10, с. 90–98]. Программа тренинга рассчитана на шесть интегративных занятий. В процессе тренинга используется мультимодальный подход, включающий как традиционные, так и современные инновационные и образовательные методики и интерактивные формы обучения, реализующие комплексное воздействие на студента, формирующие его профессиональную направленность, смысловую и деятельностную сферы личности. В программу включены лекции-беседы, семинарские занятия, круглые столы, деловые игры, квесты, методы игровой и арт-терапии, иные практики, которые ставят своими задачами развитие коммуникативных навыков, саморегуляции, формирование уверенности в себе, создание образа успешного профессионала и своего профессионального будущего и др. Методические рекомендации, включающие программу профилактики профессионального отчуждения, внедрены в образовательный процесс всех ведомственных вузов и деятельность психологической службы уголовно-исполнительной системы [9].

В процессе апробации программы в группах студентов ведомственных вузов осуществлялась психодиагностика степени сформированности профессиональной идентичности. Для этого использовались опросники «Изучение профессиональной идентичности» (Н. Н. Егорова) и «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (К. Маслач, С. Джексон), тест субъективного отчуждения (Е. Н. Осин), методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана и др.

В рамках тренинговых занятий в студенческих группах активизировался процесс концентрации внимания на профессиональной Я-концепции участников, своего профессионального Я-образа, сравнения его с идеальным профессиональным образом юриста, построенным на основе анализа профессионально важных качеств, анализа возможной коррекции качеств личности или форм поведения, мешающих формированию позитивного профессионального Я-образа. Этот процесс инициировал у студентов желание понять

себя и развиваться дальше в профессиональном и личностном планах, ставить учебные и профессиональные цели и успешно достигать их.

Важно отметить, что трансформация профессиональной Я-концепции студентов в ходе тренинга наиболее успешно происходит под воздействием таких факторов, как: осознавание своих потребностей и реальных возможностей, профессиональных идеалов, интересов и ценностей; создание позитивных образов и перспектив профессионального будущего, постановка целей для поддержания и развития этих образов и др. Повышению уровня устойчивости и адекватности профессиональной идентичности также способствует взаимодействие с преподавателями, имеющими позитивный профессиональный практический опыт и сформированную профессиональную идентичность. Такое взаимодействие может осуществляться как непосредственно, так и опосредованно в процессе реализации различных форм образовательного процесса.

В настоящее время программа тренинга формирования профессиональной идентичности целиком и ее отдельные элементы в модифицированном виде успешно применяются для создания благоприятной образовательной среды, эффективной адаптации и формирования профессиональной идентичности студентов ряда ведомственных и гражданских образовательных организаций юридического профиля, в частности в Российском государственном университете правосудия, в том числе в рамках преподавания дисциплин «Психология профессиональной деятельности», «Профессиональная этика» и др. [3; 4], а также в государственных и коммерческих социальных центрах помощи населению. Отдельные методики применяются при оказании индивидуальной психологической и социальной помощи студентам в процессе их адаптации к образовательной среде вуза.

Важное значение при формировании профессиональной идентичности студентов придается именно работе в группах. Исследования подтверждают, что убеждения, которые были приобретены в групповых взаимодействиях, более устойчивы к воздействию неблагоприятных внешних и внутренних факторов. Именно группа студентов, которые близки по возрасту и совместно решают множество разных по своему уровню сложности задач, становится такой средой, в которой развивается и продуктивно реализуется активное, инициативное поведение во всей образовательной среде. Совместная деятельность в группе формирует условия, когда интегративно взаимосвязаны обучение, игра, воспитание, общение. В условиях деятельности учебной или тренинговой группы полноценно, многогранно раскрываются и реализуются все сферы личности студента (когнитивная, эмоциональная, волевая). Неслучайно, учебно-методические материалы, разрабатываемые преподавателями в рамках проекта «Школа права» (shkolaprava.ru), реализуемого Институтом права и управления МГПУ, направлены на использование такого формата интерактивных занятий, который включает групповую работу, затрагивает аксиологический компонент образования, его воспитательный характер, предполагает использование методик игрового обучения, кейсового анализа правовых ситуаций,

аналитическую работу с правовыми документами и т. д. Значимость совместной групповой деятельности, творческого и рефлексивного характера учебных действий предопределяет высокий дидактический потенциал занятий, проводимых в рамках проекта, которые позволяют не только обеспечивать формирование правовой грамотности, развивать когнитивные способности обучающихся, но и в процессе командной работы, выступления в разных ролях сформировать и развить те компетенции, которые необходимы для становления и формирования профессиональной идентичности будущего юриста.

Заключение

Формирование профессиональной идентичности студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» в образовательных организациях высшего образования, осуществляется непосредственно и опосредованно в групповых и индивидуальных формах через разные формы образовательной деятельности, познавательную активность, творчество, общение, а также с помощью конструирования профессиональных ситуаций в рамках теоретической и практической деятельности; путем целенаправленного моделирования образов будущей профессиональной деятельности, себя как профессионала; в процессе самоорганизации и самообразования через усвоение профессиональных идеалов, ценностей, ритуалов. Условиями, способствующими формированию профессиональной идентичности студентов, выступают практические профессиональные взаимодействия, глубокое включение в освоение специальности, постоянный опыт самостоятельной деятельности; общественно одобряемое активное, инициативное поведение; диалогический подход во взаимодействии студентов и профессорско-преподавательского состава, который обеспечивает передачу личного, профессионального, эмоционально-ценностного опыта; а также в целом создание благоприятного социально-психологического климата в образовательной организации.

Таким образом, можно подытожить, что целенаправленное проведение мероприятий по формированию профессиональной идентичности в образовательной организации высшего образования, обучающей по специальности «Юриспруденция», включающее современные образовательные методики и интерактивные формы обучения (круглые столы, деловые игры, тренинги, квесты и др.), позволит студентам более успешно адаптироваться не только к образовательной среде вуза, но и в дальнейшем к профессиональной деятельности, в целом к работе в юридическом профессиональном сообществе.

Литература

1. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

2. Абатуров А. И. Формирование профессиональной и организационной идентичности сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе профессионального образования: учебно-методическое пособие / А. И. Абатуров [и др.]; ФКУ НИИ ФСИН России, ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2015. 108 с.

3. Бурдина Е. В. Морально-этический статус судьи: понятие, структура и содержание // Российское правосудие. 2019. № 5. С. 14–32.

4. Бурдина Е. В. Стандарты этического поведения судей в современной концепции судебной власти // Российское правосудие. 2018. Спецвыпуск. С. 30–44.

5. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. 240 с.

6. Коданева М. С. Становление профессиональной идентичности психологов уголовно-исполнительной системы: дис. … канд. психол. наук. М., 2008. 268 с.

7. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 53–58.

8. Пономарев М. В. Когнитивная педагогика как фактор проектирования образовательных программ магистратуры // Школа будущего. 2018. № 2. С. 116–120.

9. Теория и практика психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы: методическое пособие / С. В. Кулакова [и др.]. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2014. 96 с.

10. Федорова Е. М. Профессиональное отчуждение сотрудников уголовно-исполнительной системы: монография. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2018. 144 с.

11. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2001. 233 с.

12. Чурилова И. А. Арт-терапевтические занятия с курсантами первого года обучения Академии ФСИН России как один из методов самодиагностики и профилактики негативных состояний личности // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 53–55.

Literatura

1. Antonova N. V. Problema lichnostnoj identichnosti v interpretacii sovremennogo psixoanaliza, interakcionizma i kognitivnoj psixologii // Voprosy` psixologii. 1996. № 1. S. 131–143.

2. Abaturov A. I. Formirovanie professional`noj i organizacionnoj identichnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel`noj sistemy` v processe professional`nogo obrazovaniya: uchebno-metodicheskoe posobie / A. I. Abaturov [i dr.]; FKU NII FSIN Rossii, FKU DPO Kirovskij IPKR FSIN Rossii. Tver`: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2015. 108 s.

3. Burdina E. V. Moral`no-e`ticheskij status sud`i: ponyatie, struktura i soderzhanie // Rossijskoe pravosudie. 2019. № 5. S. 14–32.

4. Burdina E. V. Standarty` e`ticheskogo povedeniya sudej v sovremennoj koncepcii sudebnoj vlasti // Rossijskoe pravosudie. 2018. Speczvy`pusk. S. 30–44.

5. Zeer E`. F., Sy`manyuk E`. E`. Psixologiya professional`ny`x destrukcij: uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2005. 240 s.

6. Kodaneva M. S. Stanovlenie professional`noj identichnosti psixologov ugolovno-ispolnitel`noj sistemy`: dis. … kand. psixol. nauk. M., 2008. 268 s.

7. Povarenkov Yu. P. Psixologicheskoe soderzhanie professional`noj identichnosti // Sibirskij psixologicheskij zhurnal. 2006. № 24. S. 53–58.

8. Ponomarev M.V. Kognitivnaya pedagogika kak faktor proektirovaniya obrazovatel`ny`x programm magistratury` // Shkola budushhego. 2018. № 2. S. 116–120.

9. Teoriya i praktika psixologicheskoj profilaktiki professional`nogo otchuzhdeniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel`noj sistemy`: metodicheskoe posobie / S. V. Kulakova [i dr.]. Tver`: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2014. 96 s.

10. Fedorova E. M. Professional`noe otchuzhdenie sotrudnikov ugolovno-ispolnitel`noj sistemy`: monografiya. Tver`: FKU NIIIT FSIN Rossii, 2018. 144 s.

11. Shnejder L. B. Professional`naya identichnost`: monografiya. M.: MOSU, 2001. 233 s.

12. Churilova I. A. Art-terapevticheskie zanyatiya s kursantami pervogo goda obucheniya Akademii FSIN Rossii kak odin iz metodov samodiagnostiki i profilaktiki negativny`x sostoyanij lichnosti // Ugolovno-ispolnitel`noe pravo. 2006. № 2. S. 53–55.

Статья поступила в редакцию: 07.06.2022;
одобрена после рецензирования: 23.06.2022;
принята к публикации: 25.06.2022.

The article was submitted: 07.06.2022;
approved after reviewing: 23.06.2022;
accepted for publication: 25.06.2022.

Трибуна молодых ученых | Tribune of Young Scientists

УДК 347.7
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.10

М. С. Подолянский

Финансовый университет при правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация
E-mail: mpodolianskii@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ СДЕЛОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы формирования понятия и признаков взаимосвязанных сделок в Российской Федерации. Предпринимаются попытки раскрыть правила особого порядка одобрения сделки, относящейся к взаимосвязанной, а также провести анализ и выработку признаков взаимосвязанных сделок. Рассматривается позиция высших судов, выразившаяся в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее — ПП ВС РФ № 27). Содержатся выводы о том, что современные критерии дают неполную характеристику взаимосвязанных сделок. Происходит поиск иных критериев, необходимых для признания сделок взаимосвязанными. Проанализирована судебная практика, подтверждающая основные признаки взаимосвязанных сделок. Изучены доктринальные определения взаимозависимых сделок и разработано предложение узаконить единое их понятие в гл. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и открытый перечень признаков, который смогут применять суды при решении споров.

Ключевые слова: взаимосвязанные сделки; крупная сделка; корпоративное право; российское законодательство; хозяйственная цель; текущие сделки; внутрикорпоративный контроль.

© Подолянский М. С., 2022

UDC 347.7
DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.10

M. S. Podolyansky
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
E-mail: mpodolianskii@gmail.com

The Concept and Features of Interconnected Transactions in the Russian Federation

Abstract. This article discusses the formation of the concept and signs of interrelated transactions in the Russian Federation (hereinafter referred to as the "RF"). An attempt to reveal the rules for a special procedure for approving a transaction related to an interconnected transaction is made, as well as the analysis and development of signs of interconnected transactions. The position of the higher courts is considered, expressed in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 26, 2018 № 27 "On contesting major transactions and transactions in which there is an interest" (hereinafter — "Regulation of the Armed Forces of the Russian Federation № 27"). Conclusions are drawn that modern criteria provide an incomplete description of interrelated transactions. There is search for other criteria necessary for recognizing transactions as interconnected. The jurisprudence confirming the main signs of interconnected transactions is analyzed. The doctrinal definitions of interdependent transactions have been studied and a proposal has been developed to legitimize a single concept in Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the "CC RF") and an open list of signs that courts can use in resolving disputes.

Keywords: related transactions; big deal; corporate law; Russian legislation; economic purpose; current transactions; internal corporate control.

Введение

Взаимосвязанные сделки представляют собой понятие корпоративного права, по поводу которого регулярно возникают споры в судебной практике. Данный факт связан с отсутствием конкретного легального определения таких сделок, а также критериев для установления наличия взаимной связи.

Легальное закрепление понятия «крупная сделка» содержится в ст. 78 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Данная норма определяет крупные сделки как «сделки (несколько взаимосвязанных сделок), выходящие за рамки обычной хозяйственной деятельности общества и которые связаны с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества, стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату»[1]. Вместе с тем законодатель закрепил

[1] Право. URL: https://pravo.ru/story/221888/ (дата обращения: 08.02.2022).

возможность проведения такой (крупной) сделки путем использования правил особого порядка одобрения[2]. Данный особый порядок выражается в условии, что при заключении крупной сделки она должна быть включена в информационные материалы с целью оповещения участников (акционеров) общества перед проведением общего собрания участников (далее — ОСУ) (акционеров) общества. На данном ОСУ участники (акционеры) принимают решение о согласии или об отсутствии согласия на совершение или последующее одобрение такой крупной сделки.

Схожие нормы также задекларированы в п. 1 ст. 46 Федерального закона РФ от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[3].

Следует обратить внимание на тот факт, что легальное понятие и признаки взаимосвязанных сделок отсутствуют в российском законодательстве. В связи с чем вопрос о признании каких-либо сделок взаимосвязанными между собой рассматривается судом отдельно для каждой конкретной ситуации.

Методы

Методологическую базу настоящей работы составляют общенаучные и специальные методы правового исследования.

Дескриптивный метод демонстрирует логику принятия решений юридическими лицами в процессе заключения взаимосвязанных сделок для нивелирования потенциальных негативных последствий в случае оспаривания таких сделок.

С помощью применения формально-юридического метода показана логика вынесения решений судами в делах по оспариванию сделок, относящихся к взаимосвязанным.

Методы анализа и синтеза позволили выявить общие и частные признаки сделок, относящихся к взаимосвязанным.

С помощью метода толкования права была предпринята попытка определить логику судов при принятии решений и применении тех или иных последствий к взаимосвязанным сделкам, а также логику выделения критериев относимости сделок к взаимосвязанным.

Основное исследование

26 июня 2018 года было принято Постановление Пленума Верховного суда РФ № 27. Пункт 14 данного постановления посвящен взаимосвязанности сделок. В нем рассматриваются такие признаки взаимосвязанности, как:

---

[2] Статья 79 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document / cons_doc_LAW_8743/90965b0101c23c44c dbcffd28579aca73663612f/ (дата обращения: 06.09.2022).

[3] СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 08.02.2022).

1) единая природа хозяйственной цели сделок, которая включает в себя общее хозяйственное назначение отчужденного (проданного, переданного во временное владение или переданного во временное пользование) имущества;

2) аккумулирование всего отчужденного (проданного, переданного во временное владение или переданного во временное пользование) по сделкам имущества у одного лица;

3) период между совершением нескольких сделок, который может охарактеризоваться в качестве незначительного[4].

В качестве иллюстрации рассмотрим применение данного разъяснения арбитражным судом Западно-Сибирского округа (далее — АСЗС) при рассмотрении дела о банкротстве «Водоканала» Осинниковского городского округа. В процессе конкурсный управляющий обратил внимание на необходимость признания недействительными зачеты встречных требований от Южно-Кузбасской ГРЭС (далее — ЮК) в 2018 году, суммы которых были от 1,8 до 3,3 миллиона рублей и в итоге составили 38,2 миллиона рублей. Он утверждал, что ЮК владели информацией о предбанкротном состоянии должника, но при этом приняли решение получить долги раньше иных кредиторов путем следования схеме, разработанной аффилированными лицами. По данным, предоставленным временным управляющим, общая стоимость активов «Водоканала» была равна 365 миллионам рублей. При этом сумма зачетов превысила 1 % от стоимости активов должника, а значит, они должны были рассматриваться как взаимосвязанные сделки[5].

Две инстанции при рассмотрении этого дела аргументы не приняли и не признали сделки взаимосвязанными. С учетом того, что каждый зачет рассматривался в отдельности, сделки также не были признаны крупными. В решениях судов сделки рассматривались в качестве обычных текущих сделок.

Управляющий с такими решениями не согласился и настаивал на обоснованности и важности своих подозрений[6]. Он подал жалобу в арбитражный суд, который счел его доводы о необходимости объединения зачетов убедительными. Обосновывая свое решение, суд сослался на п. 14 Постановления Пленума № 27, где говорится, что сделки связаны единой хозяйственной целью, а именно погашением задолженности за электроэнергию. Только с помощью общей суммы возможно установление превышения однопроцентного барьера

---

[4] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.06.2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301033/ (дата обращения: 09.02.2022).

[5] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.01.2021 г. № Ф04-6753/2019 по делу № А27-1310/2018 // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38201600/ (дата обращения: 09.02.2022).

[6] Ефименко Е. Пленум Верховного суда о крупных сделках: как его применяют на практике // Право. URL: https://pravo.ru/story/221888/ (дата обращения: 12.02.2022).

или же факта его отсутствия. В связи с этим материалы дела были возвращены в суд первой инстанции[7].

Также следует акцентировать внимание на том, что данный термин применяется и в п. 2 ст. 61.2, п. 2 ст. 61.4 и статье 82 Федерального закона РФ от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[8].

После проведения исследования доктринальных источников можно сделать промежуточный вывод о неполноте раскрытия характеристики взаимосвязанных сделок данными критериями. Так, В. А. Ельченкова отметила, что границы признаков таких сделок изначально размыты, ведь каждый из них взаимосвязан с другим [1, с. 182].

При разработке определения понятия «взаимосвязанная сделка» необходимо акцентировать внимание на том, что имеющиеся подходы и критерии носят всегда субъективный характер. Суд наделен правом самостоятельно квалифицировать заключенные сделки в качестве взаимосвязанных или рассматривать их отдельно.

Рассмотрим признаки, выделенные из анализа судебной практики, на которые, по нашему мнению, следует обратить особое внимание при формировании понятия взаимосвязанных сделок для его закрепления в законодательстве:

1) единый субъектный состав, при котором сделки заключаются с одним и тем же лицом либо с его аффилированными лицами;
2) единство правовой природы сделок;
3) заключаются в одно и то же время либо с коротким временным разрывом;
4) совершаются по поводу имущества, являющегося однородными или технологически связанным, имеющим единое назначение.

А. А. Маковская в своем исследовании высказывает позицию о том, что, исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод об отсутствии абсолютного значения, а также о невозможности свидетельствования взаимосвязанности сделок по признакам взаимосвязанности сделок, выделяемых судами, ввиду того, что данные признаки могут быть рассмотрены исключительно в качестве внешних при том, что взаимосвязанность как категория является внутренней, причинной связью [3, с. 144].

Мнение о том, что под сделками, относящимися к взаимосвязанным, понимаются те сделки, в отношении которых можно сделать вывод об их правовой связи по основным обязательствам и обязательствам, обеспечивающим их исполнение, является распространенной, но дискуссионной. Она не раскрывает критериальные признаки таких сделок и не позволяет участникам правоотношений судить о сделках как взаимосвязанных [2, с. 154–155].

Одним из выделяемых признаков взаимосвязанных сделок является срок их заключения. Исследование релевантной судебной практики показывает, что

---

[7] Дело № А27-1310/2018 // Электронное правосудие. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/4d329dcc-63c7-48fe-92b6-5fef9c311c08 (дата обращения: 12.02.2022).

[8] СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301033/ (дата обращения: 09.02.2022).

в случае проведения таких сделок используется не одновременное их заключение, а более длительный срок, например полгода. Такой срок рассматривается аналогично нормам банкротного законодательства. А именно в применении его к сделкам, которые признаются недействительными и которые были совершены должником в период, предшествующий началу процедуры банкротства. При этом нередко происходят ситуации, когда лицо заключает сделки, не связанные между собой по данному признаку. На наш взгляд, данный признак является субъективным, выделяемым по усмотрению суда и не может быть обозначен наряду с основными признаками. Также, например, при поставке товаров сделки могут быть отдалены друг от друга по срокам заключения, но при этом быть взаимосвязанными, по причине единства цели [4, с. 65].

В научной литературе предлагается такой признак, как внутрикорпоративный контроль. Так, по мнению А. Н. Медведева, коммерческие организации отличаются проведением контрольных процессов по поводу отдельных сделок и их совокупности, если они являются взаимосвязанными, поскольку в корпоративных правоотношениях зачастую не рассматривается каждая отдельная сделка в совокупности с другими сделками и, как следствие, их возможное отнесение к группе сделок, относящихся к взаимосвязанным[9]. После рассмотрения иска конкурсного управляющего в своем постановлении от 16 октября 2017 года АСЗС указал на единство противоправного умысла при заключении взаимосвязанных сделок, о чем свидетельствует исключение из собственности ликвидного имущества[10]. При этом равноценных встречных предоставлений не было проведено.

Суды при удовлетворении требований истца отмечали факт того, что цель субъектов сделок, являющихся предметом спора, заключалась только в создании видимости добросовестного приобретения спорного имущества. Основная задача состояла в выведении имущества из собственности должника. В отношении рассматриваемых сделок (внесение имущества в уставный капитал иного лица, договоры мены и купли-продажи судом был сделан вывод о наличии в них признаков единой сделки. Такие сделки, рассматриваемые в совокупности, в свою очередь, порождают возможность дальнейшего злоупотребления правом для вывода активов должника, о последующем банкротстве которого лицам было известно. Также суды дали оценку действиям всех участников сделки. Их юридически значимые действия реализовывались последовательно путем смены титульных владельцев имущества (нежилого помещения), при этом суды выявили признаки, несвойственные гражданскому обороту.

---

[9] Медведев А.Н. Взаимосвязанные сделки // Бизнес-технологии: обучение и консалтинг. URL: https://bt-seminar.ru/vzaimosvyazannye-sdelki/ (дата обращения: 27.02.2022).

[10] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.10.2017 г. № Ф04-1075/2016 по делу № А27-19163/2014 // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/38210022/ (дата обращения: 27.02.2022).

Верховный суд определением от 19 февраля 2018 года № 304-ЭС17-22964 оставил в силе решения нижестоящих судов[11]. Верховный суд РФ также указал на факт прикрытия сделок, которые направлены на вывод имущества из конкурсной массы путем создания неправомерной фигуры добросовестного приобретателя. Соответственно, имущество у конечного приобретателя было истребовано[12]. Данный пример отражает необходимость внедрения и четкого регулирования внутрикорпоративного контроля для выявления противоправных деяний на начальной стадии проведения сделок.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что доктрина и судебная практика не ограничиваются обозначенными в Постановлении ВС РФ признаками взаимосвязанных сделок, а выделяют и иные. На наш взгляд, для института, имеющего важное значение в гражданских правоотношениях, необходимо законодательно закрепить понятие и открытый перечень признаков, на которые смогут опираться и суды, и участники правоотношений.

Также обратим внимание на экономические признаки взаимосвязанных сделок. Нередко на практике появляются случаи заключения сделок, которые невыгодны для какого-либо лица. При этом их рассмотрение во взаимосвязи со всеми обстоятельствами показывает логику таких решений. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части Первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[13] декларируется недопустимость признания сделки недействительной на основании обстоятельств, которые позволяют рассмотреть такую сделку в качестве экономически оправданной. В качестве примера можно указать, что сделка не должна рассматриваться как недействительная, если имели место такие обстоятельства, которые позволяли бы считать данную сделку оправданной с экономической (хозяйственной) точки зрения. Данные положения могут быть отражены в случае заключения и последующего исполнения сделки при условии, что исполнение такой сделки предотвратило влечение за собой больших убытков, хотя и сделка могла быть рассмотрена в качестве убыточной сама по себе, но вместе с тем она же являлась и составной частью взаимосвязанных сделок, объединенных единой экономической целью, исполнение которых привело бы к извлечению выгоды юридическим лицом. Невыгодные условия сделки при этом явились результатом равнозначных уступок в отношениях с контрагентом, включая и иные сделки.

---

[11] Определение Верховного Суда РФ от 19.02.2018 г. № 304-ЭС17-22964 по делу № А27-19163/2014 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19022018-n-304-es17-22964-po-delu-n-a27-191632014/ (дата обращения: 20.05.2022).

[12] Дело № А27-19163/2014 // Электронное правосудие.

[13] СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 27.02.2022).

В правоприменительной практике данное разъяснение нашло отражение в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 14 июня 2016 года № Ф06-8672/2016[14]. Оно применено судом в качестве ответа на претензию о реализации нежилого помещения по цене ниже рыночной:

1) техническое состояние объекта не соответствовало удовлетворительным требованиям, также в нем отсутствовали производственные мощности для загрузки;

2) объект не приносил прибыль;

3) вырученные за объект денежные средства использовались для укрепления хозяйственной деятельности юридического лица, а также для обеспечения выплат сотрудникам и для уплаты налогов[15].

Вывод: для признания взаимосвязанных сделок противоречащими закону, необходимо доказывать их противоправную цель. В данном случае отсутствовали доказательства рентабельности работы лица с данным объектом, а также приведены причины несения возможных убытков при его содержании, а именно выполнение ремонтных работ и прочее.

Помимо ранее обозначенных признаков, по нашему мнению, следует установить необходимость их закрепления в ГК РФ. Для подобного закрепления также следует рассмотреть Постановление Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 22 сентября 2009 года № 6172/09 по делу № А54-836/2008-С15. Судом установлены следующие факты, раскрывающие взаимосвязь сделок:

1) общее назначение реализованного имущества;

2) взаимосвязь ответчиков и третьих лиц;

3) единая цель заключения сделок — недвижимое имущество было передано одному лицу[16].

Также наряду с вышерассмотренными выделим следующие признаки, которые следует принять во внимание при совершенствовании законодательства РФ в области взаимосвязанных сделок:

1) взаимовлияние и взаимозависимость сделок, а именно создание такими сделками взаимосвязи прав и обязанностей сторон;

2) взаимная связанность субъектного состава правоотношений;

3) единство правовой природы сделок, а именно их однородность (как пример — идентичность договоров);

4) последовательность в заключении взаимосвязанных сделок.

Таким образом, судами предпринимаются попытки выработать универсальные признаки взаимосвязанных сделок, вместе с тем, ввиду сложной правовой природы данного института, судам, как мы полагаем, не следует ограничиваться

---

[14] Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GyNKmqnqUldS/ (дата обращения: 25.02.2022).

[15] Дело № А57-16305/2014 // Электронное правосудие.

[16] Дело № А54–836/2008 // Электронное правосудие. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/770516995 (дата обращения: 27.02.2022).

исключительно количественным или качественным критериями института взаимосвязанных сделок, а надо объединить их, получая синергетический эффект от подобного объединения.

Выводы

В результате рассмотрения вопросов, посвященных понятию взаимосвязанных сделок, их признакам, а также признакам, указывающим на их недействительность, следует сделать вывод о необходимости совершенствования закона в направлении закрепления понятийного аппарата в отношении взаимосвязанных сделок. Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо сохранить право суда изучать признаки сделок максимально полно и самостоятельно.

Таким образом, результатом проведенного исследования может стать вывод о том, что в судебной практике уже сложились определенные критерии по признанию сделок взаимосвязанными. Вместе с тем, несмотря на существующую судебную практику, важно закрепить в законодательстве (гл. 9 ГК РФ) их единое понятие, основанное на критериальных признаках: «сделки, связанные единой хозяйственной целью, увеличивающие по отношению друг к другу стоимость отчуждаемого имущества вне зависимости от однородности обязательств, если следствием таких сделок стали неблагоприятные последствия для стороны, заключившей такие сделки». Кроме того, нужно утвердить и открытый перечень признаков, который смогут применять суды при решении споров, что позволит лицам понимать неправомерность тех или иных деяний в отношении собственности.

Литература

1. Ельченкова В. А. Взаимосвязанные сделки в рамках института крупной сделки // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 181–183.
2. Ильичева М. М. Особенности процедуры одобрения сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, общим собранием акционеров общества // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 153–157.
3. Маковская А. А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут, 2020. 375 с.
4. Полетаева А. Критерии взаимосвязанности сделок // Юридический справочник руководителя. 2013. № 11. С. 58–68.

Literatura

1. El`chenkova V. A. Vzaimosvyazanny`e sdelki v ramkax instituta krupnoj sdelki // Molodoj ucheny`j. 2021. № 47 (389). S. 181–183.
2. Il`icheva M. M. Osobennosti procedury` odobreniya sdelok, v sovershenii kotory`x imeetsya zainteresovannost`, obshhim sobraniem akcionerov obshhestva // Biznes v zakone. 2012. № 1. S. 153–157.

3. Makovskaya A. A. Krupny`e sdelki i sdelki s zainteresovannost`yu: analiz i kommentarij Zakonov «Ob akcionerny`x obshhestvax» i «Ob obshhestvax s ogranichennoj otvetstvennost`yu». M.: Statut, 2020. 375 s.

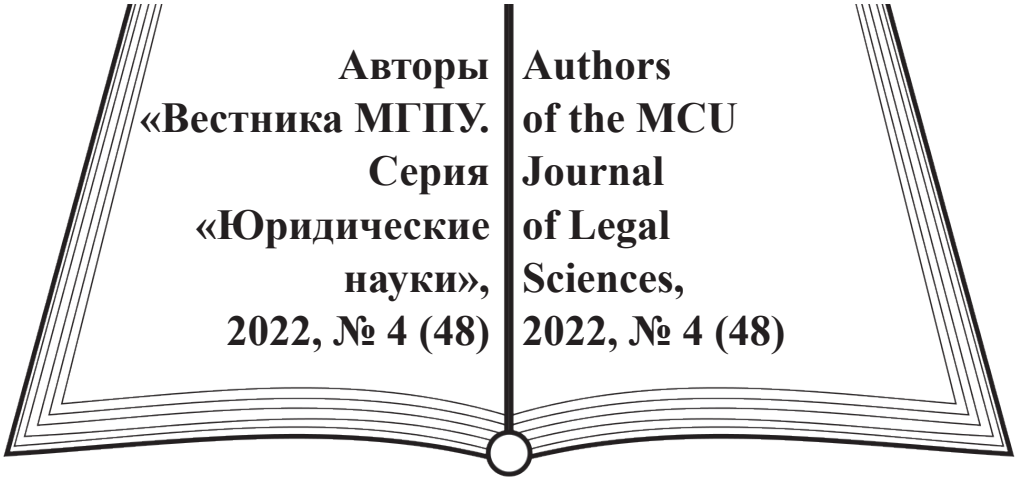
4. Poletaeva A. Kriterii vzaimosvyazannosti sdelok // Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya. 2013. № 11. S. 58–68.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2022;
одобрена после рецензирования: 20.06.2022;
принята к публикации: 21.06.2022.

The article was submitted: 05.06.2022;
approved after reviewing: 20.06.2022;
accepted for publication: 21.06.2022.

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2022, № 4 (48)

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences, 2022, № 4 (48)



Бондарчук Илья Владимирович — руководитель секретариата Комитета Государственного совета Республики Крым по законодательству, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Bondarchuk Ilya Vladimirovich — Head of the Secretariat of the Committee, State Council of the Republic of Crimea on Legislation, Candidate of Law sciences, Assistant Professor of State and Legal Disciplines Department, Crimean Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: sim.just@mail.ru

Батюкова Вера Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ.

Batyukova Vera Evgenievna — Candidate of Law, Assistant Professor of International and Public Law Department, Law Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: batuykova@yandex.ru

Васильев Павел Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Vasiliev Pavel Vyacheslavovich — Candidate of Law, Assistant Professor of Ulyanovsk branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: vapv22031979@yandex.ru

Гущина Татьяна Сергеевна — магистрант юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ.

Gushchina Tatyana Sergeevna — master student of the Law Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation.
E-mail: tanyagushina1@yandex.ru

Гаврилова Юлия Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления МГПУ.

Gavrilova Yuliya Vyacheslavovna — Candidate of Law, Assistant Professor of State and Legal Disciplines Department, Law School, Institute of Law and Management, Moscow City University.
E-mail: GavrilovaUV@mgpu.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Dorskaya Aleksandra Andreevna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, North-West Branch of the Russian State University of Justice.
E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Dorsky Andrey Yuryevich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Mass Communications Management, Saint Petersburg State University.
E-mail: dorski@yandex.ru

Завгородняя Анастасия Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасской юридической академии.

Zavgorodnyaya Anastasia Aleksandrovna — Candidate of Law, Assistant Professor of Civil Law Disciplines Department, Donbas Law Academy.
E-mail: nastacija@mail.ru

Львов Алексей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета.

Lvov Aleksey Vitalievich — Candidate of Law, Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: Lvovav@mgpu.ru

Матчанова Зоя Шарифовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Matchanova Zoya Sharifovna — Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Минникес Ирина Викторовна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор Байкальского государственного университета.

Minnikes Irina Viktorovna — Doctor of Law, Chief Researcher, Institute for Legal Research, Professor at Baikal State University.

E-mail: ivminnikes@mail.ru

Подолянский Максим Сергеевич — аспирант Финансового университета при Правительстве РФ.

Podolyanskiy Maksim Sergeevich — post-graduate student of Financial University under the Government of the Russian Federation.

E-mail: mpodolianskii@gmail.com

Руденко Артем Валериевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Rudenko Artem Valerievich — Candidate of Law, Associate Professor, Head of Administrative and Financial Law Department, Crimean Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: RudenkoCrimea@yandex.ru

Стрельникова Ирина Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Strelnikova Irina Yurievna — Candidate of Law, Associate Professor, Head of Theory and History of Law Department, Crimean Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: irina.strelnikova81@mail.ru

Федорова Екатерина Михайловна — магистр психологии, преподаватель кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия.

Fedorova Ekaterina Mikhailovna — Master of Psychology, Lecturer of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities Department, Russian State University of Justice.

E-mail: katifedor@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ, ПОРЯДОК ПОДАЧИ И РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: http://www.qrz.ru/articles/article260.html (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: PashencevDA@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и Редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация
E-mail: ..a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Использованы формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2021
Поступила после рецензирования / Revised 10.01.2022
Принята к публикации / Accepted 11.01.2022

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2022, № 4 (48)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор ***Д. А. Пашенцев***

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Т. П. Веденеева
Редактор:
И. Е. Посоха
Корректоры:
К. М. Музамилова, С. И. Шостко
Перевод на английский язык:
М. В. Лебедева
Техническое редактирование и верстка:
А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36.
https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 30.12.2022 г.
Формат: 70 × 108 $^{1}/_{16}$. Бумага: офсетная.
Объем: 8,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.